
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 10 2022
Часть 2
ISSN 1812-7339

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,540

Журнал издается с 2003 г.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,387

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Подписной индекс по электронному каталогу «Почта России» – ПА035

Главный редактор

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

Зам. главного редактора

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

Ответственный секретарь редакции

Бизенкова Мария Николаевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. Алибеков Ш.И. (Кизляр); д.э.н., проф. Бурда А.Г. (Краснодар); д.э.н., проф. Василенко Н.В. (Отрадное); д.э.н., доцент, Гиззатова А.И. (Уральск); д.э.н., проф. Головина Т.А. (Орел); д.э.н., доцент, Довбий И.П. (Челябинск); д.э.н., доцент, Дорохина Е.Ю. (Москва); д.э.н., проф. Зарецкий А.Д. (Краснодар); д.э.н., проф. Зобова Л.Л. (Кемерово); д.э.н., доцент, Каранина Е.В. (Киров); д.э.н., проф. Киселев С.В. (Казань); д.э.н., проф. Климовец О.В. (Краснодар); д.э.н., проф. Князева Е.Г. (Екатеринбург); д.э.н., проф. Коваленко Е.Г. (Саранск); д.э.н., доцент, Корнев Г.Н. (Иваново); д.э.н., проф. Косякова И.В. (Самара); д.э.н., проф. Макринова Е.И. (Белгород); д.э.н., проф. Медовый А.Е. (Пятигорск); д.э.н., проф. Покрыган П.А. (Москва); д.э.н., доцент, Потышняк Е.Н. (Харьков); д.э.н., проф. Поспелов В.К. (Москва); д.э.н., проф. Роздольская И.В. (Белгород); д.э.н., доцент, Самарина В.П. (Старый Оскол); д.э.н., проф. Серебрякова Т.Ю. (Чебоксары); д.э.н., проф. Скуфьина Т.П. (Апатиты); д.э.н., проф. Титов В.А. (Москва); д.э.н., проф. Халиков М.А. (Москва); д.э.н., проф. Цапулина Ф.Х. (Чебоксары); д.э.н., проф. Чиладзе Г.Б. (Тбилиси); д.э.н., доцент, Федотова Г.В. (Волгоград); д.э.н., доцент, Ювица Н.В. (Астана); д.э.н., доцент, Юрьева Л.В. (Екатеринбург); к.э.н., доцент, Беспалова В.В. (Санкт-Петербург)

Журнал «Фундаментальные исследования» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397.

Все публикации рецензируются.

Доступ к электронной версии журнала бесплатный.

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,540.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,387.

Учредитель, издательство и редакция:

ООО ИД «Академия Естествознания»

Почтовый адрес: 105037, г. Москва, а/я 47

Адрес редакции и издателя: 440026, Пензенская область, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3

Ответственный секретарь редакции

Бизенкова Мария Николаевна

+7 (499) 705-72-30

E-mail: edition@rae.ru

Подписано в печать 14.10.2022

Дата выхода номера 15.10.2022

Формат 60x90 1/8

Типография

ООО «Научно-издательский центр

Академия Естествознания»,

410035, Саратовская область, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5

Технический редактор

Доронкина Е.Н.

Корректор

Галенкина Е.С., Дудкина Н.А.

Распространение по свободной цене

Усл. печ. л. 12

Тираж 1000 экз.

Заказ ФИ 2022/10

© ООО ИД «Академия Естествознания»

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (08.00.05 (5.2.3, 5.2.6, 5.4.3), 08.00.13 (5.2.2, 5.2.4, 5.2.5))

СТАТЬИ

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ <i>Васенев С.Л.</i>	165
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН <i>Гайнанов Д.А., Уляева А.Г.</i>	171
О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРИ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ <i>Дабиев Д.Ф.</i>	180
ОЦЕНКА РЕЗИЛИЕНТНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ <i>Иванов П.А.</i>	187
КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА <i>Кондратьев Д.В.</i>	193
ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ПРИМОРЬЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЦЕНТРОВ-ФОКУСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ <i>Кошечая Е.С., Лебединская Ю.С.</i>	202
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО УРОВНЕЙ <i>Кузнецова Е.К., Ивашкевич Т.В., Хайрулина Л.Р.</i>	207
РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В РАЗВИТИИ РЕГИОНА <i>Куприянов С.В., Сычева И.И.</i>	213
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ <i>Макаревич А.Н.</i>	218
УСТОЙЧИВОСТЬ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ И ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ <i>Полушкина Т.М.</i>	224
МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ <i>Серова Н.А.</i>	229

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Серяков Г.Н. 233

УЧЕТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В РАЗВИТИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЯСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Трифопова Е.Н. 238

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ЦИФРОВЫХ ФАБРИК ПОСРЕДСТВОМ
ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПОЧЕК ТЕХНОЛОГИЙ

Часовских В.П., Воронов М.П., Кох Е.В. 243

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА
РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Шульженко А.М. 249

CONTENTS

Economic sciences (08.00.05 (5.2.3, 5.2.6, 5.4.3), 08.00.13 (5.2.2, 5.2.4, 5.2.5))

ARTICLES

BALANCE OF DIGITALIZATION OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS
OF RUSSIAN REGIONS

Vasenev S.L. 165

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE SECONDARY VOCATIONAL
EDUCATION SYSTEM IN THE BASHKORTOSTAN REPUBLIC

Gaynanov D.A., Ulyayeva A.G. 171

ON THE QUANTITATIVE ASSESSMENT OF THE BORDER REGIONS
OF SIBERIA WITH PREDOMINANTLY MINERAL RESOURCE POTENTIAL

Dabiev D.F. 180

ASSESSMENT OF THE RESILIENCE OF THE REGIONAL ECONOMY UNDER
THE CONDITIONS OF SANCTION PRESSURE

Ivanov P.A. 187

CRITERIA AND INDICATORS OF THE STUDY OF PROSPECTS
FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL
ORGANIZATIONS ECONOMY OF THE MUNICIPAL DISTRICT

Kondratev D.V. 193

ADVANCED DEVELOPMENT TERRITORY OF PRIMORYE
AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF FOCUS CENTERS
OF THE TERRITORIAL STRUCTURING OF THE TOURIST SPHERE

Koshevaya E.S., Lebedinskaya Yu.S. 202

STRATEGIC GOAL-SETTING IN PUBLIC ADMINISTRATION:
INTEGRATION OF THE NATIONAL AND GLOBAL LEVELS

Kuznetsova E.K., Ivashkevich T.V., Khayrulina L.R. 207

THE ROLE OF THE ECONOMIC MECHANISM IN THE DEVELOPMENT
OF THE REGION

Kupriyanov S.V., Sycheva I.I. 213

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIALIZATION
OF ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN ECONOMY

Makarevich A.N. 218

AGRI-FOOD SYSTEM AND RURAL AREAS: INSTITUTIONAL FRAMEWORK
FOR COORDINATING INCLUSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Polushkina T.M. 224

METHODICAL APPROACH TO ASSESSING THE DEVELOPMENT
OF REGIONAL TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Serova N.A. 229

MANAGEMENT OF INVESTMENT AND CONSTRUCTION ACTIVITIES
IN THE MODERN ECONOMY

Seryakov G.N. 233

TAKING INTO ACCOUNT INTERREGIONAL DIFFERENCES
IN THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC MEAT INDUSTRY

Trifonova E.N. 238

EFFICIENT DIGITAL FACTORIES CREATION
BY THE MEANS OF TECHNOLOGY CHAINS FORMATION

Chasovskikh V.P., Voronov M.P., Koch E.V. 243

MODERN TRENDS IN BUSINESS EDUCATION AS
A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL
AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Shulzhenko A.M. 249

СТАТЬИ

УДК 332.1

**СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ****Васнев С.Л.***Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Шахты,
e-mail: sergey.vasnev@list.ru*

В статье отражены результаты исследования сбалансированности течения процессов цифровизации социально-экономических систем российских регионов. Работа выполнена на основе фактографической базы данных по 82 субъектам РФ. Для каждого из них за 2018–2020 гг. отобраны значения показателей, которые характеризуют уровень цифровизации. Такими показателями позиционируются: оснащённость организаций, действующих в регионе, персональными компьютерами, серверами, локальными вычислительными сетями, «облачными» сервисами, веб-сайтами, специальными программными средствами. В качестве агрегирующего показателя выступает объём затрат на внедрение и использование цифровых технологий. На их базе проведен корреляционный анализ и предпринята попытка построения регрессионной модели зависимости объёма обозначенных затрат и уровня цифровизации региональных социально-экономических систем. Отдельным направлением проведено исследование влияния последствий пандемии коронавирусной инфекции на интенсивность процессов цифровизации региональных социально-экономических систем. В результате установлено, что регрессионная зависимость проявляется только в отношении показателей оснащённости работников организаций персональными компьютерами и использования в их деятельности «облачных» сервисов. По другим показателям установлена определенная разбалансированность, свидетельствующая о проблемах цифрового развития региональных социально-экономических систем. Кроме того, выявлено отсутствие значимого влияния последствий коронавирусной инфекции на интенсивность цифровизации таких систем.

Ключевые слова: цифровизация экономики, региональная экономика, регрессионное моделирование сбалансированности цифровизации

**BALANCE OF DIGITALIZATION OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS
OF RUSSIAN REGIONS****Vasnev S.L.***Institute of service and business (branch) of the Don State Technical University, Shakhty,
e-mail: sergey.vasnev@list.ru*

The article reflects the results of the study of the balance of the processes of digitalization of the socio-economic systems of the Russian regions. The work was carried out on the basis of a factographic database for 82 subjects of the Russian Federation. For each of them for 2018–2020, the values of indicators that characterize the level of digitalization were selected. Such indicators are positioned: the equipment of organizations operating in the region with personal computers, servers, local area networks, “cloud” services, websites, special software. The volume of costs for the introduction and use of digital technologies acts as an aggregating indicator. On their basis, a correlation analysis was carried out and an attempt was made to build a regression model of the dependence of the volume of designated costs and the level of digitalization of regional socio-economic systems. In a separate direction, a study was conducted on the impact of the consequences associated with the coronavirus pandemic on the intensity of the digitalization processes of regional socio-economic systems. As a result, it was found that the regression dependence is manifested only in relation to the indicators of the equipment of employees of organizations with personal computers and the use of “cloud” services in the practice of their activities. According to other indicators, a certain imbalance has been established, indicating the problems of digital development of regional socio-economic systems. In addition, the absence of a significant impact of the consequences of coronavirus infection on the intensity of digitalization of such systems was revealed.

Keywords: digitalization of the economy, regional economy, regression modeling of digitalization balance

Современный этап социально-экономических отношений наиболее ярким образом характеризуют протекающие процессы цифровизации. При этом определенно считается, что на их интенсивность в значительной мере повлияли последствия пандемии COVID-19 [1, с. 22–27]. Но названные процессы являются противоречивыми по направлению и степени воздействий. Вероятно, поэтому одна группа исследователей говорит о неоднозначности деструктивной или даже трансформирующей роли цифро-

визации [2, с. 524–526; 3, с. 156–161]. Другая – о существенной структурной трансформации, происходящей на ее основе, которая, подобно предыдущим технологическим революциям, обеспечивает повышение производительности труда. Последствиями этого становятся: потери актуальности целых сфер экономической системы, но также происходит и формирование новых видов экономической деятельности с соответствующим ростом оплаты труда и потребности в сотрудниках [4, с. 134–137; 5, с. 17–27; 6, с. 60–74].

Таблица 1

Условные обозначения показателей цифровизации экономики

№	Обозначение	Полное наименование	Ед. изм.
1	Пк	Организации, имевшие персональные компьютеры	В % от общего числа
2	Серв	Организации, имевшие серверы	
3	Лвс	Организации, имевшие локальные вычислительные сети	
4	Ос	Организации, имевшие «облачные» сервисы	
5	Веб	Организации, имевшие веб-сайт	
6	Испс	Использование специальных программных средств	Ед.
7	Пк100	Число персональных компьютеров на 100 работников	
8	Зциф	Затраты на внедрение и использование цифровых технологий	Млн руб.

В этом отношении в работе описывается последовательность поиска ответов на вопросы оптимальности цифровизации экономических отношений в российских регионах, так как случаи выявленного дисбаланса могут объяснить противоречивый характер результатов в направлении их влияния на социально-экономическую систему региона.

Для получения научно обоснованных ответов на данные вопросы поставлена цель, заключающаяся в эконометрическом исследовании двух гипотез. Первая гипотеза предполагает, что существует зависимость, определяющая значимое влияние отдельных элементов цифровизации на синергию ее развития. В этом случае можно построить качественную регрессионную модель, описывающую зависимость объема затрат на внедрение и использование цифровых технологий от уровня обеспеченности ими организаций российских регионов. Вторая гипотеза предусматривает существенное влияние на данную зависимость событий 2020 г., связанных с пандемией коронавирусной инфекции.

Материалы и методы исследования

Данная работа основана на эконометрических моделях построения зависимостей между отдельными показателями, характеризующими уровень цифровизации экономических отношений на основе динамики использования организациями (в % от общего числа): персональных компьютеров, серверов, локальных вычислительных сетей, облачных сервисов, веб-сайтов и специальных программных средств. Агрегирующим показателем позиционируется объем затрат на внедрение и использование цифровых технологий, измеряемый в млн руб.

В табл. 1 представлены условные обозначения, введенные по анализируемым показателям.

Пространственный охват исследования ограничен 82 регионами России. Хронологический период работы сфокусирован на 2018–2020 гг. Работа базируется на двух методах: корреляционном и регрессионном анализе. Основные характеристики, принимаемые для их выполнения: число наблюдений (n) равно 82 (по числу изучаемых регионов), соответственно « $n - 2 = 80$ », уровень значимости $\alpha = 0,05$. Тогда критическое значение коэффициента корреляции оценивается в 0,22. Особенности регрессионного анализа, конкретизируются видом построенной модели.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 2 представлена корреляционная матрица показателей, характеризующих уровень цифровизации экономических отношений в России.

Комментируя данные табл. 2, необходимо отметить, что изначальные показатели собраны из официальных данных Росстата за 2018–2020 гг. [7]. Корреляционный анализ проведен на основе их среднего значения за указанный период. В результате, как и предполагалось, выявлена значимая зависимость по матрице показателей, характеризующих уровень обеспеченности организаций регионов: персональными компьютерами, серверами, локальными вычислительными сетями, «облачными» сервисами, специальными программными средствами и веб-сайтами.

Однако отсутствует значимая зависимость между показателем «число персональных компьютеров на 100 работников» и такими показателями, как оснащенность организаций: персональными компьютерами (значение коэффициента корреляции $r_{xy} = 0,144$), локальными вычислительными сетями ($r_{xy} = 0,218$), «облачными» сервисами ($r_{xy} = 0,066$), веб-сайтами ($r_{xy} = 0,190$) и специальными программными средствами ($r_{xy} = 0,218$).

Таблица 2

Корреляционная матрица показателей цифровизации экономических отношений в России, по средним значениям показателей за 2018–2020 гг.

Индикаторы	Пк	Серв	Лвс	Ос	Овеб	Испс	Пк100
Пк	1,000	–	–	–	–	–	–
Серв	0,639	1,000	–	–	–	–	–
Лвс	0,727	0,793	1,000	–	–	–	–
Ос	0,455	0,449	0,345	1,000	–	–	–
Овеб	0,522	0,547	0,541	0,616	1,000	–	–
Испс	0,893	0,692	0,725	0,398	0,482	1,000	–
Пк100	0,144	0,389	0,218	0,066	0,190	0,218	1,000
Зциф	0,055	0,271	0,029	0,259	0,230	0,076	0,550

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа зависимости объема затрат на внедрение и использование цифровых технологий от уровня использования организациями регионов России продуктов этих технологий (случай четырех объясняющих переменных)

Регрессионная статистика			
Множественный R		0,595204	
R-квадрат		0,354268	
Нормированный R-квадрат		0,320724	
Стандартная ошибка		119097,2	
Наблюдения		82	
–	<i>df</i>	Значимость <i>F</i>	
Регрессия	4	7,12081E-07	
–	Коэффициенты	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -Значение
У-пересечение	-732467	-5,495166408	4,86655E-07
Серв	-1092,3	-0,485648463	0,628595518
Ос	7407,377	2,052343574	0,043534661
Овеб	135,1252	0,046854806	0,962750259
Пк100	12277,62	5,532330455	4,18297E-07

При этом в большей мере интересна ситуация отсутствия значимой корреляции между объемами затрат на внедрение и использование цифровых технологий и такими показателями, как обеспеченность организаций: персональными компьютерами ($r_{xy} = 0,055$), локальными вычислительными сетями ($r_{xy} = 0,029$) и специальными программными средствами ($r_{xy} = 0,076$). Следовательно, они не оказывают серьезного воздействия на объем данных затрат. Поэтому регрессионную модель целесообразно строить на основе учета влияния уровня использования организациями серверов, «облачных» сервисов, веб-сайтов и оснащенности работников персональными компьютерами (табл. 3).

Результаты, систематизированные в таблице 3, получены на основе использования

«Пакета анализа – регрессия» MS Excel. Формат выводимых данных упрощен для устранения излишней информации и оптимизации структуры таблицы.

В целом модель регрессии, представленная данными табл. 3, достоверно описывается какими-то особенностями влияния оснащенности российских организаций серверами, «облачными» сервисами, веб-сайтами и персональными компьютерами в расчете на 100 чел. В пользу такого заключения говорит достаточно высокое значение коэффициента множественной корреляции (множественный R). Кроме того, сама регрессионная зависимость может быть признана качественной на основе критерия «значимость *F*», который явно ниже выбранного уровня $\alpha = 0,05$.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа зависимости объема затрат на внедрение и использование цифровых технологий от уровня использования организациями регионов России продуктов этих технологий (случай двух объясняющих переменных)

Регрессионная статистика			
Множественный R		0,593426745	
R -квадрат		0,352155302	
Нормированный R -квадрат		0,33575417	
Стандартная ошибка		117772,2261	
Наблюдения		82	
Дисперсионный анализ			
–	df	Значимость F	
Регрессия	2	3,57E-08	
–	Коэффициенты	t -статистика	P -Значение
Y -пересечение	-741192,6276	-6,19742	2,4388E-08
Ос	6769,817204	2,460391	0,016060586
Пк100	11835,56672	5,89748	8,69567E-08

Таблица 5

Корреляционная матрица показателей цифровизации экономических отношений в России, по средним значениям показателей за 2020 г.

Индикаторы	Пк	Серв	Лвс	Ос	Овеб	Испс	Пк100	Зциф
Пк	1,000	–	–	–	–	–	–	–
Серв	0,700	1,000	–	–	–	–	–	–
Лвс	0,815	0,819	1,000	–	–	–	–	–
Ос	0,460	0,469	0,370	1,000	–	–	–	–
Овеб	0,663	0,654	0,664	0,608	1,000	–	–	–
Испс	0,935	0,771	0,846	0,550	0,700	1,000	–	–
Пк100	0,021	0,169	0,039	0,008	0,107	0,110	1,000	–
Зциф	-0,078	0,110	-0,101	0,140	0,101	-0,009	0,577	1,000

Но что касается самих регрессоров модели, точнее, оценок их коэффициентов, то среди них на основе критерия «значимость F » значимыми можно признать только оценку свободного члена модели регрессии (Y -пересечение) и оценки коэффициентов регрессоров «оснащенность организаций «облачными» сервисами» и «число персональных компьютеров на 100 работников».

Поэтому регрессионную модель необходимо пересчитать (табл. 4).

По данным табл. 4 можно представить модель регрессии зависимости объема затрат на внедрение и использование цифровых технологий от уровня использования организациями «облачных» сервисов и оснащенности последних персональными компьютерами:

$$\text{Зциф} = 6769,8 \cdot \text{Ос} + 11835,6 \cdot \text{Пк100} - 741192,6. (*)$$

О качестве регрессионной модели, представленной формулой (*), говорит, во-первых, высокое значение множественного коэффициента корреляции R . И, во-вторых, P -значения, которые для всех объясняющих регрессоров и Y -пересечения – меньше уровня $\alpha = 0,05$.

Дополнительно содержание исследования предполагает оценку гипотезы, согласно которой на зависимость показателей, характеризующих уровень цифровизации экономических отношений, в сильной мере повлияли события 2020 г. – послед-

ствия пандемии коронавирусной инфекции. Для проверки данной гипотезы проведен корреляционный анализ в разрезе показателей, чьи значения определены только за 2020 г. Здесь интерпретировались не изменения индивидуальных значений показателей, а смена общих тенденций (табл. 5).

Общий смысл изменений роли обеспеченности организаций в объеме затрат, поступающих на внедрение и использование цифровых технологий, не изменился. Они остаются не связанными между собой. Причем в 2020 г. не прослеживается даже зависимости между объемами этих расходов и уровнем использования организациями серверов, «облачных» сервисов и веб-сайтов.

В целом ситуация с коронавирусными особенностями ведения социально-экономической деятельности не стала переломной тенденцией в цифровизации экономических отношений. В 2020 г. продолжался тренд предшествующих периодов. В пользу этого также говорит фактическая фиксация значения объема затрат на внедрение и использование цифровых технологий. Так, в 2019 г. в среднем по региону России размер этих затрат оценивался в 28254,04 млн руб., а в 2020 г. он вырос всего лишь на 6,7%, до уровня в 30153,64 млн руб. То есть темпы прироста данных затрат замедлились. За 2018–2020 гг. они ежегодно повышались в среднем на 18,5% [7].

Заключение

Если попытаться сделать заключение по установленным противоречивым на первый взгляд зависимостям, то в случае с обеспеченностью персональными компьютерами, вероятно, проявляется неоднозначность самой методики. Конфликт двух показателей «число персональных компьютеров на 100 работников» и «доля организаций, использовавших в своей деятельности персональные компьютеры» позволяет думать, что организация может считаться «обеспеченной» при низком уровне вооруженности ее сотрудников персональными компьютерами. Тогда данные показатели, несмотря на «возражения» формальной логики, необходимо определить как немультиколлинеарные.

При этом отсутствие значимой зависимости между числом персональных компьютеров на 100 работников и использованием организациями «облачных» сервисов понятно. Последние во многом формируются как альтернатива необходимости хранения данных на персональном компьютере. Следовательно, может и не быть зависимости между этими показателями.

Вероятно, обозначенная логика действует и по факту зависимости оснащенности труда сотрудников персональными компьютерами и использованием организациями веб-сайтов. Здесь должна наблюдаться зависимость с обеспеченностью серверами, так как процесс использования веб-сайта на современном этапе отлаживается уже на основе «гаджетных» технологий, которые в будущем полностью заменят персональный компьютер как инструмент обработки цифровой информации.

Что касается зависимости между показателем «число персональных компьютеров на 100 работников» и фактами использования организациями локальных вычислительных сетей и специальных программных средств, то здесь значение коэффициента корреляции приближается к ограничительной отметке, которая принята на уровне $r_{xy} = 0,22$. Поэтому принципиальным образом логика первой гипотезы не нарушена.

В целом изучение первой гипотезы показало, что затраты на внедрение и использование цифровых технологий зависят от процессов оснащения работников организаций персональными компьютерами и использованием ими «облачных» сервисов. Причем более капиталоемкими являются затраты на приобретение и использование персональных компьютеров. Здесь на увеличение оснащенности на одну единицу, в среднем в региональной экономике, возникает поток инвестиций в объеме 118,356 млн руб. Тогда как повышение уровня использования организациями «облачных» сервисов на 1,0% от общего числа организаций требует вложений в 6789,8 млн руб. для среднестатистического субъекта РФ. При этом среди инструментов цифровизации на изменение объемов затрат на внедрение и использование цифровых технологий не влияют показатели оснащенности организациями персональными компьютерами, локальными вычислительными сетями и специальными программными средствами.

Наконец, необходимо отметить, что вопреки ожиданиям второй гипотезы в регионах России не выявлено значимых изменений в процессе цифровизации под влиянием последствий коронавирусной инфекции. За исключением, быть может, факта замедления темпов прироста объемов затрат на внедрение и использование цифровых технологий.

В целом проведенное исследование в известной мере показало нарушение оптимальности согласования процессов цифровизации в российских регионах. Это проявилось отсутствием значимой корреляционной зависимости между показателями оснащен-

ности организаций отдельными продуктами цифровых технологий и общим объемом затрат на их внедрение и использование. Таким образом, можно сделать два предположения. Первое – о существенной разнородности развития цифровизации региональных экономик. Второе – о недостаточной эффективности инвестиций для формирования инновационных платформ цифровой экономики. Оба сделанных предположения нуждаются в дальнейших подтверждениях достоверности.

Список литературы

1. Зинич А.В., Помогаев В.М., Скосырева Н.Д. Влияние цифровизации на рынок труда: взгляд городской и сельской молодежи // *Фундаментальные исследования*. 2022. № 1. С. 22–27.

2. Русяков Д.В., Алиева Н.З., Морозова Н.И., Васнев С.Л. Конвергенция безопасности промышленности в условиях цифровизации // *Modern Science*. 2021. № 3–2. С. 524–526.

3. Alieva N.Z., Ivushkina E.V., Morozova N.I., Vasnev S.L. Human capital and identity in the global digital space. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Т. 1100. P. 156–161.

4. Федосеева Л.А., Дубровин Н.А., Воронцов А.М., Барсукова А.Е., Илюшина Е.С. Влияние цифровизации на рынок труда // *Трибуна ученого*. 2021. № 7. С. 134–137.

5. Васина В.Н., Кельчевская Н.Р., Пельмская И.С. Вероятность компьютеризации профессии и ее влияние на заработки в условиях цифровизации рынка труда // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2021. № 4 (34). С. 17–27.

6. Балог М.М., Демидова С.Е., Троян В.В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 5. С. 60–74.

7. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 08.10.2022).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Гайнанов Д.А., Уляева А.Г.

*Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, Уфа,
e-mail: 2d2@mail.ru, ulyaeva.a.g@mail.ru*

Система профессионального образования является одним из важнейших факторов социально-экономического развития страны и ее регионов, поскольку находится в тесной связи с экономикой и социальной сферой жизнедеятельности. Повышение востребованности среднего профессионального образования вместе с изменениями спроса на рынке труда приводят к необходимости трансформации данной системы в целях обеспечения ее соответствия текущим и перспективным потребностям общества. Целью данного исследования стало изучение существующих тенденций развития системы среднего профессионального образования в Республике Башкортостан с позиции обеспечения потребностей самих обучающихся и потребностей рынка труда, а также определение проблем в действующем механизме управления системой среднего профессионального образования в регионе. В результате исследования выявлены тенденции повышения востребованности программ среднего профессионального образования среди выпускников общеобразовательных учреждений, трансформации структуры приема по данным программам, проблемы трудоустройства выпускников учреждений среднего профессионального образования, а также завышенные ожидания обучающихся в отношении будущей профессии и недостаточный уровень их профессиональных и личностных компетенций. Для решения указанных проблем необходимо совершенствование механизма управления системой среднего профессионального образования и обеспечения его адаптивности к условиям современного рынка труда.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, программа подготовки, специалисты среднего звена, квалифицированные рабочие и служащие, трудоустройство

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM IN THE BASHKORTOSTAN REPUBLIC

Gaynanov D.A., Ulyayeva A.G.

*Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Ufa, e-mail: 2d2@mail.ru, ulyaeva.a.g@mail.ru*

The system of vocational education is one of the most important factors in the socio-economic development of the country and its regions, since it is in close connection with the economy and the social sphere. Increasing demand for secondary vocational education, together with changes in demand in the labor market, lead to the need to transform this system in order to ensure that it meets the current and future needs of society. The purpose of this issue was to study the current trends in the development of the secondary vocational education system in the Bashkortostan Republic from the standpoint of meeting the needs of the students and the needs of the labor market, as well as to identify problems in the current mechanism for managing of secondary vocational education system in the region. As a result of the study, trends in the increasing demand for secondary vocational education programs among graduates of general educational institutions, the transformation of the admission structure for these programs, the problems of employment of graduates of secondary vocational education institutions, as well as the high expectations of students regarding their future profession and the insufficient level of their professional and personal competencies are identified. To solve these problems, it is necessary to improve the mechanism for managing of the secondary vocational education system and to ensure its adaptability to the conditions of the modern labor market.

Keywords: secondary vocational education, training program, mid-level specialists, skilled workers and employees, employment

В последние годы активизировался интерес к инженерным и IT-специальностям, которые можно изучать не только в высших учебных заведениях, но и в колледжах и на курсах дополнительного образования. Если раньше основной причиной поступления учащихся в учебные заведения СПО было социально-экономическое неравенство [1], вследствие которого после девятого класса часть выпускников (чаще всего это были дети из привилегированных семей) оставалась обучаться в школе, а остальная (которая не выбирала так называемый «ака-

демический трек») переходила в колледжи и техникумы, то в последние годы первый образовательный переход в систему СПО осуществляется намеренно с целью получения необходимых для будущей профессии технических и инженерных компетенций.

Мировые тенденции также указывают на повышение актуальности СПО, что подтверждается усилением внимания к системе профессионального образования и обучения («technical and vocational education and training», или TVET [2]) в образовательной политике большинства стран. По данным

UNESCO-UNEVOC, доля жителей стран ОЭСР, получающих СПО в 2020 г., составила 41 % [3]. Согласно исследованиям Международного центра UNESCO-UNEVOC по техническому и профессиональному образованию и обучению в развитии TVET, спрос на сквозные и прикладные навыки, скорее всего, будет расти в ближайшие десять лет вследствие активного развития цифровизации и автоматизации и влияния их на рынок труда [2]. Кроме того, согласно другому исследованию вышеуказанной организации, окончание индивидом программы СПО положительно влияет на возможность трудоустройства выпускников из-за их раннего выхода на рынок труда.

Целью исследования являлся анализ системы СПО в Республике Башкортостан с позиции обеспечения потребностей самих обучающихся, образовательных учреждений, а также потребностей рынка труда региона.

Материалы и методы исследования

Методология исследования основывалась на принципах сравнительно-сопоставительного анализа, моделирования социально-экономических систем, сопоставления полученных значений показателей региона с данными по Российской Федерации, а также использования методов статистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный авторами ретроспективный анализ развития системы СПО в Ре-

спублике Башкортостан выявил следующие тенденции и проблемы, обусловленные комплексом факторов.

1. Повышение востребованности программ СПО среди выпускников общеобразовательных учреждений. По результатам опроса, проведенного в июне 2021 г. Исследовательским центром портала Superjob [4], 21 % выпускников школ Российской Федерации планирует поступать в колледж или техникум (в июне 2010 г. эта доля составляла лишь 8 %). Указанная тенденция подтверждается также данными роста численности обучающихся, особенно по программам подготовки специалистов среднего звена. Среди жителей страны в возрасте 25–64 лет доля граждан, имеющих СПО, составляет 44,9 %, в том числе имеющих образование по программам подготовки специалистов среднего звена – 34,7 %, по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 10,2 % [5].

В Республике Башкортостан также наблюдается постепенный рост приема и выпуска по программам СПО (рис. 1). Происходит и увеличение численности студентов, обучающихся по договорам оказания платных образовательных услуг, что в целом подтверждает рост востребованности этого уровня образования. Необходимо отметить, что в республике доля выпускников по программам СПО в общей структуре выпуска выше, чем в стране в целом и в Приволжском федеральном округе (51,6% против 42,9 и 45,3% соответственно).

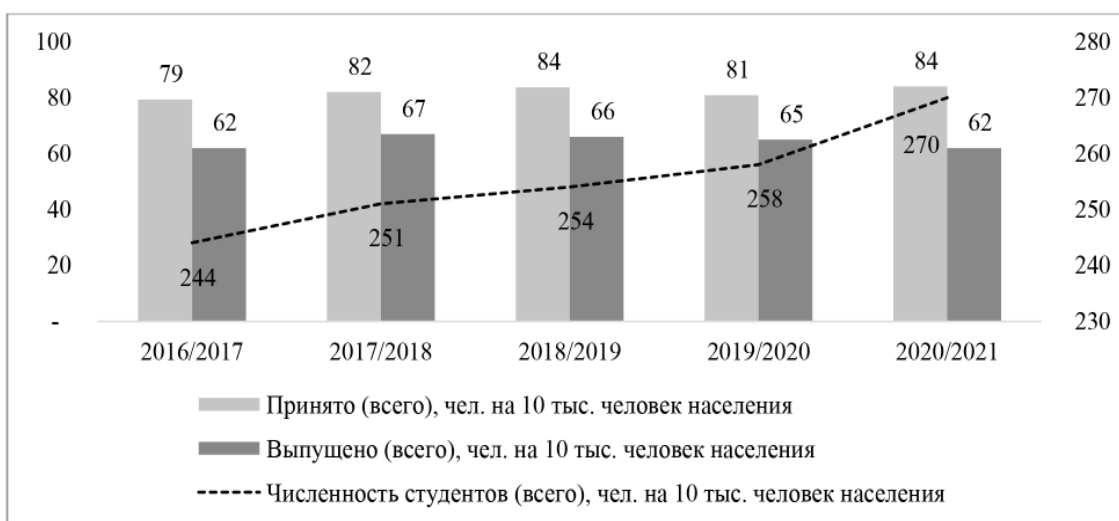

Рис. 1. Численность обучающихся по программам СПО в Республике Башкортостан в 2016–2021 гг., чел. на 10 тыс. населения [6]

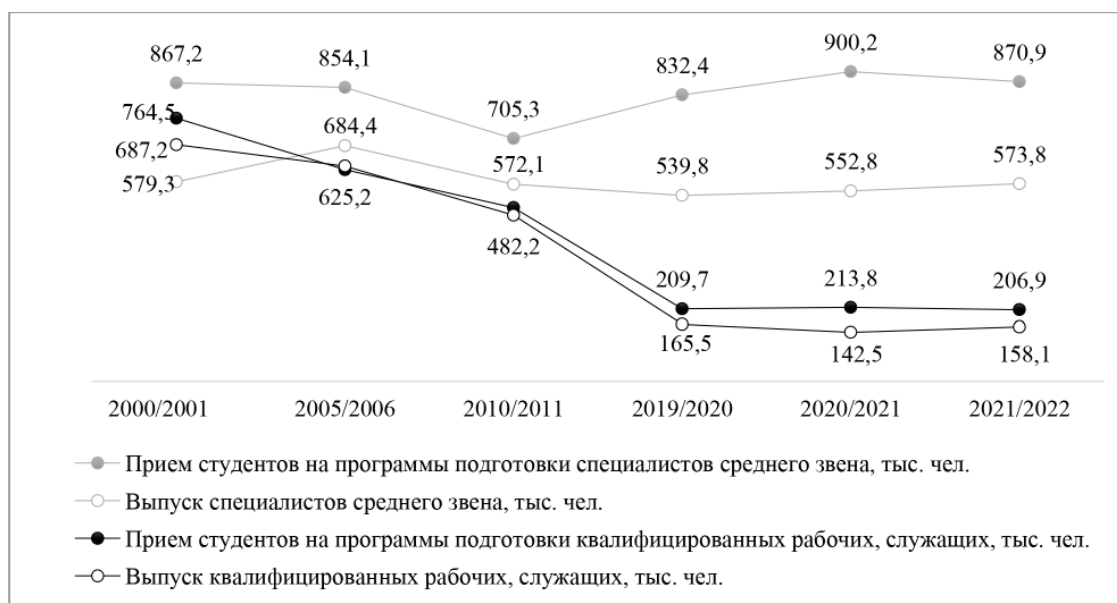

Рис. 2. Прием и выпуск по программам СПО (на начало учебного года) в России [7]

2. Повышение востребованности программ подготовки специалистов среднего звена: наблюдается рост приема и выпуска по данным программам подготовки СПО. Среди программ подготовки СПО повышается востребованность подготовки специалистов среднего звена, в частности в Российской Федерации за последние десять лет рост приема составил 23,5%, а прием на программы подготовки квалифицированных рабочих за аналогичный период снизился в 2,43 раза (рис. 2). Данная тенденция характерна и для Республики Башкортостан, где доля обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена в 2020 г. составила 75,4%, что на 3,1% выше значения 2016 г. Рост востребованности программ подготовки специалистов среднего звена подтверждается также данными по конкурсу на одно место: за последние три года он увеличился на 0,5 чел., за последние 10 лет – на 1,5 чел. Снижение доли обучающихся по профессиям квалифицированных рабочих и служащих объясняется в том числе и более низкой востребованностью выпускников данного уровня образования на рынке труда: если среди выпускников вузов России 2016–2020 гг. более 93,5% были трудоустроены, то для специалистов среднего звена эта доля составила 86,1%, а для квалифицированных рабочих и служащих – 85,5% (для республики соотношение составило 94,4%: 86,3%: 82,8%) [5].

3. Трансформация структуры приема по программам СПО. Структура си-

стемы СПО меняется с течением времени, и основные тенденции и популярность тех или иных профессий можно определить, изучив структуру приема и выпуска по направлениям. Первым узлом в образовательной траектории обучающихся по программам СПО является выбор направления подготовки при поступлении в учебное заведение.

Для программы подготовки *специалистов среднего звена* в 2020–2021 учебном году по сравнению с 2018–2019 учебным годом увеличился спрос на направления «Информатика и вычислительная техника» (доля приема по этим направлениям повысилась на 1,1% от общей численности приема), «Экономика и управление» (+0,9%), «Юриспруденция» (+2,0%), «Сервис и туризм» (+1,7%). Однако снизилась доля приема на направления «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия» (–1,2%), «Электро- и теплоэнергетика» (–1,2%), «Техника и технологии строительства» (–1,0%) [6]. Для программ подготовки *квалифицированных рабочих и служащих* за аналогичный период наблюдается увеличение спроса на такие направления, как «Техника и технологии наземного транспорта» (+2,3%), «Изобразительное и прикладные виды искусств» (+2,2%), «Машиностроение» (+1,5%). В то же время снизилась доля приема по направлениям «Сервис и туризм» (–4,1%), «Техника и технологии строительства» (–1,0%) [6].

Таким образом, несмотря на изменения в структуре рынка труда (повышение спроса на IT-направления и медицинские

специальности, квалифицированных рабочих в строительстве, линейного персонала в промышленности, туристической сфере), на рынке образования по программам СПО данные тенденции учитываются не в полной мере (например, до сих пор увеличивается доля приема на экономические и юридические специальности), в конечном итоге дисбаланс рынков труда и образовательных услуг сохраняется.

4. Трансформация структуры выпуска по программам СПО. Если структура приема отражает текущие тенденции востребованности тех и иных направлений приема, то структура выпуска показывает возможности дальнейшего трудоустройства выпускников.

Структура выпуска специалистов среднего звена является более однородной, в 2020–2021 учебном году незначительно преобладают выпускники по направлениям подготовки «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия» (12,1%), «Экономика и управление» (9,2%), «Техника и технологии строительства» (7,5%). В то же время выпускники по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих в республике имеют неоднородную структуру с преобладанием доли выпускников по направлениям «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» (23,8%), «Машиностроение» (21,0%), «Техника и технологии наземного транспорта» (14,6%) [6].

Анализ динамики выпуска за 2018–2021 гг. по программам подготовки специалистов среднего звена показал рост доли выпускников по направлениям «Информатика и вычислительная техника» (+0,8%), «Образование и педагогические науки» (+0,8%), «Промышленная экология и биотехнологии» (+0,7%). В то же время наблюдается снижение доли выпускников по направлениям «Электро- и теплоэнергетика» (-1,4%), «Техника и технологии строительства» (-0,8%) и «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия» (-0,7%) [6]. Для программ подготовки квалифицированных рабочих трансформация выглядит следующим образом. За аналогичный период наблюдается увеличение доли выпуска по направлениям «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» (+3,4%), «Машиностроение» (+3,2%), «Техника и технологии наземного транспорта» (+2,9%) и снижение доли для направлений «Промышленная экология и биотехнологии» (-13,3%), «Экономика и управление» (-1,8%) и «Технологии легкой промышленности» (-0,6%) [6].

Таким образом, по ряду технических направлений (электро- и теплоэнергетика;

техника и технологии строительства; прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия), несмотря на сохранение значительной доли в общем выпуске ссузов, численность выпускников постепенно снижается, в то же время сохраняется или даже повышается доля выпуска по экономическому направлению, юриспруденции, сервису и туризму.

4. Проблемы трудоустройства выпускников учреждений СПО. Выпускники, вне зависимости от уровня образования, сталкиваются с рядом проблем, вызванных несоответствием их ожиданий (относительно оплаты труда, востребованности полученной профессии, сроком трудоустройства и т.д.) с реальностью на рынке труда.

По данным исследования Росстата [5], выпускники программ СПО сталкиваются с проблемами при трудоустройстве в большей степени, чем выпускники вузов. Если с проблемами при трудоустройстве столкнулись 77,0% выпускников вузов, то для выпускников СПО по программам подготовки среднего звена это значение составило 86,0%, для выпускников СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих – 88,0%. Наиболее острыми, по мнению выпускников, являются проблемы отсутствия или недостаточности опыта при трудоустройстве, недостатка или отсутствия подходящих вакансий и низкий уровень предлагаемой оплаты труда (рис. 3).

В конечном итоге доля трудоустроенных выпускников в Республике Башкортостан за 2016–2020 гг. для учреждений СПО ниже, чем в вузах: по программе подготовки специалистов среднего звена смогли трудоустроиться 83,0% выпускников; по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих – 88,0%; для выпускников вузов по программе специалитета эта цифра составила 97,0%. Доля трудоустроенных по полученной специальности (профессии) еще ниже: для выпускников программ подготовки специалистов среднего звена – 62,0%, подготовки квалифицированных рабочих и служащих – 58,0% [5].

Кроме этого, необходимо учитывать, что существуют различия в возможностях трудоустройства между отдельными направлениями подготовки. Так, в 2018–2020 гг. наибольший процент соответствия полученной специальности занимаемой должности среди специалистов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, отмечен у выпускников медицинской (фармация, сестринское дело и т.д.), музыкальной и художественной сфер деятельности – более 80,0% выпускников работают по специальности.

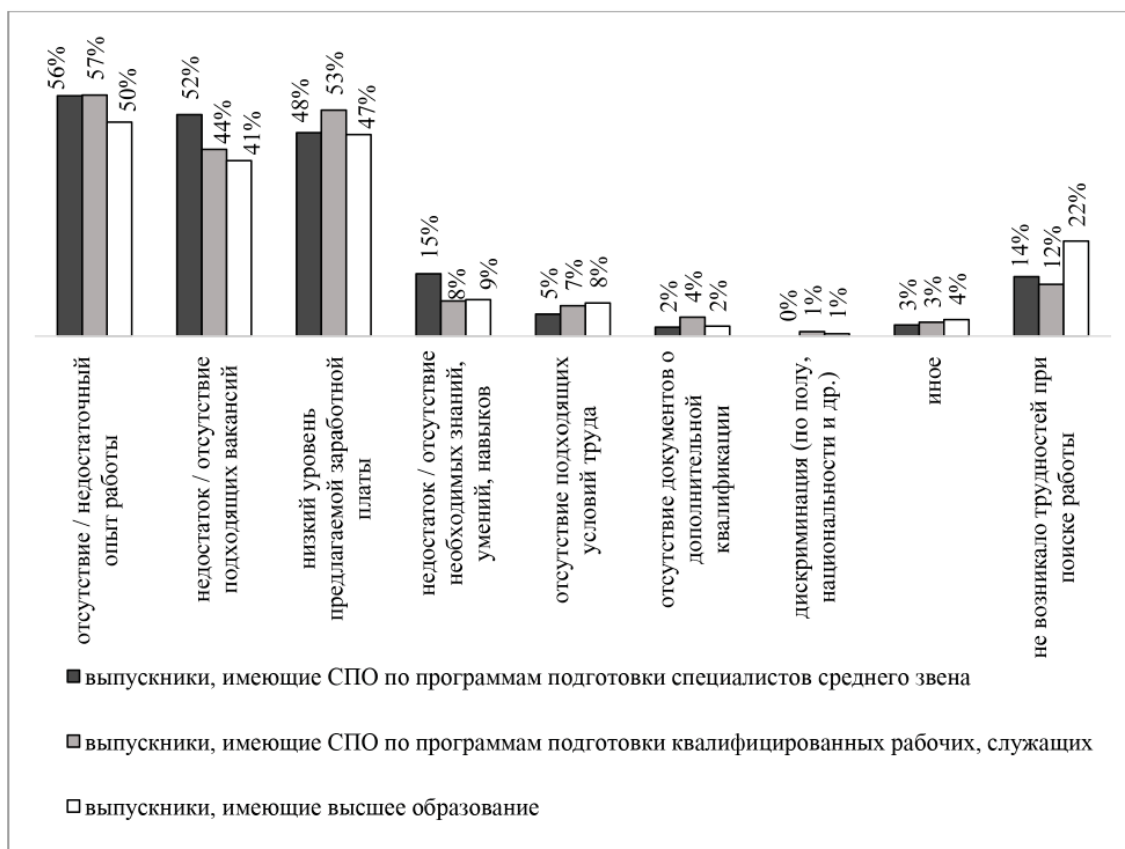

Рис. 3. Структура выпускников 2016–2020 гг., имеющих СПО, по трудностям, с которыми они столкнулись при поиске работы [5]

Наименьшее соответствие – у сельскохозяйственных работников, историков и археологов, геологов и строителей, специалистов информационной безопасности и т.д. [8]. Для квалифицированных рабочих и служащих в числе востребованных – профессии в сфере экономики, медицины, сервиса и туризма, наименее востребованы работодателями выпускники направлений сельскохозяйственной сферы, информационных технологий и т.д.

Анализ планов, запросов и ожиданий самих обучающихся, выходящих на рынок труда Республики Башкортостан, был проведен на основе онлайн-опроса выпускных курсов образовательных организаций, осуществляющих деятельность по образовательным программам СПО (организатор: ИСЭИ УФИЦ РАН; период проведения: 2–13 июня 2022 г.; количество опрошенных: 8 211 студентов выпускных курсов). Опрос включал в себя изучение всех аспектов образовательной траектории обучающихся в организациях СПО.

На первом этапе были выявлены наиболее важные причины поступления в

организации СПО. Как было отмечено выше, поступление в учреждения СПО уже не является вынужденным актом – на первый план выходят такие причины, как востребованность специальности/профессии (51,6% опрошенных), личный интерес к профессиональной сфере (34,9%), а также возможности поступления на высокооплачиваемую работу (28,9%). Среди факторов поступления в учреждения СПО респонденты указали необходимость быстрее начать работать (32,4% опрошенных), важность профессиональной подготовки (29,2%), возможность получения престижной профессии (23,1%) и более высокого заработка (22,9%). Таким образом, при поступлении абитуриенты возлагают значительные надежды на востребованность и высокий уровень зарплаты будущей специальности (профессии).

Далее оценивалась удовлетворенность студентов своим обучением: 56,1% респондентов полностью удовлетворены, и только 8,0% респондентов не удовлетворены процессом обучения в учреждении СПО. Однако большинство респондентов (67,3%)

не собираются останавливаться на данном этапе и планируют продолжить обучение в целях продвижения по карьерной лестнице (50,1%) и повышения конкурентоспособности на рынке труда (24,6%). В большей степени это касается выпускников направлений инженерного дела, технологии и технических наук (37,8%).

На следующем этапе исследование мнения респондентов относительно получаемых профессиональных компетенций показало, что большинство обучающихся в учреждении СПО (82,0%) оценивают свои знания как отличные и хорошие. Однако компаративный анализ имеющихся у респондентов компетенций выявил, что они более позитивно оценивают имеющиеся у них «soft-skills» (умение принимать самостоятельные решения, работать в команде, умение сформулировать, обосновать и отстаивать свою точку зрения), чем «hard-skills» (теоретическая и практическая подготовленность в профессиональной области, соответствие знаний требованиям работодателей). Хуже всего, по мнению респондентов, обстоят дела с лидерскими и коммуникативными навыками, особенно в условиях того, что они являются одними из важных характеристик современного работника наряду с обучаемостью, профессиональными навыками и знаниями, знаниями ИКТ-технологий и др. [9].

Далее проводилось изучение мнения респондентов относительно будущей работы: результаты показали, что, несмотря на то, что изначально абитуриенты выбирали специальность (профессию) сознательно, в ходе обучения некоторые студенты изменили свое мнение и хотели бы ее сменить: так ответил каждый пятый опрошенный (18,9%).

Анализ мнения респондентов по ожиданиям, возможностям и перспективам трудоустройства показал следующее. В подавляющем большинстве опрошенные (73,6%) считают, что с легкостью устроятся на работу по специальности в течение одного года (однако каждый четвертый (26,4%) так не думает). При этом 43,7% опрошенных хотят, чтобы работа соответствовала той специальности, которую они получили, но они готовы рассмотреть и другие варианты. Самым важным фактором выбора места работы для респондентов является высокая зарплата (83,6%), при этом респонденты равномерно разделились по требуемому размеру оплаты труда: 18,8% согласились бы на минимальную заработную плату не ниже 30 тыс. руб., 16,1 – не ниже 40 тыс. руб., 15,4% – не ниже 50, 14,1% – не ниже 100 тыс. руб. Далее идут интерес к про-

фессии (64,9%) и удобный, гибкий график (63,3%).

Соотнеся реальную ситуацию на рынке СПО с результатами опроса, можно выявить ряд дисбалансов:

1) «несоответствие ожиданий в востребованности профессии с реальными возможностями трудоустройства по специальности»: несмотря на то, что большинство респондентов уверены в востребованности своей специальности, по факту почти половина выходящих на рынок труда выпускников учреждений СПО сталкивается с проблемой отсутствия вакансий по специальности;

2) «несоответствие первоначального личного интереса к профессиональной сфере с реальными характеристиками профессии»: для 34,9% абитуриентов заинтересованность будущей профессией являлась ключевым фактором поступления в учреждение СПО, однако в ходе обучения часть обучающихся поменяла свое мнение о будущей работе и не предполагает работать по специальности (21,9% респондентов);

3) «несоответствие ожиданий быстрого начала работы с реальными возможностями трудоустройства»: 32,4% респондентов в качестве ключевого фактора поступления в учреждение указали возможность более быстрого начала работы, однако, согласно данным статистики [7], в России в течение года после окончания учебного заведения трудоустраивается 81,2% специалистов среднего звена и только 76,5% выпускников программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих;

4) «компетентностный дисбаланс»: несоответствие умений выпускников потребностям рынка (как текущим, так и будущим), обучающиеся отмечают недостаточный уровень теоретических и практических знаний в профессиональной области и возможное несоответствие знаний требованиям работодателей, а также недостаточность таких навыков, как коммуникация, способность принимать решения, управлять людьми и сотрудничать.

6. Проблемы адаптивности действующего механизма управления системой СПО. Одним из факторов формирования дисбалансов является отсутствие у абитуриентов при поступлении в учебное заведение знаний о выбранной специальности (профессии), ее востребованности на постоянно меняющемся рынке труда и возможностях входа на рынок труда. Для решения данной проблемы необходима организация адаптивного механизма управления системой СПО в регионе, способного к оперативному реагированию на внутренние и внешние изменения и вызовы.

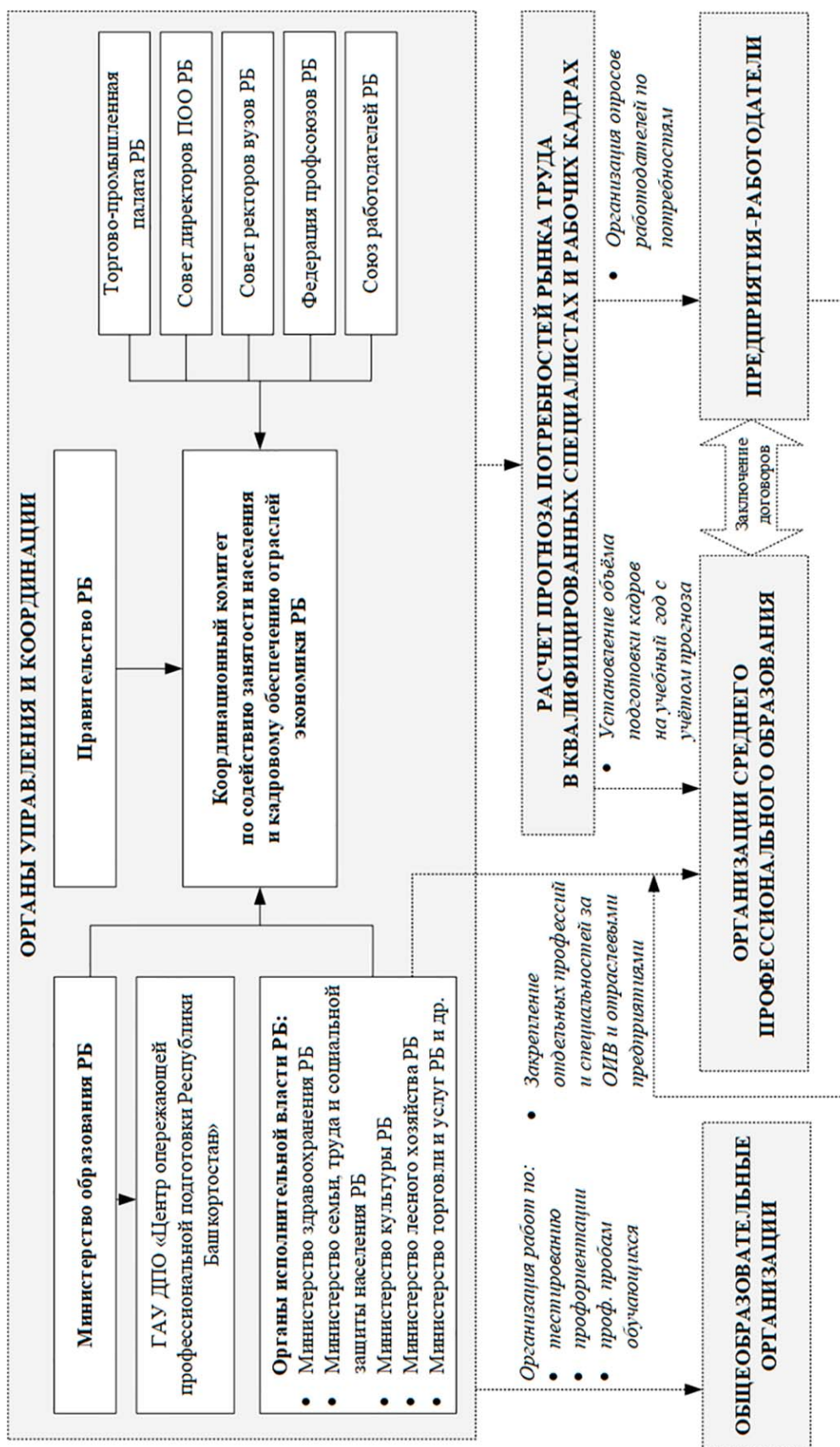

Рис. 4. Механизм управления системой СПО в Республике Башкортостан

Предложения по совершенствованию механизма управления системой СПО
в Республике Башкортостан

Элементы механизма	Предложения по совершенствованию
Синхронизация механизма управления СПО с системой стратегического управления республики	– определение текущей и будущей потребности экономики республики в специалистах среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих; – прогнозирование потребности в специалистах среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих по специальностям и профессиям с учетом разрабатываемого Прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан в целом по республике и в разрезе муниципальных районов и городских округов республики на предстоящий год, среднесрочный и долгосрочный периоды, а также в разрезе видов экономической деятельности; – обеспечение взаимосвязи Стратегии социально-экономического развития, Прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан, стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, государственных и муниципальных программ с позиции синхронизации потребностей кадров для обеспечения потребностей экономики
Инструментарий обеспечения долгосрочных потребностей экономики республики в специалистах и рабочих кадрах	– анализ соответствия существующей структуры подготовки по программам среднего профессионального образования прогнозируемой потребности экономики республики в специалистах среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих; – установление соответствия структуры и объемов подготовки по программам среднего профессионального образования прогнозу потребности региона в специалистах и рабочих кадрах; – определение объема и профиля подготовки (контрольных цифр приема)
Методическое обеспечение прогноза потребности в специалистах со СПО	– разработка адекватной агент-ориентированной модели оценки потребности экономики республики в специалистах с профессиональным образованием и квалифицированных рабочих кадрах, основанной на определении дисбаланса спроса и предложения на региональном рынке труда
Организационное обеспечение	– разработка системы мониторинга обеспечения потребностей экономики республики в специалистах среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих; – оптимизация образовательной сети, включая совершенствование системы целевого дополнительного профессионального образования для переподготовки профессиональных кадров
Система контроля	– формирование системы персональной ответственности региональных органов исполнительной власти за предоставленную информацию по кадровым потребностям
Информационно-аналитическое сопровождение	разработка нового / совершенствование имеющихся программных комплексов, используемых региональными органами исполнительной власти для мониторинга обеспечения потребностей экономики региона

Текущая структура механизма управления системой СПО в Республике Башкортостан представлена на рис. 4. Ядром системы являются образовательные учреждения (96 профессиональных образовательных организаций), в которых осуществляется подготовка кадров по 136 специальностям и 80 рабочим профессиям. Органы управления и координации представлены как отраслевыми органами исполнительной власти, так и специально созданными органами и организациями.

В рамках действующего механизма организованы взаимодействия по вопросам подготовки квалифицированных кадров: 1) республиканскими органами исполнительной власти и отраслевыми предприятиями региона ведется совместная работа

по формированию прогноза потребности в кадрах, содействию развития дуального обучения, трудоустройству выпускников; 2) между учреждениями СПО и работодателями заключаются договоры по направлениям сотрудничества; 3) организовано взаимодействие учреждений СПО с центрами занятости населения, кроме того, в профессиональных образовательных организациях региона созданы центры (отделы) содействия трудоустройству выпускников.

В целях обеспечения соответствия цифр подготовки кадров потребностям рынка труда с 2014 г. в регионе разрабатываются прогнозы потребности рынка труда в квалифицированных специалистах на среднесрочный и долгосрочный периоды (с 2021 г. также путем онлайн-опроса предприятий

и организаций республики). Однако сравнение прогнозных данных потребности рынка труда в квалифицированных специалистах и рабочих кадрах с численностью выпускников вызывает вопросы как в отношении методики прогнозирования, так и в достоверности исходной базы для расчета. В частности, при численности выпускников учреждений СПО в 2020 г. по укрупненной группе специальностей «Экономика и управление» 1 499 чел. (специалисты среднего звена) и 203 чел. (квалифицированных рабочих и служащих) [6] прогноз потребности рынка труда республики в квалифицированных специалистах оценивается соответственно – 2 525 и 2 829 чел. [10], что не соответствует действительности по данной группе специальностей на рынке труда.

Остаются нерешенными также проблемы:

1) выбора абитуриентами перспективных и востребованных специальностей (профессий);

2) несоответствия получаемых компетенций выпускников потребностям рынка труда;

3) несоответствия численности выпускников потребностям рынка труда в квалифицированных специалистах и рабочих кадрах.

Заключение

Для совершенствования и адаптации действующего механизма управления системой СПО в регионе в динамично меняющихся условиях на рынке труда, при повышении требований работодателей к квалификациям работников, устаревании ряда профессиональных компетенций, технологических изменениях, росте неопределенности в сфере занятости необходима реализация ряда мер как организационного, так и информационно-аналитического характера, которые представлены в таблице.

Помимо этого, необходимо понимать, что для формирования структуры будущих трудовых ресурсов наиболее эффективно не только прогнозировать, но и управлять, корректировать иррациональное поведение человека на рынках труда и образовательных услуг, задавая различные сценарии воздействия на экономических агентов. Управляющими факторами должны являться такие параметры, как количество бюджетных мест, рейтинг вуза, стоимость обучения по специальности, количество мест в общежитиях в регионе, уровень зарплата, число вакантных мест и др. Все эти управляющие меры необходимо комбинировать, чтобы оценить их эффект на поведение человека уже при выборе специальности, что позволит решить проблему обеспече-

ния потребности в будущих специальностях и профессиях исходя из перспектив развития различных видов экономической деятельности в регионе.

Действенным инструментом оценки эффективности влияния управляющих параметров является агент-ориентированное имитационное моделирование различных сценариев государственного воздействия [11] с целью формирования необходимых будущих трудовых ресурсов.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.

Список литературы

1. Богданов М.Б., Малик В.М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенство в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 392–421.

2. UNESCO-UNEVOC Study on the trends shaping the Future of TVET teaching. UNESCO-UNEVOC. 28 August 2017. Retrieved 23 December 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://unevoc.unesco.org/home/UNEVOC+Publications/lang=en/akt=detail/qs=6396> (дата обращения: 17.09.2022).

3. Education at a Glance 2021. OECD iLibrary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/b35a14e5-en.pdf?expires=1666610052&id=id&accname=guest&checksum=6C2A393D30D541ADC9A1092A30BDC33> (дата обращения: 17.09.2022).

4. 16% родителей выпускников заявили, что COVID-19 изменил планы на будущее их детей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112739/16/> (дата обращения: 01.10.2022).

5. Выборочное федеральное статистическое наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, 2021. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 01.10.2022).

6. Образование и культура в Республике Башкортостан: Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2021. 130 с.

7. Гохберг Л.М., Кузьмичева Л.Б., Озерова О.К. и др. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.

8. Трудоустройство выпускников 2018–2020 гг. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.10.2022) (дата обращения: 01.10.2022).

9. Changing inter-occupational competencies in the wake of the digital shift. Perspectives for the regulatory and implementation levels. VET TRENDS. 2019. P. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bwp-zeitschrift.de/dienst/veroeffentlichungen/en/bwp.php/en/bwp/show/10419/> (дата обращения: 17.09.2022).

10. Прогноз потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах и рабочих кадрах в разрезе уровней образования по 55 укрупненным группам специальностей на 2018–2020 годы по Республике Башкортостан. Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/other/297026/> (дата обращения: 01.10.2022).

11. Гайнанов Д.А., Миняев А.И. Управление поведением человека в мультиагентной системе рынков труда и образовательных услуг // Экономика труда. 2021. № 6. С. 615–630.

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРИ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Дабиев Д.Ф.

*ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения Российской академии наук, Кызыл, e-mail: daviddabiev@yahoo.com*

Показано, что на территории Сибири дислоцируется значительная часть запасов полезных ископаемых страны. Проведена количественная оценка регионов СФО с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом по двум методам стоимостной оценки: разведанных запасов минерального сырья региона без учета эксплуатационных и иных затрат и с учетом среднего объема добычи полезного ископаемого в регионе. Результаты оценки показывают, что высокий стоимостной потенциал минеральных ресурсов характерен для таких регионов, как Красноярский край, Кемеровская, Иркутская, Томская области. Значительный потенциал имеют также Алтайский край, Республика Хакасия и Республика Тыва. Тем не менее выбор метода стоимостной оценки существенно влияет на ранг минерально-сырьевого потенциала регионов. Несмотря на значительный потенциал минеральных ресурсов регионов, возможности добычи полезных ископаемых не всегда являются благоприятными. Это связано со многими факторами: удаленностью, неразвитостью как транспортной, так и энергетической инфраструктуры, отсутствием инвестиций и т.д. Результаты стоимостной оценки приграничных регионов СФО с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом – Республики Тыва и Алтайского края – говорят о том, что каждый из этих регионов имеет свои особенности развития. Тыва – один из богатейших приграничных регионов Сибири по минерально-сырьевому обеспечению, но отсутствие инфраструктуры не дает реализовать потенциал недр республики. Здесь возможно применение различных инструментов, например участие государства на условиях государственно-частного партнерства либо концессии. Алтайский край, хоть и имеет высокий коэффициент используемого потенциала минеральных ресурсов, остается недоизученным в геолого-экономическом плане.

Ключевые слова: оценка, минеральное, сырьевой, количественная, Тыва, Алтайский край, потенциал, Сибирь, запасы, инфраструктура

ON THE QUANTITATIVE ASSESSMENT OF THE BORDER REGIONS OF SIBERIA WITH PREDOMINANTLY MINERAL RESOURCE POTENTIAL

Dabiev D.F.

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian branch of RAS, Kyzyl,
e-mail: daviddabiev@yahoo.com*

It is shown that a significant part of the country's mineral reserves is located on the territory of Siberia. A quantitative assessment of the regions of the Siberian Federal District with predominantly mineral resource potential was carried out using two methods of valuation: the proven reserves of mineral raw materials of the region without taking into account operational and other costs and taking into account the average volume of mineral extraction in the region. The results of the assessment show that the high value potential of mineral resources is typical for such regions as the Krasnoyarsk Territory, Kemerovo, Irkutsk, Tomsk regions. Altai Krai, the Republic of Khakassia and Tyva also have significant potential. Nevertheless, the choice of the valuation method significantly affects the rank of the mineral resource potential of the regions. Despite the significant potential of the mineral resources of the regions, the opportunities for mining are not always favorable. This is due to many factors: remoteness, underdevelopment of both transport and energy infrastructure, lack of investment, etc. The results of the valuation of the border regions of the Siberian Federal District with mainly mineral resource potential - the Republic of Tyva and the Altai Territory, indicate that each of these regions has its own development characteristics. Tyva is one of the richest border regions of Siberia in terms of mineral resources, but the lack of infrastructure does not allow realizing the potential of the republic's subsoil. It is possible to use various tools here, for example, state participation on the terms of a public-private partnership or a concession. The Altai Territory, although it has a high coefficient of the used potential of mineral resources, it remains understudied in geological and economic terms.

Keywords: assessment, mineral, raw, quantitative, Tuva, Altai krai, potential, Siberia, reserves, infrastructure

К регионам с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом (ПСМП) относятся 32 субъекта РФ, которые нуждаются в специальных условиях развития, направленных на раскрытие их экономического потенциала. Учитывая, что эти регионы в основном сосредоточены на территории Сибири, нам следует остановиться более подробно на них [1].

Во-первых, нам бы хотелось определиться с объектом исследования, то есть определить перечень регионов, которые нам необходимо оценить. Безусловно, нам следует рассматривать Сибирь с точки зрения административных границ Сибирского федерального округа (СФО). Конечно, существуют различные подходы к определению понятия Сибирь и ее границ, например

с позиции выделения Сибири как мегарегиона и учета при определении его границ таких параметров, как экономические критерии, культурно-исторические связи и т.д. [2]. В этом случае она будет рассматриваться как мегатерритория, охватывающая территорию не только СФО, но и Дальнего Востока. Но эти и другие вопросы следует отнести к дискуссионным и даже философским, учитывая множество различных тем, которые пересекаются при их рассмотрении. После присоединения в 2018 г. к Дальневосточному округу Республики Бурятия и Забайкальского края, которые ранее относились к СФО [3], в настоящее время насчитывается десять сибирских регионов, из которых семь мы относим к регионам с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом: Иркутская, Томская и Кемеровская области, Красноярский край, Алтайский край, Республика Тыва и Республика Хакасия [1]. Из вышеуказанных регионов только два относятся к приграничным регионам: Алтайский край и Республика Тыва. Прежде чем выполнить количественную оценку минерально-сырьевых ресурсов регионов с ПМСР Сибири, сравним их запасы и объемы добычи полезных ископаемых.

Целью данного исследования является количественная оценка стоимостного потенциала регионов Сибири с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом.

Применялись методы научного наблюдения, анализа, синтеза, стоимостная оценка.

Результаты исследования и их обсуждение

В целом в регионах Сибирского федерального округа сосредоточено 97% платиноидов страны, а также более 77% запасов угля, 73% рения, более 62% марганцевых руд, 55% циркония, 40% меди, 37% золота, 37% свинца, 32% германия, 21% молибдена, 20% серебра, 16% цинка, 13% сурьмы, около 10% железных руд, 8% нефти, 7% газа горючего и конденсата и других полезных ископаемых (по категориям $A+B_1+C_1$) [4].

По запасам нефти лидирует Красноярский край, на ее долю приходится 55% полезного ископаемого в структуре общих запасов СФО. Несколько меньше запасов у Иркутской и Томской областей, соответственно на них приходится 22 и 20,6% запасов округа. На территории Иркутской области расположены 15 месторождений нефти с запасами по категориям $A + B_1 + C_1$ – 360,7 млн т, Томская область располагает 336,9 млн т нефти по этим же ка-

тегориям запасов (табл. 1). Что касается конденсата, горючих газов, первенство по запасам принадлежит Иркутской области, на долю которой приходится 62,6% конденсата и 65,8% горючих газов в структуре СФО. В Томской области сосредоточено 13,8% конденсата, 5,7% горючих газов Сибири.

Безусловно, топливное сырье сосредоточено в основном в Кемеровской области. На ее долю приходится более 88% запасов Сибири коксующихся углей, 61% энергетических, 41% бурых и 46% горючих сланцев. Коксующиеся угли также представлены в Республике Тыва, доля которых в СФО составляет 11,8%. Кроме того, энергетический уголь представлен в таких регионах, как Иркутская область (27,7%), Республика Хакасия (11,5%). Что касается других видов топливного сырья, большая часть запасов торфа находится в Томской области (95,7%), горючие сланцы сосредоточены в Иркутской и Кемеровской областях.

Практически все виды черных металлов в виде месторождений обнаружены в Красноярском крае, на его долю приходится треть запасов СФО железных руд, две трети запасов ванадия, почти половина запасов титана и одна пятая часть запасов марганцевых руд. Не менее богаты черными металлами Иркутская и Кемеровская области, на долю которых приходится 30,3% и 14,8% запасов железных руд соответственно. При этом на Кемеровскую область приходится более 81,7% всех запасов Сибири марганцевых руд, а Иркутская область богата также запасами диоксида титана (20,1%). Железными рудами также богаты Алтайский край, Республика Хакасия, и значительное количество запасов диоксида титана дислоцировано в Томской области (32,8%).

Значительными богатствами цветных, редких и редкоземельных металлов обладает Красноярский край, на долю которого приходится 100% сурьмы и скандия, 84% меди округа, также более половины запасов свинца, 99% запасов платиноидов, 75% редкоземельных металлов, 70% запасов серебра, 70% бокситов, 56% нефелиновых руд, 41% золота, 36% галлия. Иркутская область располагает 100% запасами олова в Сибири, 51% золота, 15% серебра. В структуре запасов цветных, редких и редкоземельных металлов Сибири на долю Тывы приходится почти 11% меди и цинка, 22% молибдена. Алтайский край богат месторождениями циркония, молибдена, свинца (табл. 1).

Таблица 1

Доля запасов полезных ископаемых регионов (по категориям А + В₁ + С₁)
с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом в СФО [5]

	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Республика Тыва	Республика Хакасия	Томская область	Алтайский край
Углеводородное сырье							
Нефть	22,0		55,1			20,6	
Конденсат	62,6		23,5			13,8	
Газы горючие	65,8		28,5			5,7	
Топливное сырье							
Уголь коксующийся		88,2		11,8			
Уголь энергетический	27,7	60,8			11,5		
Уголь бурый	3,5	40,6	55,9				
Торф			3			69,1	
Горючие сланцы	54,4	45,6					
Черные металлы							
Железные руды	30,3	14,8	30,2		16,2		7,8
Марганцевые руды		81,7	18,3				
Титан (TiO ₂)	20,1		45,1			32,9	
Ванадий			62,4				
Цветные, редкие и редкоземельные металлы							
Бокситы			70				22,7
Нефелиновые руды			55,9				
Медь		1,3	85,3	10,6	0,7		
Свинец	2,0	1,8	60,4	3,4	0,4		34,4
Цинк	0,0	18,7	7,2	11,2	0,2		62,9
Молибден				22,2	77,8		
Олово	100,0						
Кадмий			13,7				82,2
Сурьма			100				
Галлий			36,1				
Скандий			100				
Цирконий	6,5			57,0		29,7	
Редкоземельные металлы			75,4				
Благородные металлы, алмазы							
Золото	50,8	2,4	40,8	0,9	4,1		
Серебро	14,9	4,4	69,8		5,1		
Платиноиды	1,1		98,8				

В целях сравнения запасов минерального сырья в стоимостном выражении регионов Сибири с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом, нами была проведена количественная оценка по стоимостному методу [5]:

1. Рассчитана абсолютная стоимость минерально-сырьевых ресурсов по следующей формуле:

$$AC = \sum_{k=1}^k Z_i \times P_j.$$

где AC – абсолютная стоимость минерально-сырьевых ресурсов региона;

Z_i – запасы полезного ископаемого по категориям A + B₁ + C₁;

P_j – средние экспортные цены на единицу полезных ископаемых за последние пять лет на мировых товарных и биржевых рынках.

При оценке принята средняя цена доллара США за последние три года в размере 75 руб.

Под абсолютной стоимостью минерально-сырьевых ресурсов следует понимать результаты оценки расчета стоимости разведанных запасов минерального сырья региона без учета эксплуатационных и иных затрат, в данном случае запасы полезных ископаемых по категориям A + B₁ + C₁.

Выполненная оценка показывает, что по абсолютной стоимости минерально-сырьевых ресурсов регионов Сибири с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом лидирует Кемеровская область – 7661 млрд долл. Безусловно, львиная доля ресурсного потенциала региона приходится на каменные угли (рис. 1).

Далее следует Красноярский край, стоимостной потенциал которого оценивается нами в 2072 млрд долл. В структуре стоимостного потенциала ресурсов края половина приходится на угли, на углеводородное сырье приходится 28,4%, на цветные, редкие и редкоземельные металлы, радиоактивные элементы приходится 10,6%, а на черные металлы – 7,9%.

Не менее богатым регионом является и Иркутская область – стоимостной потенциал 1965 млрд долл., в структуре стоимостного потенциала минерально-сырьевых ресурсов на долю углей приходится 50%, около 30% приходится на углеводородное сырье, черные металлы – 8,2%. Область богата также золотом, поэтому неудивительно, что доля благородных металлов в структуре стоимостного ресурсного потенциала региона составляет 11,6%.

Стоимостной потенциал Томской области оценивается в 1576 млрд долл. Регион богат месторождениями углеводородного сырья, торфом, титаном, цирконием. В структуре округа запасы нефти составляют 20,6%, конденсата – 13,8%, газа горючего – 5,7%. Запасы диоксида титана составляют 32,8% запасов округа. В структуре стоимостной оценки значительная доля приходится на цветные, редкие и редкоземельные металлы (82,6%), связано это с тем, что на территории области дислоцируется уникальное Туганское месторождение циркон-ильменитовых песков, в которых запасы циркония оцениваются в 1007,3 тыс. т, составляя 29,7% от запасов СФО. Стоимостной потенциал углеводородного сырья составляет 11,5%, твердых горючих ископаемых – 5,6%.

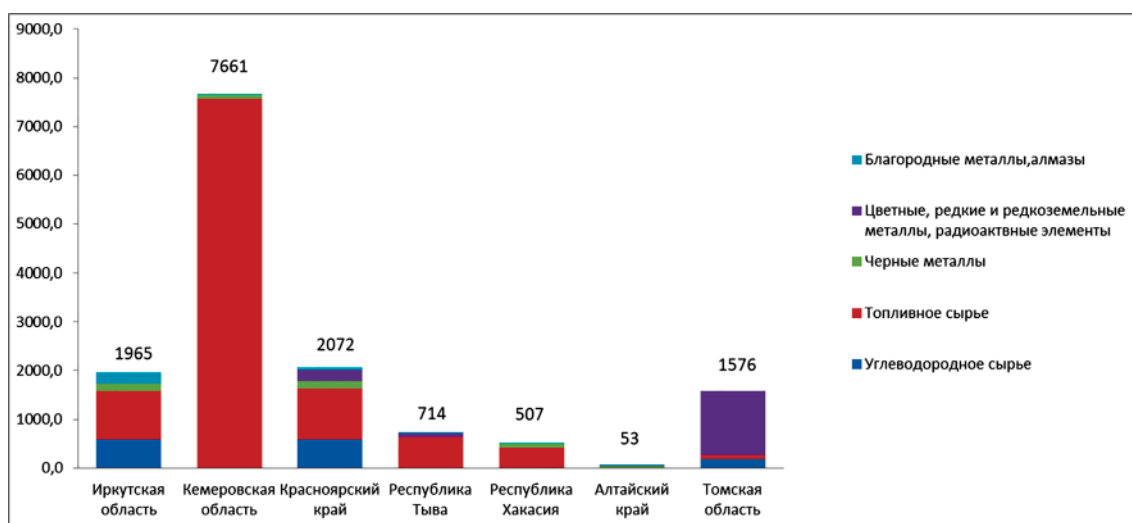

Рис. 1. Результаты оценки абсолютной стоимости минерально-сырьевых ресурсов регионов Сибири с ПСМП, млрд долл.

Стоимостной потенциал Республики Хакасии – 507 млрд долл. Регион богат месторождениями энергетических углей, молибденом, железными рудами, золотом, серебром и другими полезными ископаемыми.

Рассмотрим оценку стоимостного потенциала приграничных регионов – Республики Тыва и Алтайской области. Во-первых, следует отметить, что потенциал Тывы оценивается в 714 млрд долл., в котором около 92% приходится на топливное сырье. Республика богата месторождениями каменного угля – Улуг-Хемский бассейн с запасами угля по категориям А + В₁ + С₁ около 4 млрд т является одним из перспективных направлений для дальнейшего наращивания производства экспорта коксуемого угля наряду с Кемеровской областью. Несмотря на незначительный стоимостной потенциал минеральных ресурсов Алтайского края, который оценивается в 53 млрд долл., регион богат месторождениями свинца, цинка, кадмия, бокситов.

2. При расчете минерально-сырьевого потенциала регионов использована несколько иная методика стоимостной оценки – методика оценки экспортно-ресурсного потенциала регионов, предложенная учеными географического факультета МГУ [6], в которой минерально-сырьевой потенциал регионов рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{МСПР} = \sum_{k=1}^k D_i \times P_j,$$

где МСПР – минерально-сырьевой потенциал региона;

D_i – средний объем добычи полезного ископаемого в регионе за последние три года (2017–2019 гг.);

P_j – средние экспортные цены на единицу полезных ископаемых за последние пять лет на мировых товарных и биржевых рынках.

При оценке принята средняя цена доллара США за последние три года в размере 75 руб.

Результаты количественной оценки ресурсного потенциала регионов Сибири с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом показывают, что общий объем потенциала минеральных ресурсов составляет 58,3 млрд долл., при этом наибольший объем добычи полезных ископаемых в стоимостном выражении наблюдается в Кемеровской области, доля которого в структуре СФО составляет 41%, или 23,9 млрд долл. За ней следуют Красноярский край с потенциалом минеральных ресурсов 15,8 млрд долл., Иркутская область – 10,7 млрд долл. Приграничные регионы РСМП – Республика Тыва

и Алтайский край имеют потенциал, равный 517 и 1564 млн долл. (табл. 2).

Таблица 2

Результаты количественной оценки ресурсного потенциала регионов СФО с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом

	Млн долл.	Доля, %
Иркутская область	10713	18,4
Кемеровская область	23880	41,0
Красноярский край	15804	27,1
Республика Тыва	517	0,9
Республика Хакасия	2195	3,8
Алтайский край	1564	2,7
Томская область	3638	6,2
ИТОГО	58312,2	100,0

Количественная оценка ресурсного потенциала регионов СФО с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом показывает несколько иную картину, чем стоимостная оценка. Несмотря на значительный потенциал минеральных ресурсов регионов, возможности добычи полезных ископаемых не всегда являются благоприятными. Это связано со многими факторами: удаленностью, неразвитостью как транспортной, так и энергетической инфраструктуры, отсутствием инвестиций и т.д. Не секрет, что эти проблемы характерны для Сибири и Дальнего Востока [7–9]. Если Республика Тыва в стоимостной оценке имеет пятый ранг, то при оценке ресурсного потенциала она опускается на последнее место.

Для того чтобы определить, насколько используется потенциал минерально-сырьевых ресурсов, нами предложен и рассчитан коэффициент используемого потенциала минеральных ресурсов регионов, который рассчитывается следующим образом:

$$K_{\text{ПМР}} = 100 \times (\text{МСПР} / \text{АС}),$$

где $K_{\text{ПМР}}$ – коэффициент используемого потенциала минеральных ресурсов региона;

МСПР – минерально-сырьевой потенциал региона;

АС – абсолютная стоимость минерально-сырьевых ресурсов (в данном случае при оценке запасов полезных ископаемых по категориям А + В₁ + С₁).

Наибольший коэффициент используемого потенциала минеральных ресурсов наблюдается у Алтайского края – почти 3%, за ним идут Красноярский край (0,8%), Иркутская область (0,5%), Республика Хакасия – 0,4%. Наименьший показатель у Республики Тыва (0,1%) (рис. 2).

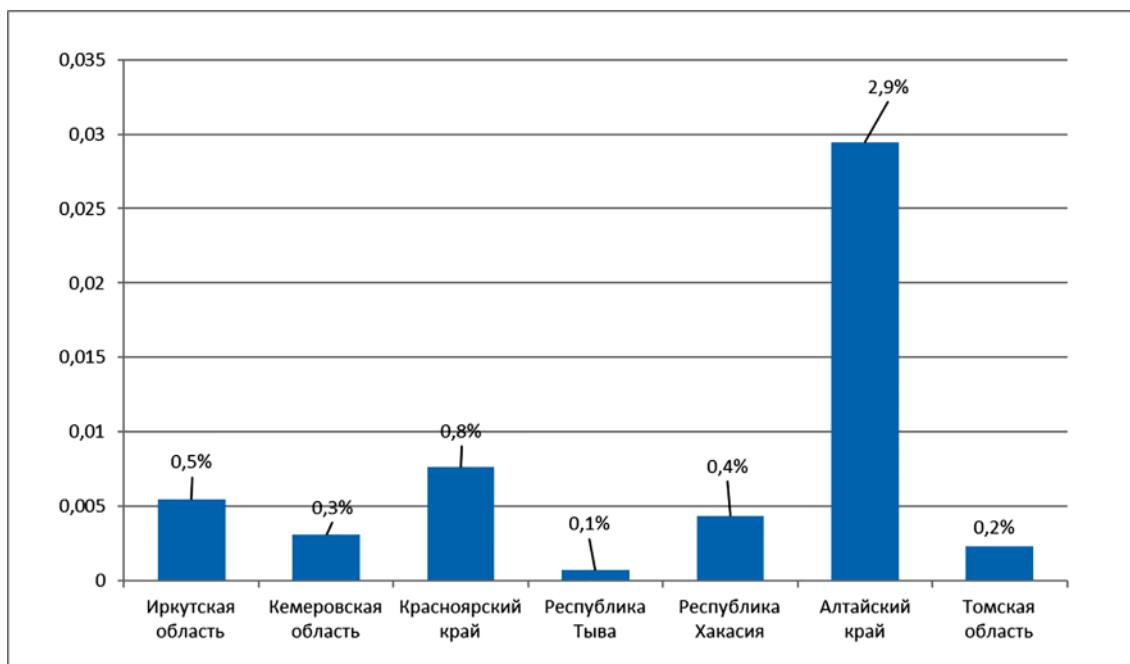

Рис. 2. Коэффициент используемого потенциала минеральных ресурсов регионов Сибири ПМСР ($K_{ПМР}$)

Конечно, данный коэффициент является условным мерилем использования потенциала минеральных ресурсов, поскольку здесь следует учитывать как несопоставимость регионов по богатству недр, так и несопоставимость по другим параметрам – удаленность месторождений, развитие инфраструктуры, бюджетные и инвестиционные возможности регионов и т.д.

Республика Тыва – один из богатейших приграничных регионов Сибири по минерально-сырьевому обеспечению, что подтверждается относительно высоким рангом при оценке абсолютной стоимости минерально-сырьевых ресурсов, но отсутствие инфраструктуры, прежде всего отсутствие железной дороги в регион, слабая автодорожная инфраструктура, а также недостаточность собственных энергетических мощностей, не дают реализовать потенциал недр республики. Конечно, проект строительства железной дороги в Тыву по трассе Курагино – Кызыл предварительно одобрен, но его высокая стоимость в условиях горной трассы через горный хребет Саяны без какого-либо участия государства, видимо, не дают дополнительных гарантий нивелирования рисков для потенциальных инвесторов. Здесь возможно применение различных инструментов, например участие государства на условиях государственно-частного партнерства либо концессии [10]. Что касается еще одного при-

граничного региона ПМСР – Алтайского края – несмотря на высокий показатель используемого потенциала минеральных ресурсов, регион, как и многие другие регионы Сибири, остается недоизученным в геолого-экономическом плане [11]. Несмотря на то, что потенциал недр региона – это более полутора тысяч месторождений, большая часть из них недостаточно изучены как с геологической и технологической, так и с экологической точки зрения.

Заключение

Показано, что на территории Сибири дислоцируется значительная часть запасов полезных ископаемых страны. Проведена количественная оценка регионов СФО с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом по двум методам стоимостной оценки: разведанных запасов минерального сырья региона без учета эксплуатационных и иных затрат и с учетом среднего объема добычи полезного ископаемого в регионе. Результаты оценки показывают, что высокий стоимостной потенциал минеральных ресурсов характерен для таких регионов, как Красноярский край, Кемеровская, Иркутская, Томская области. Значительный потенциал имеют также Алтайский край, Республика Хакасия и Республика Тыва. Тем не менее выбранный метод стоимостной оценки существенно меняет ранги минерально-сырьевого потенциала регионов.

Несмотря на значительный потенциал минеральных ресурсов регионов, возможности добычи полезных ископаемых не всегда являются благоприятными. Это связано со многими факторами: удаленностью, неразвитостью как транспортной, так и энергетической инфраструктуры, отсутствием инвестиций и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00415.

Список литературы

1. Дабиев Д.Ф. Современное состояние и развитие регионов с преимущественно минерально-сырьевой ориентацией // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 1. С. 44–50. DOI: 10.17513/fr.42948.
2. Клисторин В.И. Сибирь как мегарегион с экономической точки зрения // *Идеи и идеалы*. 2016. № 4 (30). Т. 2. С. 97–104.
3. Указ Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849». [Электронный ресурс]. URL: https://www.audat-info.ru/na/editArticle/index/type_id/4/doc_id/24240/release_id/49794/ (дата обращения: 10.10.2022).
4. Справка о состоянии и перспективах использования МСБ на 15.03.2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/page/516.html> (дата обращения: 15.09.2022).
5. Лобанов Н.Я., Невская М.А. Развитие методов экономической оценки минеральных ресурсов // *Записки горного института*. 2013. Т. 201. С. 55–58.
6. Демидова К.В., Макушин М.А., Горячко М.Д., Даньшин А.И., Бобровский Р.О., Чигиренков М.С. Экспортно-географический потенциал территорий, примыкающий к Байкальско-Амурской магистрали // *Известия РАН. Серия географическая*. 2022. Т. 86. № 4. С. 621–638.
7. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю., 2019. Гармонизация развития ресурсного региона: системный подход (на примере Кузбасса) // *Региональная экономика. Юг России*. Т. 7. № 3. С. 34–41. DOI: 10.15688/te.volsu.2019.3.4.
8. Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сборник статей в 6 т. Том 1: Социальные детерминанты развития Сибири в пространстве и во времени / Под ред. С.В. Коржук. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. 200 с.
9. Крюков В.А., Сулов Н.И., Крюков Я.В. ТЭК Азиатской России в мире перемен. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2021. 52 с.
10. Дабиев Д.Ф. Анализ долгосрочных планов социально-экономического развития Республики Тыва // *Проблемы современной экономики*. 2009. № 3 (31). С. 346–349.
11. Минерально-сырьевой сектор Азиатской России: как обеспечить социально-экономическую отдачу / Под ред. акад. РАН В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 352 с.

УДК 332.1:336.1

ОЦЕНКА РЕЗИЛИЕНТНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Иванов П.А.

*Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение
ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа,
e-mail: ivanov-ran@mail.ru*

Статья посвящена исследованию понятия «резилиентность» и его оценке применительно к региональным социально-экономическим системам, функционирующим в современных условиях негативного воздействия факторов внешней среды. Предложена методика оценки резилиентности территорий, в основе которой лежит метод Z-оценки. Отличительными особенностями разработанной методики являются, во-первых, учет на базе шести социально-экономических показателей, сведенных в интегральный индекс, состояния устойчивости экономики определенного региона как по горизонтали (относительно своего прошлого состояния – внутренняя резилиентность), так и по вертикали (в сравнении с другими регионами – внешняя резилиентность) и, во-вторых, использование статистических данных месячной периодичности, обеспечивающих достаточно оперативное отражение изменения состояния резилиентности территории в контексте ее сопротивляемости кризисным явлениям. На примере регионов Приволжского федерального округа проведена апробация предложенной методики, показавшая наличие в большинстве из них высокого уровня устойчивости их экономик несмотря на постепенное накопление кризисных явлений вследствие санкций (ухудшение финансового состояния предприятий и др.), а также сокращение уровня дифференциации между регионами по внешней резилиентности при ее росте по внутренней резилиентности. Установлено, что характер динамики интегрального индекса резилиентности экономики Республики Башкортостан за анализируемый период достаточно четко совпадает с временными границами доковидного (до марта 2020 г.), ковидного (апрель 2020 г. – март 2021 г.), постковидного (апрель 2021 г. – март 2022 г.) и санкционного периодов. Предложена группировка резилиентности территорий в зависимости от характера соотношения ее внешнего и внутреннего компонентов.

Ключевые слова: общественные финансы, санкции, бюджет, регион, резилиентность, инвестиции, государственная программа, стратегическое планирование

ASSESSMENT OF THE RESILIENCE OF THE REGIONAL ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF SANCTION PRESSURE

Ivanov P.A.

*Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, e-mail: ivanov-ran@mail.ru*

The article is devoted to the study of the concept of “resilience” and its assessment in relation to regional socio-economic systems that function in modern conditions of the negative impact of environmental factors. A methodology for assessing the resilience of territories is proposed, which is based on the Z-assessment method. Distinctive features of the developed methodology are, firstly, taking into account, on the basis of 6 socio-economic indicators, summarized in an integral index, the state of stability of the economy of a certain region both horizontally (relative to its past state – internal resilience) and vertically (in comparison with other regions – external resilience) and, secondly, the use of statistical data of monthly frequency, providing a fairly prompt reflection of changes in the state of resilience of the territory in the context of its resistance to crisis phenomena. On the example of the regions of the Volga Federal District, the proposed methodology was tested, which showed that most of them have a high level of stability of their economies despite the gradual accumulation of crisis phenomena due to sanctions (deterioration of the financial condition of enterprises, etc.), as well as a reduction in the level of differentiation between regions in terms of external resilience with its growth in internal resilience. It has been established that the nature of the dynamics of the integral resilience index of the economy of the Republic of Bashkortostan for the analyzed period quite clearly coincides with the time boundaries of the pre-COVID (until March 2020), COVID (April 2020 – March 2021), post-COVID (April 2021 – March 2022) and sanctions periods. A grouping of resilience of territories is proposed depending on the nature of the ratio of its external and internal components.

Keywords: public finances, sanctions, budget, region, resilience, investments, state program, strategic planning

В современных условиях роста геополитической и финансовой нестабильности в мире, санкционного давления на экономику России и ее регионов актуальным вопросом становится обеспечение устойчивости развития территориальных социально-экономических систем, что ставит необходимость проведения ее оценки. В современной экономической науке все чаще устойчивость экономики территории рас-

сматривается через призму резилиентности (resilience – устойчивость, шокоустойчивость, жизнестойкость, жизнеспособность) применительно как к региону в целом (J. Tap и др. [1], V. Rios и L. Gianmoena [2]), так и отдельным секторам экономики (например, малому и среднему предпринимательству – M. Howard и др. [3]). Также в привязке к исследованию резилиентности экономики регионов зарубежными исследователями

рассматриваются такие сферы, как финансовые рынки (С. Tang и др. [4]), банковский сектор (R. Stewart и M. Chowdhury [5]), промышленность (J.F. da Silva и др. [6]) и т.д., что свидетельствует о достаточно широкой проработанности в иностранной экономической литературе данного понятия в многоаспектном разрезе.

Отечественными учеными и экономистами понятие «резилиентность» применительно к региональной экономике рассматривается в работах В.В. Климанова и др. [7], Б.С. Жихаревича и др. [8], А.А. Песоцкого [9] и других авторов. Несомненный интерес представляют исследования резилиентности территории А.В. Одинцовой, М.Ю. Малкиной, С.Г. Важенина и И.С. Важениной, рассматривающие данную дефиницию соответственно с позиции территориального стратегирования [10], анализа факторов, влияющих на устойчивость экономик регионов [11], жизнестойкости территорий [12]. Если подходить к определению резилиентности, то данный термин имеет двойственную сущность: с одной стороны, представляет собой сопротивляемость экономики территории к воздействию внутренних и внешних шоков, а с другой – способность восстанавливаться после этих шоков и выходить на качественно новую траекторию развития [11].

Следовательно, набор показателей, используемый при оценке резилиентности территории, также должен стремиться к отражению состояния как социально-экономического «иммунитета» региона к сдерживанию (снижению) влияния негативных факторов среды, так и ее способности восстанавливаться (выздоровливать) в случае наступления кризисных явлений, но уже на обновленной экономической базе. Данная задача в условиях необходимости получения оперативной информации об изменении состояния экономик регионов как реакции на санкционное давление является непростой, учитывая некоторую ограниченность и объективное запаздывание официальных статданных по социально-экономическому развитию регионов относительно аналогичных показателей на федеральном уровне (в частности, отсутствие квартальных данных об объеме валового регионального продукта, запаздывание его годовых значений по сравнению с ВВП, что явилось причиной исключения данного показателя из списка).

Исходя из вышеизложенного, цель данной статьи заключается в проведении оценки резилиентности экономик субъектов РФ в условиях санкционного давления на при-

мере регионов Приволжского федерального округа (ПФО).

Материалы и методы исследования

В качестве показателя оценки резилиентности экономики территорий предлагается использовать интегральный индекс, составляющие которого рассчитаны методом Z -оценки (Z -score):

$$Z_{i(v,h)} = \frac{X_{i(v,h)} - \bar{X}_{i(v,h)}}{\sigma_{(v,h)}}, \quad (1)$$

где Z_i – Z -оценка i -го показателя;

X_i – текущее значение i -го показателя;

\bar{X}_i – среднее значение по i -му показателю за период;

σ – стандартное отклонение;

h – горизонтальная (внутренняя) резилиентность;

v – вертикальная (внешняя) резилиентность.

Расчет резилиентности осуществлен на базе шести показателей, характеризующих социально-экономическое развитие регионов в сопоставимых ценах:

Z_1 – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения, тыс. руб./чел.;

Z_2 – оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб./чел.;

Z_3 – объем жилищного строительства (ввода жилья), кв. м на 1000 чел.;

Z_4 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.;

Z_5 – уровень безработицы, %;

Z_6 – отношение объема кредиторской задолженности предприятий к объему отгруженной продукции (скорректированное на соотношение просроченной кредиторской и дебиторской задолженности).

Состав показателей сформирован исходя из имеющихся официальных данных в государственной статистике о состоянии экономики субъектов РФ, выходящих с месячной периодичностью. Это позволит более оперативно отслеживать изменения резилиентности территорий в условиях стремительно меняющейся социально-экономической ситуации, в том числе вызванной санкционными ограничениями. Определенной новизной предлагаемой методики является учет как внутренней (Z_{in} , рассчитывается по Z -оценке показателей региона относительно самих себя за определенный период), так и внешней (Z_{out} , определяется как Z -оценка показателей региона относи-

тельно других регионов на определенную дату) резилиентности региона:

$$Z_{in} = \frac{\sum_{i=1}^6 Z_{i(h)}}{6}, \quad (2)$$

$$Z_{out} = \frac{\sum_{i=1}^6 Z_{i(v)}}{6}. \quad (3)$$

Интегральный индекс (Z_{all}) определяется как среднеарифметическая сумма индексов внешней и внутренней резилиентности:

$$Z_{all} = (Z_{in} + Z_{out}) / 2. \quad (4)$$

Мониторинг Z_{all} целесообразно осуществлять как в среднегодовом (скользящем), так и в помесечном варианте. В соответствии с правилом трех сигм для интерпретации значений среднегодового индекса предложена следующая шкала оценки уровня резилиентности региона (табл. 1).

Таблица 1

Шкала оценки уровня резилиентности территории

Степень отклонения от средней величины, σ	Характеристика уровня резилиентности территории
Менее 0,5	Высокий уровень
0,5–1,0	Выше среднего
1,0–1,5	Средний уровень
1,5–2,0	Ниже среднего
2,0–2,5	Низкий уровень
2,5–3,0	Критический уровень
3,0 и более	Катастрофический уровень

Предложенная характеристика уровня резилиентности рассматривает степень отклонения от средней величины в сторону отрицательных значений. Однако сильное положительное отклонение (особенно если оно вызвано внешними благоприятными условиями) также влияет на резилиентность, поскольку, с одной стороны, после ослабления воздействия фактора (набора факторов) последует коррекция динамики интегрального показателя резилиентности территории, а с другой – степень снижения будет определяться эффективностью использования полученных финансовых ресурсов и выгод для закрепления позитивных трендов социально-экономического развития.

Результаты исследования и их обсуждение

Апробация предложенного подхода оценки резилиентности субъектов РФ осуществлялась на примере регионов Приволжского федерального округа по данным Росстата [13–15]. Период расчета средней величины – с 1 января 2019 г. по 1 августа 2022 г., что позволяет отразить состояние региональных экономик в предпандемный, пандемийный, постпандемный периоды, а также период усиления санкционного давления, начавшегося в марте 2022 г. (рис. 1).

Динамика интегрального индекса резилиентности экономики РБ за анализируемый период достаточно четко совпадает с временными границами доковидного (до марта 2020 г.), ковидного (апрель 2020 г. – март 2021 г.), постковидного (апрель 2021 г. – март 2022 г.) и санкционного периодов.

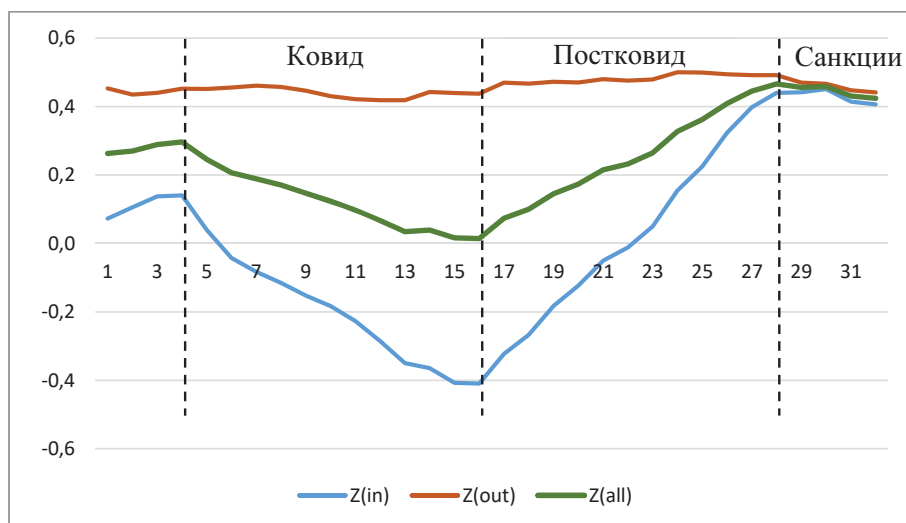

Рис. 1. Динамика показателей резилиентности экономики Республики Башкортостан за период с 01.01.2019 по 01.08.2022 (в годовом скользящем варианте)

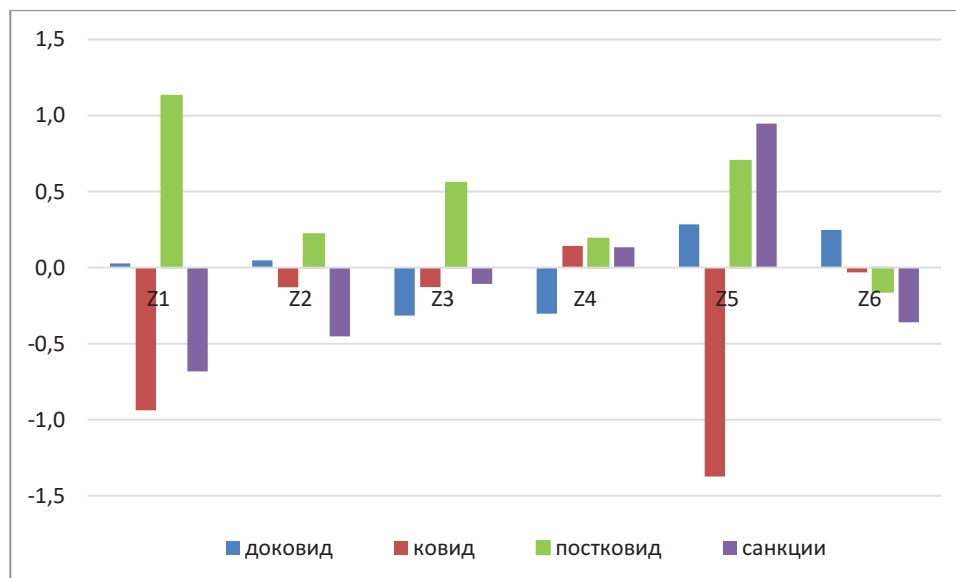

Рис. 2. Динамика показателей внутренней резилиентности экономики РБ

Таблица 2

Интегральный индекс резилиентности регионов ПФО по состоянию на 1 августа 2022 г.

Регион	Годовой (август 2021 г. – июль 2022 г.)			Месячный (июль 2022 г.)		
	Z_{all}	Z_{in}	Z_{out}	Z_{all}	Z_{in}	Z_{out}
Республика Татарстан	1,087	0,541	1,633	0,720	0,090	1,351
Пермский край	0,660	0,836	0,485	0,822	1,152	0,491
Республика Башкортостан	0,424	0,406	0,441	0,202	0,146	0,259
Самарская область	0,392	0,020	0,764	0,158	-0,269	0,584
Удмуртская Республика	0,374	0,625	0,122	0,408	0,592	0,223
Нижегородская область	0,268	0,229	0,307	0,065	0,025	0,104
Оренбургская область	0,250	0,530	-0,031	0,521	0,737	0,304
Республика Мордовия	0,163	0,719	-0,392	0,386	1,191	-0,420
Кировская область	0,086	0,676	-0,504	-0,071	0,349	-0,492
Саратовская область	0,034	0,362	-0,294	-0,204	-0,083	-0,325
Пензенская область	0,033	0,467	-0,401	0,562	1,223	-0,099
Республика Марий Эл	-0,030	0,501	-0,562	-0,229	0,230	-0,688
Ульяновская область	-0,274	-0,065	-0,484	-0,527	-0,334	-0,720
Чувашская Республика	-0,329	0,426	-1,083	0,327	1,228	-0,575

При этом динамика общей резилиентности в большей степени определяется внутренней резилиентностью, чем внешней, которая отражает рейтинговые позиции региона среди других регионов и менее подвержена резким изменениям в силу воздействия внешних факторов на все регионы. Наибольшее влияние на изменение внутренней резилиентности экономики РБ в течение четырех указанных периодов оказала

динамика объема отгруженной продукции на душу населения и уровня безработицы (рис. 2).

Результаты расчетов интегрального индекса резилиентности и его компонентов по регионам ПФО представлены в табл. 2.

За рассматриваемый период резилиентность регионов ПФО находилась преимущественно на высоком уровне в годовом измерении. Вместе с тем анализ составляющих

интегрального индекса (Z_{1-6} по внутреннему и внешнему контуру) позволяет сделать выводы, что по сравнению со среднегодовыми значениями в июле 2022 г. в регионах ПФО наблюдалась разнонаправленная динамика уровня резилиентности в виде:

1. Укрепления позиций ряда регионов-аутсайдеров, прежде всего вследствие резкого роста удельных объемов ввода объектов жилищного строительства (Пензенская область, Чувашская Республика), оборота розничной торговли (Республика Мордовия) относительно других регионов, что является частным случаем реализации предположения, описанного выше (сильное положительное отклонение). При этом если по обороту розничной торговли можно рассматривать возможность сохранения данной тенденции, то по вводу жилья скорректированные значения в следующем месяце сведут практически на нет данное отклонение, что скажется на уровне резилиентности в целом данных регионов. При этом в других регионах, также имеющих низкие значения индекса резилиентности, ситуация обратная – спад продолжается, что связано с их снижением в рейтинге ввода жилья (Ульяновская область) и объема отгруженной продукции (Республика Марий Эл) на душу населения в сравнении с другими регионами ПФО.

2. Ухудшения лидерских позиций Республики Татарстан (РТ), показавшей наибольшее снижение уровня резилиентности среди всех рассматриваемых регионов, но все еще сохраняющей высокий уровень устойчивости экономики в силу эффекта базы. Основное влияние на снижение жизнестойкости РТ оказало ухудшение финансового состояния предприятий, пострадавших из-за санкций (по данным Росстата [15] в 2020 г. в РТ более 30% оборота организаций региона приходилось на компании, находящиеся в иностранной и совместной российской и иностранной собственности –

1 место в ПФО). В итоге на первое место вышел Пермский край в значительной мере благодаря сокращению просроченной кредиторской задолженности предприятий при сохранении относительно высокого уровня объема отгруженной продукции на душу населения.

3. Сокращения дифференциации по внешней резилиентности и ее росте по внутренней резилиентности, что может быть отчасти следствием реализации политики федерального центра по выравниванию социально-экономического развития регионов (снижение во время кризисных явлений собственных финансовых возможностей у более экономически сильных регионов при повышении финансовой помощи дотационным субъектам РФ).

Анализ состояния резилиентности территорий через призму ее внешней и внутренней проявления позволяет выделить характерные особенности их соотношения в привязке к общему уровню социально-экономического развития регионов (табл. 3).

В рамках данной классификации возможны некоторые отклонения в виде временного перехода региона из одной группы в другую, при анализе которого необходимо обращать внимание на динамику внутренней и внешней резилиентности, имеющих разную скорость изменений. Например, Пермский край до санкционного периода соответствовал классификационным характеристикам, свойственным регионам первой группы. Начиная с марта 2022 г. уровень внутренней резилиентности стал устойчиво превышать уровень внешней, которая также имеет положительную, хотя и не столь высокую динамику. В отличие от Пермского края, в регионах второй группы рост внутренней резилиентности либо не приводит к положительным изменениям внешней резилиентности (Республика Мордовия), либо наблюдается обратная тенденция (Пензенская область).

Таблица 3

Характеристика соотношений внешней и внутренней резилиентности территорий

Группа	Резилиентность	Характеристика значений резилиентности
I	$Z_{in} < Z_{out}$	Характерно для экономически более сильных регионов, внутренний рост которых ограничивается высокой базой в сравнении с другими регионами
II	$Z_{in} > Z_{out}$	Присуще более слабым в экономическом отношении регионам, внутреннего роста которых оказывается недостаточно для занятия лидерских позиций относительно экономик других регионов
III	$Z_{in} \approx Z_{out}$	Данные регионы, как правило, обладают достаточно сильной экономикой с высокой резилиентностью и тяготеют к первой группе субъектов РФ

Заключение

Проведенные расчеты и анализ показателей резилиентности экономик регионов ПФО позволяют сделать вывод о сохранении, несмотря на санкционное давление, в большинстве территорий общей резилиентности на высоком уровне. Однако негативное влияние санкций сказывается в накоплении кризисных явлений в области кредиторской задолженности предприятий, сбыта продукции и др. Уровень нивелирования санкционных факторов будет зависеть от эффективности проводимой денежно-кредитной, макроэкономической политики государства, обеспечивающей формирование условий, с одной стороны, для реализации планов по импортозамещению (особенно по критическим направлениям), а с другой – для повышения платежеспособного спроса населения.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.

Список литературы

1. Tan J., Hu X., Hassink R., Jianwei Ni. Industrial structure or agency: What affects regional economic resilience? Evidence from resource-based cities in China. *Cities*. 2020. Vol. 106. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102906.
2. Rios V., Gianmoena L. The link between quality of government and regional resilience in Europe. *Journal of Policy Modeling*. 2020. Vol. 42. Iss. 5. P. 1064–1084. DOI: 10.1016/j.jpplmod.2020.02.005.
3. Howard M., Böhm S., Eatherley D. Systems resilience and SME multilevel challenges: A place-based conceptualization of the circular economy. *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 145. P. 757–768. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.03.014.
4. Tang C., Liu X., Zhou D. Financial market resilience and financial development: A global perspective. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2022. Vol. 80. DOI: 10.1016/j.intfin.2022.101650.
5. Stewart R., Chowdhury M. Banking sector distress and economic growth resilience: Asymmetric effects. *The Journal of Economic Asymmetries*. 2021. Vol. 24. DOI: 10.1016/j.jeca.2021.e00218.
6. Da Silva J.F., Silva F.F., Leal A.M.M., De Oliveira H.C. Regional economic resilience and mining in the State of Minas Gerais/Brazil: The barriers of productive specialisation to formal employment and tax management. *Resources Policy*. 2021. Vol. 70. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101937.
7. Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.
8. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // *Региональные исследования*. 2020. № 3 (69). С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
9. Песоцкий А.А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации // *Kant*. 2021. № 2 (39). С. 85–90. DOI: 10.24923/2222-243X.2021-39.16.
10. Одинцова А.В. От стратегического планирования к территориальной резилиентности // *Федерализм*. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41.
11. Малкина М.Ю. Устойчивость региональных экономик и ее факторы // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 230. № 4. С. 397–403. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-397-403.
12. Важенин С.Г., Важенина И.С. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве // *Регион: экономика и социология*. 2015. № 2 (86). С. 175–199.
13. Федеральная служба государственной статистики. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – мае 2022 года/ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 08.07.2022).
14. Федеральная служба государственной статистики. Индексы потребительских цен на товары и услуги по субъектам РФ/ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (дата обращения: 08.07.2022).
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 08.07.2022).

УДК 338.43(470.51)

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Кондратьев Д.В.*Удмуртский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Ижевск, e-mail: kondratievdmritri@mal.ru*

В статье раскрываются вопросы обоснования и практического применения методического инструментария исследования и оценки проблем и перспектив развития экономики сельскохозяйственных организаций в частности и экономики сельского хозяйства на муниципальном уровне в целом. Предлагаемый методический инструментарий основывается на расчете и взвешенной оценке групп показателей в рамках трех ключевых критериев: уровня интенсивности производства, уровня результативности производства и уровня эффективности производства. Показатели уровня интенсивности производства должны отражать обеспеченность экономики предприятий ключевыми ресурсами, показатели уровня результативности предназначены показывать степень отдачи используемых ресурсов производимой продукцией, а уровень эффективности характеризует объем создаваемой в хозяйствах добавленной стоимости также из расчета на единицу задействованных в производстве ресурсов. Представленный в работе практический пример расчета и интерпретации рассчитанных критериев и показателей позволяет судить о проблемах и перспективах развития как отдельных хозяйств, так и сельской экономики района в целом. Предложенный в статье методический инструментарий исследования экономики сельскохозяйственных организаций может быть использован органами государственной и муниципальной власти для совершенствования мер государственного воздействия и поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, а также руководителями хозяйств и их объединений для обоснования стратегических или перспективных решений по развитию сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: критерии и показатели, экономика сельскохозяйственных организаций, интенсивность, результативность, эффективность

CRITERIA AND INDICATORS OF THE STUDY OF PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL ORGANIZATIONS ECONOMY OF THE MUNICIPAL DISTRICT

Kondratev D.V.*Udmurt Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, e-mail: kondratievdmritri@mal.ru*

The article reveals the issues of substantiation and practical application of methodological tools for research and evaluation of problems and prospects for the development of the economy of agricultural organizations, in particular, and the economy of agriculture at the municipal level, in general. The proposed methodological tools are based on the calculation and weighted assessment of groups of indicators within the framework of three key criteria – the level of production intensity, the level of production results and the level of production efficiency. Indicators of the level of production intensity should reflect the availability of key resources to the economy of enterprises, production results indicators are designed to show the degree of return of the resources used by the products produced, and the level of efficiency characterizes the amount of value added created in farms also based on the unit of resources involved in production. The practical example of calculation and interpretation of calculated criteria and indicators presented in the paper allows us to judge the problems and prospects of development of both individual farms and the agricultural economy of the district as a whole. The methodological tools proposed in the article for the study of the economics of agricultural organizations can be used by state and municipal authorities to improve measures of state influence and support for agricultural producers, as well as by heads of agricultural enterprises and their associations to justify strategic or promising decisions on the development of agricultural production.

Keywords: criteria and indicators, economics of agricultural organizations, intensity, production results, efficiency

Экономика только сельскохозяйственных организаций (без учета экономики фермерских и личных подсобных хозяйств) занимает преобладающий удельный вес в экономике большинства сельских муниципальных районов Удмуртской Республики. Сельскохозяйственные организации выполняют функцию селообразующих для подавляющего большинства сельских населенных пунктов. От состояния их дел и успехов в работе зависят не только амбициозные региональные планы по обеспечению производства 1 млн

т молока и 1 млн т зерна, но также сохранность сельских населенных пунктов, рабочие места и уровень жизни сельского населения, доходы муниципальных образований и многое другое [1, 2].

Несмотря на наличие в целом поступательного развития сельского хозяйства Удмуртии, что подтверждается в первую очередь ростом объемов производства продукции основной специализации за счет передовых и ведущих хозяйств – молока и привесов живой массы КРС, в большин-

стве сельскохозяйственных предприятий результаты деятельности практически не меняются, а эффективность близка к нулю [3]. Поэтому в условиях сложившейся ограниченности основных ресурсов для роста и развития сельского хозяйства (земля, квалифицированные работники, бюджетные средства) и обеспечения их максимально эффективного использования, необходима проработка комплекса показателей, позволяющего судить о причинах проблем отдельных предприятий и сельских районов, а также определять соответствующие меры воздействия или поддержки [4].

Цель исследования состоит в обосновании системы критериев и показателей исследования и диагностики проблем и перспектив развития экономики сельского хозяйства и, в частности, их апробации на примере экономики сельскохозяйственных организаций муниципального района.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов и информационной базы исследования послужили официальные данные органов власти и статистики Удмуртской Республики и Администрации МО «Алнашский район», труды ученых-

экономистов и практиков, посвященные исследованиям и оценке перспектив развития сельского хозяйства и сельскохозяйственных организаций. В качестве основных методов исследований использованы методы экономического анализа и комплексной оценки эффективности, расчетно-конструктивный, монографический, статистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование проблем и перспектив развития экономики сельскохозяйственных организаций должно опираться на комплексную оценку имеющейся ресурсной базы хозяйств, получаемой в хозяйствах отдачи используемых ресурсов продукцией, а также создаваемого деятельностью хозяйств эффекта в форме добавленной стоимости на единицу использованных ресурсов. Поэтому для целей диагностики деятельности сельскохозяйственных организаций могут быть предложены три ключевых критерия: а) уровень интенсивности производства; б) уровень результативности производства; в) уровень эффективности производства [5, 6]. Исходные данные для диагностики экономики хозяйств представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Исходные данные для оценки проблем и перспектив производственно-экономической деятельности хозяйств Алнашского района в 2021 г. (начало)

Показатель	Хозяйство						
	СПК «Прогресс»	ООО «Родина»	ООО «Коммунар»	СПК «Рассвет»	СХК «Молодая гвардия»	СПК «Кузубаево»	ООО «Варзи-Ятчи»
Уровень интенсивности:							
Количество живого труда на 100 га, чел.	4,1	3,7	2,0	3,4	4,6	3,2	1,7
Количество тракторов на 100 га, шт.	0,86	0,94	0,71	0,77	0,61	0,83	0,64
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	42,8	50,0	14,7	20,7	44,9	20,2	22,7
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	43	54	24	30	52	33	33
Уровень результативности:							
Урожайность зерна, ц/га	18,9	17,6	12,2	16,3	19,6	11,8	11,3
Выручка, тыс. руб./га	49,4	55,6	19,0	26,1	56,2	21,6	22,8
Надой, ц/га	15,4	19,2	6,3	8,7	17,4	8,0	9,0
Уровень эффективности (добавленная стоимость, тыс. руб.):	(99643)	(27244)	(17785)	(36012)	(105142)	(25996)	(10150)
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	20,4	17,1	8,4	12,5	25,7	8,6	3,8
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	493	462	414	367	553	274	231
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	477	342	574	606	572	427	169

Таблица 2

Исходные данные для оценки проблем и перспектив
производственно-экономической деятельности
хозяйств Алнашского района в 2021 г. (конец)

Показатель	Хозяйство						В среднем по УР
	ООО «Реши- тельный»	СПК «Оркино»	ООО «Писе- евское»	ООО «Колос»	ООО «Арбайка»	ООО «Инвис»	
Уровень интенсивности:							
Количество живого труда на 100 га, чел.	3,3	5,2	3,6	3,5	2,2	2,7	3,0
Количество тракторов на 100 га, шт.	0,73	0,98	0,30	0,8	0,75	3,4	0,58
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	33,6	59,7	45,7	26,9	25,2	33,1	44,9
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	38	49	50	37	22	0,0	29
Уровень результативности:							
Урожайность зерна, ц/га	17,1	22,2	17,1	15,7	20,4	16,0	17,5
Выручка, тыс. руб./га	41,7	65,0	57,4	27,0	26,7	41,3	49,8
Надой, ц/га	14,1	18,1	18,3	9,3	7,1	0,0	10,7
Уровень эффективности (добавленная стоимость, тыс. руб.):	(90677)	(14754)	(82564)	(19221)	(26745)	(3631)	(16061)
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	17,9	20,6	22,7	8,1	7,1	12,4	20,3
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	543	399	635	232	318	454	678
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	532	346	497	301	283	376	452

Исходные данные свидетельствуют о том, что более крупные по размерам хозяйства имеют в среднем более высокие значения оцениваемых показателей результативности и эффективности деятельности, особенно это видно по показателям, взятым из расчета на 1 га посевной площади. Учитывая, что главным для сельского хозяйства и при этом наиболее ограниченным в условиях Алнашского района ресурсом является земля, отдача с 1 га продукции, доходов, добавленной стоимости является ключевым показателем успешности и важнейшим фактором перспективности дальнейшего развития хозяйств.

Ниже представлены индексы перспективности деятельности организаций по каждому оцениваемому показателю, полученные путем деления показателей деятельности хозяйств района на средние показатели деятельности хозяйств Удмуртской Республики.

Показатели средней интенсивности, результативности и эффективности производства в сельскохозяйственных организациях Удмуртии рассчитаны на основе данных из различных открытых источников (изда-

ния Удмуртстата, отчеты и доклады Минсельхоза Удмуртии), в которых эти данные несколько отличаются, поэтому за основу брались данные, представлявшие нам наиболее правдоподобными.

Значения частных индексов в табл. 3 и 4 отражают соотношение соответствующих показателей интенсивности, результативности и эффективности деятельности в хозяйствах Алнашского района и в среднем в Удмуртской Республике. Если значение частного индекса по показателю выше единицы, то это свидетельствует о том, что оцениваемый показатель хозяйства превышает средний уровень этого показателя по республике. Если же значение индекса ниже единицы, то получается, что работа хозяйства по соответствующему показателю ниже среднего уровня Удмуртии. Так, например, СПК «Прогресс», СПК «Молодая гвардия», СПК «Оркино» и ООО «Писеевское» почти по всем показателям (кроме 1 и 2) имеют индексы заметно выше единицы, что говорит об их принадлежности как минимум к ведущим сельскохозяйственным организациям республики.

Таблица 3

Частные показатели уровня (индексы) перспективности
производственно-экономической деятельности
сельхозорганизаций района в 2021 г. (начало)

Показатель	Хозяйство						
	СПК «Прогресс»	ООО «Родина»	ООО «Комму- нар»	СПК «Рассвет»	СХК «Молодая гвардия»	СПК «Кузе- баево»	ООО «Варзи- Ятчи»
Уровень интенсивности:							
Количество живого труда на 100 га, чел.	1,37	1,23	0,67	1,13	1,53	1,07	0,57
Количество тракторов на 100 га, шт.	1,48	1,62	1,22	1,33	1,05	1,43	1,10
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	0,95	1,11	0,33	0,46	1,00	0,45	0,51
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	1,48	1,86	0,83	1,03	1,79	1,14	1,14
Уровень результативности:							
Урожайность зерна, ц/га	1,08	1,01	0,70	0,93	1,12	0,67	0,65
Выручка, тыс. руб./га	0,99	1,12	0,38	0,52	1,13	0,43	0,46
Надой, ц/га	1,44	1,79	0,59	0,81	1,63	0,75	0,84
Уровень эффективности:							
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	1,00	0,84	0,41	0,62	1,27	0,42	0,19
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	0,73	0,68	0,61	0,54	0,82	0,40	0,34
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	1,06	0,76	1,27	1,34	1,27	0,94	0,37

Таблица 4

Частные показатели уровня (индексы) перспективности
производственно-экономической деятельности
сельхозорганизаций района в 2021 г. (конец)

Показатель	Хозяйство						
	ООО «Решительный»	СПК «Оркино»	ООО «Писевское»	ООО «Колос»	ООО «Арбайка»	ООО «Инвис»	Вес индекса
Уровень интенсивности:							0,25
Количество живого труда на 100 га, чел.	1,10	1,73	1,20	1,17	0,73	0,90	0,05
Количество тракторов на 100 га, шт.	1,26	1,69	0,52	1,38	1,29	5,86	0,05
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	0,75	1,33	1,02	0,60	0,56	0,74	0,07
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	1,31	1,69	1,72	1,28	0,76	0,00	0,08
Уровень результативности:							0,3
Урожайность зерна, ц/га	0,98	1,27	0,98	0,90	1,17	0,91	0,1
Выручка, тыс. руб./га	0,84	1,31	1,15	0,54	0,54	0,83	0,1
Надой, ц/га	1,32	1,69	1,71	0,87	0,66	0,00	0,1
Уровень эффективности:							0,45
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	0,88	1,01	1,12	0,40	0,35	0,61	0,2
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	0,80	0,59	0,94	0,34	0,47	0,67	0,15
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	1,18	0,77	1,10	0,67	0,63	0,83	0,1

В табл. 5 и 6 представлен расчет взвешенных индексов развития производственно-хозяйственной деятельности хозяйств Алнашского района. Данные таблиц свидетельствуют о том, что наибольший и выше, чем в среднем по республике, уровень интенсивности производства имели те хозяйства, плюс к их числу добавилось «Писеевское», на среднем уровне или чуть выше него (выше 0,25) находятся хозяйства «Решительный», «Колос», «Кузубаево», «Рассвет». Несколько ниже среднего по интенсивности располагаются оставшиеся «Варзи-Ятчи», «Арбайка» и «Коммунар».

Уровень интенсивности характеризует количество активных ресурсов (факторов), приходящихся на единицу экстенсивных факторов (ресурсов). В условиях сельского хозяйства основным экстенсивным фактором выступают посевные площади. Уровень интенсивности как минимум свидетельствует о наличии или отсутствии определенного внутреннего потенциала (внутренних возможностей) к росту и развитию, но не обязательно предполагает наличие практиче-

ских действий, ориентированных на рост и развитие со стороны руководства организаций. В большей степени о таких действиях свидетельствуют значения и динамика показателей результативности. При этом рост характеризуется увеличением масштабов деятельности (ростом объемов производства продукции, работ, услуг), а развитие – повышением качества и культуры этой деятельности (повышением ценности, потребительной стоимости производимых продукции, работ, услуг). Кроме того, рост может быть экстенсивным (за счет увеличения количества используемых ресурсов) и интенсивным (за счет повышения полноты их отдачи, степени их загрузки).

Наибольший и заметно выше среднего уровень результативности деятельности показали такие хозяйства района, как «Оркано», «Молодая гвардия», «Родина», «Писеевское» и «Прогресс», на среднем уровне (0,3) результативности находился «Решительный» и близок к нему был «Колос», остальные хозяйства имели результативность примерно на треть ниже от средней по республике.

Таблица 5

Взвешенные показатели уровня (индексы) перспективности производственно-экономической деятельности сельхозорганизаций района по итогам 2021 г. (начало)

Показатель	Хозяйство						
	СПК «Прогресс»	ООО «Родина»	ООО «Коммунар»	СПК «Рассвет»	СХК «Молодая гвардия»	СПК «Кузубаево»	ООО «Варзи-Ятчи»
Уровень интенсивности:	0,33	0,37	0,18	0,24	0,34	0,25	0,21
Количество живого труда на 100 га, чел.	0,07	0,06	0,03	0,06	0,08	0,05	0,03
Количество тракторов на 100 га, шт.	0,07	0,08	0,06	0,07	0,05	0,07	0,06
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	0,07	0,08	0,02	0,03	0,07	0,03	0,04
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	0,12	0,15	0,07	0,08	0,14	0,09	0,09
Уровень результативности:	0,35	0,39	0,17	0,23	0,39	0,19	0,19
Урожайность зерна, ц/га	0,11	0,10	0,07	0,09	0,11	0,07	0,06
Выручка, тыс. руб./га	0,10	0,11	0,04	0,05	0,11	0,04	0,05
Надой, ц/га	0,14	0,18	0,06	0,08	0,16	0,07	0,08
Уровень эффективности:	0,42	0,35	0,30	0,34	0,50	0,24	0,13
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	0,20	0,17	0,08	0,12	0,25	0,08	0,04
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	0,11	0,10	0,09	0,08	0,12	0,06	0,05
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	0,11	0,08	0,13	0,13	0,13	0,09	0,04
Общий индекс развития	1,09	1,11	0,65	0,80	1,23	0,67	0,53

Таблица 6

Взвешенные показатели уровня (индексы) перспективности
производственно-экономической деятельности
сельхозорганизаций района по итогам 2021 г. (конец)

Показатель	Хозяйство						Вес индекса
	ООО «Решительный»	СПК «Оркино»	ООО «Писеевское»	ООО «Колос»	ООО «Арбайка»	ООО «Инвис»	
Уровень интенсивности:	0,28	0,40	0,30	0,27	0,20	0,39	0,25
Количество живого труда на 100 га, чел.	0,06	0,09	0,06	0,06	0,04	0,05	0,05
Количество тракторов на 100 га, шт.	0,06	0,08	0,03	0,07	0,06	0,29	0,05
Общие издержки на 1 га, тыс. руб.	0,05	0,09	0,07	0,04	0,04	0,05	0,07
Поголовье животных на 100 га, усл. гол.	0,10	0,14	0,14	0,10	0,06	0,00	0,08
Уровень результативности:	0,31	0,43	0,38	0,23	0,24	0,17	0,3
Урожайность зерна, ц/га	0,10	0,13	0,10	0,09	0,12	0,09	0,1
Выручка, тыс. руб./га	0,08	0,13	0,12	0,05	0,05	0,08	0,1
Надой, ц/га	0,13	0,17	0,17	0,09	0,07	0,00	0,1
Уровень эффективности:	0,41	0,37	0,47	0,20	0,20	0,31	0,45
Добавленная стоимость на 1 га, тыс. руб.	0,18	0,20	0,22	0,08	0,07	0,12	0,2
Добавленная стоимость на 1 чел., тыс. руб.	0,12	0,09	0,14	0,05	0,07	0,10	0,15
Добавленная стоимость на 1 тыс. руб. издержек, руб.	0,12	0,08	0,11	0,07	0,06	0,08	0,1
Общий индекс развития	1,00	1,19	1,15	0,70	0,64	0,87	1

Уровень результативности хозяйств показывает степень отдачи используемых ресурсов готовой продукцией (услугами, работами, товарами) в натуральном или стоимостном денежном измерении, что свидетельствует о полноте использования ресурсов и степени загрузки их работой, а также обуславливает интенсивный рост хозяйственной деятельности. Достаточно высокого уровня эффективности можно добиваться, лишь обеспечивая соблюдение применяемых, пусть даже несовременных, технологий при условии наличия, конечно, хотя бы среднего уровня интенсивности.

По показателям и уровню эффективности в 2021 г. передовиком оказалась только «Молодая гвардия», в числе близких к среднякам были «Писеевское», «Прогресс» и «Решительный», остальные в среднем по республике оказались в лучшем случае малоэффективны.

Критерий «Уровень эффективности» является наиболее важным показателем с точки зрения перспективности деятельности организации, так как отражает объем чистых выгод от деятельности в обобщенном (в нашем случае стоимостном денежном)

выражении, получаемых основными участниками этой деятельности (а именно работниками, собственниками и государством) на единицу затрачиваемых этими участниками сил и ресурсов. Чем больше они получают, тем более привлекательно для них соучастие в этой деятельности, выше мотивация. Это с одной стороны. С другой стороны, полученные чистые выгоды (доходы, прибыли) необязательно могут быть потреблены, но могут быть использованы для инвестиций в новые дополнительные ресурсы. Кроме того, уровень эффективности свидетельствует о качестве и культуре хозяйственной деятельности, предприимчивости, экономичности, грамотности управления и способности адаптироваться к негативным воздействиям окружения. Чем выше полученная добавленная стоимость на единицу использованных ресурсов, тем более адекватна требованиям ситуации применяемая модель бизнеса. В каких-то случаях это может быть следствие удачи (когда уровень эффективности скачет), но, как правило, это закономерное следствие эффективного управления и применения более развитых технологий, методов и приемов работы.

При рассмотрении общего уровня (индекса) перспективы развития следует выделить хозяйства с уровнем выше среднего – это «Молодая гвардия», «Прогресс», «Оркино» и «Писеевское», со средним уровнем – это «Решительный» и «Родина», а также с невысокими и низкими перспективами – остальные хозяйства.

В целом передовые хозяйства района (со средним и выше уровнем перспективы развития – общий индекс перспективы выше 1) имеют достаточно хорошие шансы идти в ногу со временем или даже приблизиться к лидерам при условии внедрения апробированных передовыми хозяйствами республики технологий земледелия, животноводства, методов организации бизнеса и управления. Невысокий уровень интенсивности деятельности и невысокая ее результативность в отдельных хозяйствах (например, «Коммунар», «Арбайка»), могут плачевно сказаться на их эффективности в долгосрочном аспекте и привести к финансовой несостоятельности. Поэтому такие хозяйства нуждаются в оптимизации деятельности посредством в первую очередь отказа от убыточных производств (отказ от выращивания и откорма бычков, от производства продукции растениеводства, имеющей высокую себестоимость в условиях хозяйства – высвободятся средства из оборота, которые, быстрее оборачиваясь, более эффективно, например, будут работать на прирост удоев и поголовья молочного стада, даже при условии более высокой стоимости покупных кормов, но тут, конечно, еще вопрос, насколько покупные корма будут дороже) и концентрации высвободившихся ресурсов на остающихся рентабельными производствах, либо путем присоединения к передовым хозяйствам района. Хозяйствам с достаточным (средним и выше) уровнем интенсивности при низкой результативности (например, «Кузубаево») особое внимание следует уделить соблюдению применяемых традиционных технологий и методов управления, работу над дисциплиной и профессиональными компетенциями персоналом – только наведя порядок и повысив результативность, можно повысить шансы на наличие приемлемого уровня и рост эффективности (например, «Писеевское», «Родина», «Решительный», «Оркино» работают над эффективностью).

Анализ данных также показывает, что меньшие по размерам хозяйства в большей степени подвержены негативным последствиям воздействия факторов внешнего окружения. По результатам ана-

лиза данных за несколько лет, показатели и индексы таких хозяйств подвержены более значительным колебаниям их значений. Это с одной стороны. С другой стороны, большинство хозяйств Алнашского района достаточно средние по республиканским меркам, что позволяет району в целом и большинству хозяйств в частности достаточно успешно преодолевать риски, в частности природно-климатические, имевшие место в 2021 г.

Сельское хозяйство Алнашского района в основном имеет достаточно высокий (заметно выше среднего) уровень интенсификации, иными словами обеспеченность основными видами ресурсами вполне достаточна для обеспечения активного роста масштабов деятельности. Однако имеются хозяйства, которые уже начинают понемногу утрачивать ресурсный потенциал, что связано с серьезными проблемами с результативностью (низкая результативность), то есть с соблюдением пусть традиционных, устаревших, но применяемых технологий и методов управления. Основные причины – исходная запущенность ресурсной базы (сложно поднимать запущенное хозяйство, «руки опускаются») и нехватка главного ресурса – квалифицированные управленческие кадры. В отношении таких хозяйств целесообразно пытаться предпринимать меры по их присоединению к передовым хозяйствам района (если возможно), либо, что не менее проблематично, формировать в них эффективные команды управления, может быть посредством организации компетентного внешнего управления с постепенной подготовкой требуемой команды. Основным инструментом получения управленческих ресурсов должен стать кадровый резерв сельского хозяйства района, который нужно уже создать [7, 8].

Проблемой для сельского хозяйства района в целом и для значительной части хозяйств района в частности является невысокая результативность деятельности, что требует, как было отмечено выше, более точного соблюдения хотя бы применяемых традиционных технологий и компетентного управления. Соблюдение технологий предполагает собой проведение всех необходимых операций точно в установленные сроки и обеспечение животных и растений всеми необходимыми питательными веществами, то есть должны быть проработаны и контролироваться технологические карты процессов, а также моделироваться и адаптироваться комплексы питания растений и животных (в разрезе их видов,

групп, мест размещения и т.д.). Проблемы с управленческим персоналом – нужно готовить персонал заранее, иметь кадровый резерв [2, 7, 9]. Вообще проблемы с использованием ресурсов проще решать сообща, а для этого необходима кооперация хозяйств. Те же управленческие кадры и специалисты могут быть общими и использоваться как совместный ресурс. Даже в передовых хозяйствах результативность далека от максимальной.

Для всех хозяйств Алнашского района, даже передовых, характерна как минимум невысокая эффективность. Эффективность является следствием результативности работы и инноваций в технологиях и управлении. Хотя ряд хозяйств в 2022 г. уже вводят в действие современные молочные производственные комплексы, для высокой эффективности этого пока что мало, это только несколько хозяйств и только производство молока. Необходимо стремиться к всеобъемлющей автоматизации, роботизации и компьютеризации как в технологиях, так и в управлении [10], хотя это актуально, как было отмечено выше, только для хозяйств, имеющих высокий уровень результативности (хозяйствам с невысокой результативностью сначала нужно заняться соблюдением технологий, дисциплиной труда и улучшением управленческих компетенций). Для более четкого и сбалансированного перехода к новым технологиям и методам необходимы проработка в каждом передовом хозяйстве стратегий (или хотя бы долгосрочных планов) развития с обоснованием в них программ и комплексов ключевых проектов [11].

Заключение

Сельскохозяйственное производство в частности и экономика сельских территорий в целом являются важнейшими системообразующими структурными единицами региональной и национальной экономик. Экономика преобладающего большинства сельских территорий в значительной степени опирается на базис сельскохозяйственной экономики, основу которой составляют сельскохозяйственные организации. Перспективное будущее сельскохозяйственного производства, продовольственного благополучия страны, экспортной ориентации народного хозяйства в силу климатических изменений, сохранение и развитие сельской экономики лежит в плоскости поступательного роста и развития сельскохозяйственных организаций и в первую очередь наиболее крупных, укомплектованных квалифицированными специалистами и уже сегодня пре-

успевающих в овладении современными технологиями производства [12, 13].

Изложенный в статье методический инструментарий исследования позволяет установить и глубже понять источники проблем отдельных сельскохозяйственных организаций и сельскохозяйственных экономик отдельных сельских территорий, а также произвести их типизацию по количественно определенному уровню перспективы развития, что при условии проведения последующих исследований позволит сформулировать приоритеты развития как отдельных хозяйств, так и сельских территорий. Дальнейшее более широкое исследование (с охватом всех сельских территорий региона или даже страны) позволит не только глубже понять проблемы и обосновать приоритеты, но и разрабатывать комплекс методов и инструментов их решения и достижения.

Список литературы

1. Чазова И.Ю., Акмаров П.Б., Князева О.П. Актуальные проблемы социально-экономического развития сельских территорий Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 3. С. 474–481.
2. Кондратьев Д.В., Остаев Г.Я., Хосиев Б.Н., Басиева Л.В. Управление развитием производства продукции молочного скотоводства: монография. Ижевск: Шелест, 2021. 242 с.
3. Алборов Р.А., Остаев Г.Я., Алборов Г.Р. Развитие эффективности производства продукции молочного скотоводства в сельскохозяйственных организациях // Научные разработки и инновации в решении стратегических задач агропромышленного комплекса: материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1 (Ижевск, 15–18 февраля 2022 г.). Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2022. С. 119–123.
4. Ostaev G.Ya., Mukhina I.A., Alexandrova E.V., Belokurova E.V., Titova L.G. Desarrollo de una metodología para determinar la seguridad financiera de las zonas rurales. Revista de la Universidad del Zulia. 2021. Vol. 12. No. 32. P. 70–86.
5. Кондратьев Д.В., Осипов А.К., Суевин С.Н. Экспресс-диагностики социально-экономического состояния и развития сельской территории на основе ценностно-ориентированного подхода В сборнике: Опыт и перспективы управления деятельностью хозяйствующих субъектов и публичных образований: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ижевск, 2021. С. 85–90.
6. Iskhakov A.T., Klychova G.S., Ostaev G.Ya., Konina E.A., Gainutdinova E.A., Milova Ye. Development of methodological tools for forecasting the activities of agricultural organizations to ensure food security in the region. BIO Web of Conferences. 2022. Vol. 52. P. 00018.
7. Осипов А.К. Центры и полюса роста Удмуртской Республики: проблемы формирования и перспективы развития // Воспроизводственный потенциал региона: проблемы измерения потенциала и конкурентоспособности: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Уфа, 2–3 июня 2022 г.). Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 120–129.
8. Остаев Г.Я., Кондратьев Д.В., Клычова Г.С., Нигматуллина Н.Н., Клычова А.С. Корпоративное управление финансовым потенциалом // Вестник Казанского государ-

ственного аграрного университета. 2022. Т. 17. № 1 (65). С. 129–134.

9. Alborov R.A., Karagodin D.A., Kontsevaya S.M., Ostaev G.Ya., Kondratyev D.V. Management of agricultural crops production depending on land quality and intensification factors. *Revista de la Universidad del Zulia*. 2022. Vol. 13. No. 36. P. 80–92.

10. Abramova O., Akmarov P., Knyazeva O. The development of digitalization of agricultural production as the factor in improving living standard of the rural population. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. Vol. 245. P. 159–170.

11. Остаев Г.Я., Алборов Р.А. Система управления аграрным предприятием: управленческий учет и бюджетирование // *Экономика и управление землеустройством и зем-*

лепользованием в регионе: материалы III Национальной научно-практической конференции (Ижевск, 10 марта 2021 г.). Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2021. С. 158–161.

12. Akmarov P.B., Rysin I.I., Knyazeva O.P. About the role of digitalization of agriculture in reducing the impact of climate on the technological development of crop production. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2022. Vol. 988. P. 042012.

13. Акмаров П.Б., Князева О.П., Рысин И.И. Изменение климата и его влияние на эффективность земледелия (на материалах Удмуртии) // *Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле*. 2022. Т. 32. № 3. С. 312–322.

УДК 338.48

ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ПРИМОРЬЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЦЕНТРОВ-ФОКУСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ

Кошечая Е.С., Лебединская Ю.С.

*ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток,
e-mail: Elenakh1981@yandex.ru, Yuliya.Lebedinskaya@vvsu.ru*

Одним из основных направлений российской государственной политики в Приморском крае является формирование территорий опережающего развития (далее – ТОР). Наибольший интерес для научного сообщества представляет исследование ТОР как части территориального структурирования Приморского края, как основы развития центров-фокусов, в границах которых осуществляются процессы, направленные на ускоренное социально-экономическое развитие района, в нашем случае узловых элементов – компактных территориальных образований, занимающих небольшую по размерам площадь. Именно здесь сосредоточено выполнение значимых для экономики Приморского края функциональных задач – привлечение инвестиций, формирование и поддержка свободного предпринимательства, создание новых и развитие уже существующих рекреационных комплексов. Их реализация в пределах центров-фокусов территориального структурирования путем развития транспортной инфраструктуры и формирования кооперационных рекреационных связей в целостную систему позволит выделить виды деятельности туристической индустрии, пользующиеся популярностью у жителей Приморского края и туристов с прилегающих территорий Дальнего Востока и стран АТР. Анализ центров-фокусов позволит выявить наиболее потенциально привлекательные в социально-экономическом отношении объекты становления и роста туристической деятельности, в которых сконцентрированы основные потоки инвестиций и туристов. В результате данного исследования проанализированы рекреационно-туристические отрасли Приморского края, имеющие непосредственное отношение к развитию ТОР и привлечению и формированию потока инвестиций для дальнейшего их экономического роста, выявлены социально-экономические предпосылки привлекательности рекреационных объектов и видов деятельности Приморского края для туристов, инвесторов, определен их реестр и дана оценка перспективного развития.

Ключевые слова: туристическая деятельность, территории опережающего развития (ТОР), центр-фокус, территориальное структурирование, инвестиции, структурно-функциональный подход

ADVANCED DEVELOPMENT TERRITORY OF PRIMORYE AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF FOCUS CENTERS OF THE TERRITORIAL STRUCTURING OF THE TOURIST SPHERE

Koshevaya E.S., Lebedinskaya Yu.S.

*Vladivostok State University, Vladivostok,
e-mail: Elenakh1981@yandex.ru, Yuliya.Lebedinskaya@vvsu.ru*

One of the main directions of the Russian state policy in Primorsky Krai is the formation of territories of advanced development (hereinafter referred to as APD). The greatest interest for the scientific community is the study of ASD as part of the territorial structuring of Primorsky Krai, as a basis for the development of centers-focuses within whose boundaries the processes aimed at accelerated socio-economic development of the area, in our case, nodal elements – compact territorial formations that occupy a small area. It is here that the fulfillment of functional tasks significant for the economy of Primorsky Krai – attracting investment, forming and supporting free enterprise, creating new and developing existing recreational complexes – is concentrated. The implementation of which within the centers-focuses of territorial structuring by developing transport infrastructure and forming cooperative recreational links into an integral system will make it possible to identify the types of tourist industry activities that are popular with the residents of Primorsky Krai and tourists from the adjacent territories of the Far East and Asia-Pacific countries. Analysis of focus centers will make it possible to identify the most potentially attractive in socio-economic respect objects of formation and growth of tourist activity, in which the main flows of investment and tourists are concentrated. This study analyzes the recreational and tourist sectors of Primorsky Krai that are directly related to the development of ASEZs and the attraction and formation of investment flows for their further economic growth, identifies socio-economic prerequisites for attracting recreational facilities and activities of Primorsky Krai for tourists and investors, defines their register and provides an assessment of prospective development.

Keywords: tourism activities, territories of advanced development (ADZ), territorial structuring, center-focus, investment, structural-functional approach

Согласно принятому Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ», который был подписан главой государства 29 декабря 2014 г. и вступил в силу 30 марта 2015 г. на территории Приморского края

получили развитие сформированные территории опережающего развития (далее – ТОР) – «Надеждинская», «Михайловская», «Большой Камень», «Муравьиная», «Шмаковская», «Хасанская», «Владивостокская», а также свободный порт Владивосток.

Создание ТОР стало ключевым проектом государственной российской политики на Дальнем Востоке. Его основная роль заключалась в организации и поддержке свободного предпринимательства и привлечении инвестиций в развитие региона, в нашем случае Приморья. Наиболее потенциальной и перспективной в инвестиционном отношении стала рекреационная деятельность. Согласно постановлению администрации Приморского края от 25 декабря 2019 г. № 903-па туристическая отрасль «вносит существенный вклад в обеспечение устойчивого социально-экономического развития и социальной стабильности, важна для развития субъектов малого и среднего предпринимательства, создания рабочих мест, а также способствует самозанятости населения. Туристская отрасль развивается, опережая среднемировые темпы роста, стимулирует развитие смежных отраслей экономики» [1].

Приморский край наделен богатыми природными ресурсами, государственными заповедниками, парками, местами для лечебно-оздоровительного туризма, туристическими горными маршрутами, экстремальными видами активного отдыха, рыболовным туризмом, круизным туризмом. Все это привлекает туристов для путешествий на Дальний Восток.

Спрос в туристической отрасли Приморского края возрос в разы в связи с возведением важных объектов к саммиту «АТЭС-2012».

Приморский край вошел в пятерку лучших субъектов страны по инвестиционной привлекательности России. Так, более 330 млрд руб. инвестиций принесли региону резиденты территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. В свободный порт Владивосток поступило 185 заявок на общую сумму инвестиций 255 млрд руб., предполагающих создание 26,6 тыс. новых рабочих мест. Большим стимулом для привлечения инвестиций, в том числе иностранных, является и проведение Восточного экономического форума в Приморье. На форуме было подписано 216 соглашений на сумму 1,85 трлн руб. Одним из перспективных направлений для привлечения инвестиций в Приморье является туризм. В среднем 14 % инвестиций идет на развитие инфраструктуры. А большую часть инвестиций занимает восстановление объектов туристического назначения [2].

В настоящее время 425,6 тыс. иностранных граждан (9,3 %) посетили рекреационные зоны Приморского края. Основная масса туристов приходится на страны АТР. Здесь лидирующие позиции занимает Ре-

спублика Корея, за 2019 г. в Приморье прибыло 299,7 тыс. чел. (прирост 35 %), и Япония – за 2019 год въехало почти 35 тыс. чел. (прирост 70,8 %). Ежегодно Приморский край посещают туристы из КНР, за 2019 г. в Приморье прибыло 370,7 тыс. чел. (прирост 1,4 %). Значительный рост числа иностранных граждан, прибывших на территорию Приморья, обеспечил неограниченный вклад в развитие и укрепление экономики региона и Приморского края. О чем свидетельствует то, что за 2019 г. в туристско-рекреационной деятельности количество предприятий малого и среднего бизнеса выросло и составило 1783 единицы. Соответственно увеличилось число работников – 45,1 тыс. чел., занятых в различных сферах туризма, что обеспечило создание новых рабочих мест. Кроме того, согласно данным, представленным в отчете Администрации Приморского края за 2019 г., доходность от реализации туристических видов деятельности на 01.01.2019 г. составила 1389,2 млн руб. [3].

Согласно вышеизложенному анализу показателей, представленных в отчетах Администрации Приморского края, стоит отметить преобладающее положение внутренней рекреационной индустрии в Приморье. Увеличение международного туристического потока и роста доходности от реализации различных видов деятельности в сфере туризма определяет политику региона в сторону развития данной отрасли экономики, о чем свидетельствует разработанная и достаточно эффективно осуществляемая государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013–2021 годы». При этом необходимо отметить, что основой социально-экономического развития туризма в Приморье становятся центры-фокусы территориальной структурированности, являющиеся частью ТОР. В качестве яркого примера подобной системной организации выступает город Владивосток как неотъемлемая часть свободного порта Владивосток. Кроме того, по данным П.Я. Бакланова, в границах Приморского края можно выделить следующие рекреационно-туристические ТОР – «Муравьиная», «Шмаковская», «Хасанская» и «Владивостокская» [4].

Анализ их центров-фокусов территориальной структурированности даст возможность определить социально-экономические предпосылки привлекательности рекреационных объектов и видов деятельности, обозначить основные потоки концентрации инвестиций и туристов и оценить перспективы дальнейшего развития данной отрасли экономики края [5].

Цель работы состоит в комплексном анализе центров-фокусов территориальной структурированности рекреационной направленности в развитии ТОР на основе привлечения потока инвестиций. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть в комплексе систему рекреационных видов деятельности, функционирующих на территории Приморского края, выявить те, которые имеют потенциальное значение в развитии ТОР и формируют инвестиционную базу их дальнейшего экономического роста, составить реестр видов деятельности туристической индустрии, пользующихся особой популярностью у жителей Владивостока и туристов с прилегающих территорий Дальнего Востока и стран АТР.

Материалы и методы исследования

Предметом исследования статьи являются территории опережающего развития Приморского края как основа развития центров-фокусов территориального структурирования на примере рекреационной сферы деятельности. В настоящее время научными деятелями не рассмотрено комплексное применение специального теоретического подхода в исследовании центров-фокусов территориальной структурированности Приморского края в сфере туризма. В связи с этим затруднительно выделить особенности и закономерности, а также предпосылки формирования и развития туристической индустрии в границах ТОР и определить инвестиционно и социально-экономически привлекательные для туристов и инвесторов виды рекреационно-туристической деятельности в Приморском крае.

Авторы применили структурно-функциональный подход, позволяющий комплексно рассмотреть центры-фокусы территориального структурирования туристической индустрии как единую систему развития рекреационного комплекса Приморского края. Методологическая база исследования базируется на анализе рекреационно-туристических видов деятельности в пределах ТОР Приморья.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторский анализ рекреационно-туристических ТОР Приморья и оценка их социально-экономической привлекательности для туристов Дальнего Востока и стран АТР и для потенциальных инвесторов показал следующее.

Приморский край в силу своего экономико-географического положения представляет собой центр, в котором сконцен-

трированы и взаимодействуют культуры российской, европейской и азиатской направленности. Данная территория обладает высокими перспективами для развития рекреационно-туристической деятельности. Именно здесь сосредоточены привлекательные для туристов уникальные природные объекты, дающие прекрасную возможность для развития рекреационной индустрии (заповедники и заказники). Важную роль в повышении туристической привлекательности края играют культурные учреждения. В Приморье расположены восемь профессиональных театров, отделение Мариинского театра (Приморский театр оперы и балета), а также Приморская краевая филармония. Функционируют 198 музеев, 489 библиотек, 460 учреждений культуры и отдыха, 14 кинотеатров (семь из них расположены во Владивостоке) и Владивостокский цирк [6]. Кроме того, основу отдыха граждан и гостей Приморья составляют охотничьи угодья. Здесь особой популярностью пользуются общедоступные для охоты территории Лесозаводского и Находкинского городских округов, Ольгинского, Пожарского и Спасского районов Приморского края [7]. Всего не менее 14,02 % его площади составляют пригодные для ведения охотничьего хозяйства пространства [8]. Охотничьи угодья в крае расположены в местах транспортной доступности, на их территориях располагаются гостевые охотничьи базы и домики, что делает охотничий туризм в крае еще более привлекательным.

Не менее популярными в Приморье стали такие виды туризма, как экологический, спортивный и деловой. Рассмотрение следует начать со спортивного вида туризма, поскольку данная сфера туристской деятельности наиболее востребована. Об этом свидетельствуют размещенные по краю разнообразные спортивные площадки, секции, клубы, кружки, рассчитанные на все возрастные категории населения: «Секция спортивного туризма и ориентирования», Центр спортивной культуры «Крылья», кружок «Волшебное вязание».

Что касается экологического и делового туризма, то здесь беспрецедентным началом их развития стало создание условий для проведения международных встреч, речь идет о построенном на базе Дальневосточного федерального университета конгрессно-выставочном центре. Здесь проходят различные форумы, съезды, конгрессы: «Восточный экономический форум», «Тихоокеанский туристский форум». Наличие центра позволило организовать выставочные мероприятия, деловые встречи с сопредельными государствами по ряду при-

оритетных вопросов. Проведение подобных крупных международных встреч явилось источником формирования экологического туризма путем введения правил для посещения особо охраняемых территорий (ООПТ). Ярким примером экологического туризма стал ежегодно проводимый праздник «День тигра», направленный на сохранение популяции тигров, обитающих в Приморье и Хабаровском крае.

В конечном итоге Приморский край является центром формирования внутреннего туризма различной направленности – экологического, спортивного, охотничьего, культурного, делового. Для его развития необходимы инвестиции. С этой целью правительство Приморского края разработало и достаточно эффективно реализует государственную программу «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013–2021 гг. Основной ее задачей является развитие туристического рынка и повышение конкурентоспособности туристической отрасли Приморья, а также формирование шести рекреационно-туристических кластеров для привлечения туристов в край и повышение таким образом доходной части краевого бюджета.

На сегодняшний день это одно из самых популярных и востребованных рекреационных мест среди жителей Владивостока, прилегающих территорий Приморского края, Дальнего Востока и стран АТР. Кроме того, в Приморском крае функционирует игровая зона «Приморье», которая ориентирована на туристов из КНР, Кореи, Японии. На сегодняшний день это одни из основных инвестиционных проектов в области развития туристской отрасли в Приморье. Однако по уровню социально-экономического развития, согласно проведенному Л.В. Ким анализу рекреационных зон Приморского края, лидирует город Владивосток. Здесь достаточное количество предпосылок для развития внутреннего туризма на уровне, достаточном для удовлетворения потребностей в оздоровлении и отдыхе дальневосточников и приезжих с прилегающих территорий ДВ региона и стран АТР [9].

Привлечение инвестиций в туристскую отрасль Приморского края должно стимулироваться как монетарными, так и немонетарными методами, к монетарным методам следует отнести налоговые преференции для инвесторов в туристическую отрасль, на сегодняшний день многие районы края входят в состав свободного порта, и потенциальный инвестор может воспользоваться уже существующими налоговыми преференциями, в то же время существует ряд барьеров, который отпугивает потенциальных

инвесторов, к ним можно отнести слишком сложный механизм получения статуса резидента свободного порта [10].

Деятельность территории развития туризма (далее – ТРТ) должна вестись на основе частно-государственного партнерства, государство обеспечивает развитие инфраструктуры, подведение электричества, дорог, а инвесторы вкладываются непосредственно в туристические объекты, гостиницы, рестораны, развлекательные парки, создание новых туристических точек притяжения. При этом инвесторам предоставляются налоговые каникулы сроком на пять лет, в то же время вместо налогов резиденты должны будут делать отчисления на создание и поддержание бренда той территории, на которой они разместились. При создании ТРТ важно создать максимально простой механизм для инвесторов, избавленный от излишней бюрократизации.

Учитывая концентрацию туристских ресурсов в Приморском крае, следует выделить перспективные зоны, на территории которых планируется формирование туристско-рекреационных кластеров (особых экономических зон):

- туристско-рекреационная зона «Хасанское побережье» (прибрежная территория от Косы Назимова до Безверхово);
- туристско-рекреационная зона «Южное море» (прибрежная зона от г. Фокино до п. Преображение);
- возможно создание дополнительного кластера, специализирующегося на зимних видах спорта.

Еще одним шагом для создания механизма привлечения инвестиций является создание туристического бренда. Это важный немонетарный способ привлечения инвестиций. Для этого органам власти Приморского края необходимо разработать концепцию туристического бренда, выделить наиболее интересные туристические места, организовать рекламную кампанию, как на территории других субъектов Российской Федерации, так и на территориях стран соседей – Японии, Кореи, Китая. Сильный туристический бренд должен стать магнитом для привлечения инвестиций со стороны не только российских инвесторов, но и зарубежных.

Также формой государственной поддержки инвестиционной деятельности в туристском секторе может стать система грантов для предприятий туристского и гостиничного бизнеса. Поддержка должна оказываться субъектам туристской индустрии Приморского края, осуществляющим свою деятельность в сферах пляжного и активно-спортивного туризма.

Немаловажным фактором при стимулировании инвестиций в туристическую отрасль является обеспечение инвесторов земельными участками для реализации инвестиционных проектов в сфере туризма.

В Приморском крае применяются максимальные ставки налога на землю и арендной платы за землю, это негативно сказывается на привлечении инвестиций в туристическую отрасль. Объяснить это можно тем, что налог на землю и арендные платежи составляют значительную часть доходов местного бюджета.

Помимо вышесказанного инвесторам необходимо оказывать монетарную поддержку: снижать земельный налог, субсидировать часть арендных платежей, выделять гранты на развитие туристических кластеров.

Заключение

Территории опережающего развития – фундамент для развития центров-фокусов территориального структурирования рекреационной направленности, организации предпринимательского сектора и роста хозяйствующих субъектов туризма различной направленности [11]. ТОРы обладают преимуществами для создания конкурентоспособного туристического продукта в Приморском крае. В настоящее время на территории Приморья выделено 6 ТОРов для создания и развития туризма, в границах которых на базе центров-фокусов территориальной структурированности постепенно формируются устойчивые конгломераты туристического развития. Именно благодаря комплексной реализации рекреационно-туристических инвестиционных проектов кластерного типа, обозначенное правительство направлено в области создания центра внутреннего туризма Приморья эффективно реализуется [12].

Список литературы

1. Государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013–2021 годы.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/gosudarstvennaya-programma-primorskogo-kraja-razvitiya-turizma-v-primorskom-krae-na-2013-2017-gody.php> (дата обращения: 14.09.2022).

2. Беляева И.В. Методологические основы формирования благоприятного инновационно-инвестиционного климата в стране // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (83). С.18–23.

3. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013–2021 годы», утвержденной постановлением Администрации Приморского края от 7.12.2012 г. № 396-па (2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primorsky.ru/upload/medialibrary/f05/f05cc770ee2d9f96042326e0e77be275.pdf> (дата обращения: 14.09.2022).

4. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.

5. Martyshenko N. Tourist Industry Development Prospects in Vladivostok under the Launch of «Primorye» Integrated Entertainment Zone. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2018. Vol. 9. No. 26. P. 310–317.

6. Официальный сайт правительства Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. Туризм в Приморском крае. [Электронный ресурс]. URL: https://www.primorsky.ru/primorye/turizm/index.php?phrase_id=5782477 (дата обращения: 14.09.2022).

7. Официальный сайт Департамента по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://am-9.ru/obschedostupnye-okhotnichy-ugodya-primorskogo-kraja> (дата обращения: 14.09.2022).

8. Общедоступные охотничьи угодья – ОДОУ Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://odou.ru/dvfo/odou-primorskogo-kraja.html> (дата обращения: 14.09.2022).

9. Ким Л.В. Оценка рекреационных зон Приморского края. Региональное и отраслевое развитие // Известия ИГЭА. 2007. № 4 (54). С. 51–55.

10. Baldina Yu.V., Petruk G.V., Lebedinskaya Yu.S. Public and private sector entrepreneurship as a tool of dynamic functioning of tourism cluster at the territories of outstripping development (case study of Primorsky Krai). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 200–217.

11. Martyshenko N.S., Kim A.G. Event: Strategies of Tourism Development in Primorsky Krai (Russia). *International Review of Management and Marketing*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 59–65.

12. Nigay E.A., Lebedinskaya Yu.S. Justification of the Forming Mechanism of a Supply Chains by Regional Tourist Cluster Competitiveness. *International Journal of Supply Chain Management*. 2019. Vol. 8. No. 6. P. 481–486.

УДК 338.26

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО УРОВНЕЙ

Кузнецова Е.К., Ивашкевич Т.В., Хайрулина Л.Р.

*ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Омский филиал, Омск, e-mail: EKKuznetsova@fa.ru*

Развитие теории и практики стратегического государственного управления базируется на постоянном совершенствовании его методологии. Основная цель статьи заключается в систематизации информации об отечественном опыте стратегического целеполагания и выборе инструментов реализации национальных целей России с учетом международной практики. Статья содержит результаты исследования современных тенденций развития организации стратегического государственного управления в Российской Федерации на основе функционального и системного подходов. В статье представлены институциональные и концептуальные основы государственного целеполагания, выполнен анализ обеспечения согласованности и сбалансированности документов стратегического управления с учетом национальных приоритетов России и рекомендаций Организации Объединенных Наций по реализации глобальных целей устойчивого развития. Авторами сделан вывод, что необходимость реализации стратегического подхода к управлению развитием публично-правовых образований в нашей стране выступила стимулом к созданию современного действующего институционального механизма выработки и реализации общественно значимых целей. В процессе изучения функционирующей системы стратегического управления национальным развитием в Российской Федерации авторами обозначены имеющиеся неточности в понятийно-терминологическом аппарате по теме исследования, определены проблемы, снижающие эффективность механизма стратегического целеполагания на федеральном уровне публичной власти и сформулированы возможности их решения.

Ключевые слова: государственное управление, устойчивое развитие, целеполагание, стратегическое планирование, национальные приоритеты, публичная власть

STRATEGIC GOAL-SETTING IN PUBLIC ADMINISTRATION: INTEGRATION OF THE NATIONAL AND GLOBAL LEVELS

Kuznetsova E.K., Ivashkevich T.V., Khayrulina L.R.

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk branch, Omsk,
e-mail: EKKuznetsova@fa.ru*

The development of the theory and practice of strategic public administration is based on the continuous improvement of its methodology. The main purpose of the article is to systematize information about the domestic experience of strategic goal setting and the choice of tools for the implementation of Russia's national goals, taking into account international practice. The article contains the results of a study of modern trends in the development of the organization of strategic public administration in the Russian Federation on the basis of functional and systemic approaches. The article presents the institutional and conceptual foundations of state goal-setting, an analysis is made of ensuring the consistency and balance of strategic management documents, taking into account Russia's national priorities and the recommendations of the United Nations on the implementation of global sustainable development goals. The authors concluded that the need to implement a strategic approach to managing the development of public legal entities in our country acted as an incentive to create a modern operating institutional mechanism for the development and implementation of socially significant goals. In the process of studying the functioning system of strategic management of national development in the Russian Federation, the authors identified the existing inaccuracies in the conceptual and terminological apparatus on the research topic, identified problems that reduce the effectiveness of the strategic goal-setting mechanism at the federal level of public authority, and formulated the possibilities for their solution.

Keywords: public administration, sustainable development, goal setting, strategic planning, national priorities, public authority

Развитие теории и практики государственного управления основывается на постоянном совершенствовании методологии целеполагания. Особое внимание к качеству целеполагания в государственном управлении связано с развитием общественных потребностей, появлением новых глобальных вызовов и совершенствованием технологий государственного управления.

Актуальность стратегического государственного целеполагания остается интересной темой и для многих современных научных исследований. Поисковый запрос

в отечественной научной электронной библиотеке (eLibrary.ru), с условиями наличия в названии публикации словосочетания «Стратегические приоритеты России» и времени публикации с 2000 по 2021 г., выдал 2077 научных публикаций (монографий, статей, сборников конференций и т.д.) (рис. 1).

Соответственно, в анализируемом периоде ежегодно публикуются результаты научных исследований по данной тематике, тенденция постоянного роста данного показателя стабильна с 2006 г.

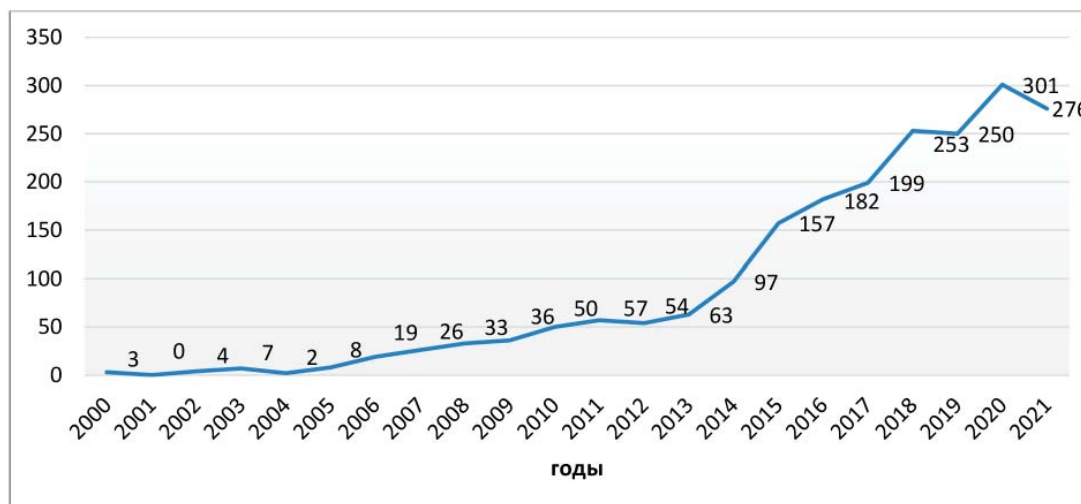

Рис. 1. Количество публикаций в библиографической базе eLibrary.ru, содержащих словосочетание «стратегические приоритеты России», в 2000–2021 гг.

Основная цель статьи заключается в систематизации информации об отечественном опыте стратегического целеполагания и выборе инструментов реализации национальных целей России с учетом международной практики.

Материалы и методы исследования

При выполнении исследования авторами были изучены нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, монографии и научные публикации отечественных ученых по данной проблематике. Исследование основано на системном анализе отечественного опыта государственного стратегического целеполагания, а также его действующего нормативно-правового и методологического обеспечения.

Результаты исследования и их обсуждение

Практически все ученые и практики едины во мнении, что государственное управление как вид управленческой деятельности имеет свою специфику и присущие только ему свойства. При изучении сущности государственного управления учеными применяются системный, институциональный, функциональный, маркетинговый и иные подходы [1–3].

Несмотря на разнообразие подходов к изучению государственного управления, разделяем распространенную точку зрения авторов, подчеркивающих значимость целеполагания как одной из базовых характеристик государственного управления [4, 5].

Необходимость взаимоувязки стратегических целей развития России как один из методологических принципов повышения качества целеполагания стала основой принятого в 2014 г. ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В данном нормативно-правовом акте под целеполаганием понимается «определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» [6].

Характерно, что в отечественных научных исследованиях советского и постсоветского периодов давно получило обоснование утверждение о первоочередности разработки древа целей, состыковки стратегических целей как базиса государственных решений высшего политического уровня, а на их основе – выработка механизмов управления развитием публично-правового образования как социально-экономической системы. Так, еще в 1920-х гг. Н.Д. Кондратьев обозначил проблему о взаимосвязанном предвидении, и его размышления легли в основу понимания связанности научного предвидения, прогнозирования, программирования и планирования. Суть и логика государственного управления опирается на систему стратегических целей, и эта система предьявляет требования к ее организации: в отлаженном механизме стратегического целеполагания соблюдено грамотное движение от общего, более абстрактного, научного предвидения к более детальному прогнозированию, от него – к государственному программированию и планированию.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

1. [Санитарный щит страны — безопасность для здоровья](#)
2. [Первичное звено для каждого](#)
3. [Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация](#)
4. [Медицинская наука для человека](#)
5. [Социальное казначейство](#)
6. [Бизнес-спринт \(Я выбираю спорт\)](#)
7. [Россия – привлекательная для учебы и работы страна](#)
8. [Профессионалитет](#)
9. [Придуманно в России](#)
10. [Пушкинская карта](#)

СТРОЙКА

11. [Рейнжиниринг правил промышленного строительства](#)
12. [Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения](#)
13. [Национальная система пространственных данных](#)
14. [Мой частный дом](#)
15. [Мобильный город](#)
16. [Новый ритм строительства](#)
17. [Инфраструктурное меню](#)

ЭКОЛОГИЯ

18. [Генеральная уборка](#)
19. [Экономика замкнутого цикла](#)
20. [Политика низкоуглеродного развития](#)
21. [Геология: возрождение легенды](#)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

22. [Доступ в Интернет](#)
23. [Цифровой профиль гражданина](#)
24. [Госуслуги онлайн](#)
25. [Электронный документооборот](#)
26. [Подготовка кадров для IT](#)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РЫВОК

27. [Чистая энергетика](#)
28. [Новая атомная энергетика](#)
29. [Развитие производств новых материалов](#)
30. [Прорыв на рынки СПГ](#)
31. [Аграрная наука – шаг в будущее развитие АПК](#)
32. [Круглогодичный Севморпуть](#)
33. [Беспилотные логистические коридоры](#)
34. [Автономное судовождение](#)
35. [Беспилотная аэродоставка грузов](#)
36. [Персональные медицинские помощники](#)
37. [Электроавтомобиль и водородный автомобиль](#)
38. [Взлет – от стартапа до IPO](#)
39. [Цифровая экосистема «Одно окно экспортера»](#)
40. [Платформа университетского технологического предпринимательства](#)
41. [Передовые инженерные школы](#)

ГОСУДАРСТВО ДЛЯ ГРАЖДАН

42. [Клиентоцентричность](#)

Рис. 2. Стратегические инициативы социально-экономического развития России до 2030 г.
Источник: <http://government.ru/news/43480/>

Базовые стратегические цели, сформулированные с учетом методологии, предусмотренной в ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», нашли свое отражение в национальных стратегиях, сроки реализации которых находятся в интервалах 2017 (2019) – 2025 (2030), 2020 (2021) – 2030 (2050) гг. [7–9]

С 2018 г. в институте президентской власти начал свою работу Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам (в 2020 г. его название изменено на «Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам»), в числе задач которого предусмотрено определение и актуализация национальных целей и показателей их достижения, определению базовых подходов к способам, этапам и формам достижения национальных целей.

Значимость стратегического целеполагания при осуществлении государственного управления закреплена и в президентских Указах по исследуемой тематике. Первый Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» содержал девять национальных целей развития страны, но утратил силу в связи с принятием в 2020 г. аналогичного нормативно-правового акта, закрепившего на период до 2030 г. следующие национальные цели:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- цифровая трансформация [10].

Все цели и задачи, предусмотренные национальными стратегиями, имеют количественные и качественные индикаторы, учитываемые при разработке и реализации государственных программ и национальных проектов, что повышает качество государственного управления. Увеличение сроков принимаемых стратегий в нашей стране позволяет сделать вывод о развитии методологии долгосрочного прогнозирования и о масштабности социально-экономических процессов, требующих долгосрочных государственных решений.

Согласно поручениям председателя Правительства РФ по итогам рабочего совещания 26 января 2021 г., для подготовки Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г. были созданы рабочие группы (организационные штабы). В мае 2021 г. планировалось обсуждение текста документа с определением источников финансирования для дальнейшего принятия нормативно-правового акта и его

учета при проектировании расходов федерального бюджета. Однако Стратегия социально-экономического развития России так и не принята, а с октября 2021 г. по шести направлениям реализуются инициативы социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. (рис. 2).

Долгосрочные стратегические инициативы развития России направлены на осуществление институциональных изменений, формирование условий реализации инициатив на основе внебюджетных и бюджетных источников с новыми параметрами эффективности.

Осенью 2021 г. также был принят единый план по достижению национальных целей развития России на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 года [11]. По каждой национальной цели выработана траектория ее достижения: учтены факторы, значимые для реализации конкретной цели, приведены фактические и плановые значения индикаторов, определены документы с комплексами мероприятий как структурные элементы в системе стратегического государственного управления (государственные программы, проекты и другие документы, содержащие инструменты, показатели и ресурсы). Кроме того, в план включен региональный срез: определена роль и возможности участия субъектов РФ в реализации национальных целей, определены показатели оценки эффективности этой деятельности и высших должностных лиц субъектов РФ. В целом данный документ выступает основой для формирования современной информационной системы мониторинга достижения национальных целей для дальнейшей оперативной коррекции государственных стратегических решений.

Важно подчеркнуть, что при определении стратегических целей государственного управления Россия активно использовала лучшую международную практику, в том числе и рекомендации ООН. Среди них особое внимание было уделено целям устойчивого развития (далее – ЦУР) ООН на 2016–2030 гг., которые закреплены в «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Результатом работы международного сообщества стало определение 17 ключевых целей для их реализации с конкретными инструментами по их достижению. Обозначенные цели и задачи носят комплексный и глобальный характер, универсально применимы. В дальнейшем руководство и население каждой страны решают, как обеспечить учет этих рекомендуемых глобальных задач в форме рекомендаций в документах государственного прогнозирования, программирования и пла-

нирования, организации мониторинга этих процессов.

Многие цели устойчивого развития взаимосвязаны: так, например, снижение нищеты тесным образом связано с продовольственной безопасностью, реализуемой государством макроэкономической политикой для достижения полной и производительной занятости и т.д. Но следует учитывать и побочные негативные эффекты: экстенсивное расширение сельскохозяйственных площадей может привести к потере экосистем (а их сохранение – одна из глобальных целей), что, в свою очередь, угрожает продовольственной безопасности.

В Руководстве ООН по продвижению «Повестки 2030» органам государственной власти предлагаются такие этапы адаптации целей устойчивого развития к национальному уровню как:

- «обзор существующих стратегий и планов на всех территориальных уровнях власти и определение областей для изменения;
- рекомендации правительству страны по устранению пробелов в действующих стратегиях и планах для встраивания ЦУР;
- выработка национальных задач для ЦУР, которые соответствуют национальным приоритетам, реальны и достижимы;
- формулирование стратегии и планов, включающих национальные ЦУР, и согласование обязательств с ресурсами и возможностями страны» [12].

При этом подчеркивается, что сопоставление целей желательно провести на всех уровнях управления, предусмотренных государственным устройством страны.

Отметим, что опыт внедрения ЦУР в системы стратегического государственного управления в последнее время сопровождается их приоритетной оценкой. Так, Норвегия, традиционно лидирующая в рейтинге стран по индексу человеческого развития, в настоящее время проводит работу по 9 отобранным ЦУР. В России Федеральной службой по статистике организована мощная межведомственная и координационная работа по адаптации ЦУР ООН к российским статистическим базам.

Авторское исследование показало [13], что наблюдается очевидное совпадение ЦУР ООН с проектами и приоритетами нашей страны как минимум по 7 целям (ЦУР 3 «Здоровье и благополучие», ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты»; ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем», ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши», ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» и ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост»).

На основе проделанной органами государственной власти федерального уровня работы по дальнейшей трансформации государственного управления с учетом национальных и глобальных вызовов, считаем обоснованным расширение указанного перечня по следующим пунктам:

– ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» – Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [14], Стратегическая инициатива № 27 «Чистая энергетика» социально-экономического развития России до 2030 года;

– ЦУР 13 «Борьба с изменением климата» – Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050г. Отметим, что в стратегии цель не обозначена, но прописано, что приоритетом Стратегии является «сокращение в период ее действия накопленного объема чистой эмиссии парниковых газов в России до более низких значений по сравнению с показателями Европейского союза» [15].

Таким образом, качество целеполагания зависит от повышения объективности, относительности и открытости целей государственного управления, создания соподчиненности целей государственного управления в их иерархии – «древе» на основе приоритета потребностей и интересов развития общества.

Выводы

В завершение приведем выводы по основным исследовательским задачам:

1. В современной России выстроена полноценная система стратегического управления национальным развитием, включающая в себя логичную последовательность и взаимоувязанность функций: целеполагание, прогнозирование, программирование, планирование, мониторинг и контроль. Но требует уточнения понятийно-терминологический аппарат, на наш взгляд, в первом пункте третьей статьи Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ приведено понятие стратегического управления как родового понятия, включающего в себя стратегическое планирование. Поэтому логичным представляется авторский подход, позволяющий избежать тавтологии: стратегическое публичное управление – деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития России, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения наци-

ональной безопасности РФ, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития публично-правовых образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

2. Актуальная система документов стратегического государственного управления предоставлена в открытом доступе и в полном объеме в реестре на портале государственной автоматизированной системы «Управление». Однако в настоящее время не ясна перспектива принятия Стратегии социально-экономического развития страны до 2030 г. Кроме того, в принятой в 2021 г. Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. обозначен приоритет, но отсутствует цель, что затрудняет анализ.

3. В действующем механизме стратегического целеполагания в России учтены не только национальные интересы и приоритеты, но и ведется работа по обеспечению их взаимосвязи с рекомендациями ООН по устойчивому развитию. Сравнительный анализ целей устойчивого развития ООН и базовых целей документов стратегического государственного управления федерального уровня показал их взаимоувязку по большинству направлений, поэтому необходимы дальнейшие усилия органов власти субъектов РФ по адаптации глобальных и национальных целей устойчивого развития в практику регионального управления.

Список литературы

1. Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. 264 с.
2. Воронина Л.И., Костина С.Н., Томильцев А.В. Функции и услуги в системе государственного и муниципального управления: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 139 с.
3. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография / Под науч. ред. С.Н. Сильвестрова. М.: РУСАЙНС, 2018. 350 с.
4. Bezikonnaya E., Kuznetsova E. Actual problems of state and municipal management. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2018. 305 p.
5. Roy O. Strategizing as function of administrative management. Proceedings of the 24th International Scientific Conference Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management. Subotica, Republic of Serbia, 2020.
6. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 25.09.2022).
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 27.09.2022).
8. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2018г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности

Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629 (дата обращения: 05.10.2022).

9. Указ Президента РФ от 01 декабря 2016г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 01.10.2022).

10. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01 октября 2021г. № 2765-р «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/136931/> (дата обращения: 01.10.2022).

12. Цели в области устойчивого развития ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/> (дата обращения: 01.10.2022).

13. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565068231> (дата обращения: 27.09.2022).

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657 (дата обращения: 27.09.2022).

УДК 332.025

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Куприянов С.В., Сычева И.И.

*ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина», Белгород,
e-mail: kaf-mvd@yandex.ru, big_tulip@mail.ru*

Предметом исследования выступает проблема повышения эффективности управления в экономике, которая значима не только в общестрановом разрезе, но приобретает особую актуальность на уровне регионов. Эффективное управление выражается в должном экономическом механизме менеджмента, который обусловлен уникальностью географических, климатических и культурных региональных факторов. Экономический механизм в данной статье рассматривается как элемент, предназначенный для сглаживания диспропорций в развитии производительных сил и производственных отношений, причем данные диспропорции в большой степени зависят от субъективной составляющей указанных категорий. Производительные силы и производственные отношения развиваются неравномерно. Для экономики региона большое значение имеет сбалансированное развитие производительных сил и производственных отношений. Иная ситуация ведет к торможению производственных мощностей и снижению производительности труда. Развитие экономики страны зависит от развития экономики всех регионов в нее входящих, однако приграничные территории играют здесь особую роль, поскольку их состояние определяет национальную безопасность. Перспективы для исследования представляют выявленные объективные и субъективные составляющие в производительных силах и производственных отношениях. Сделан вывод о том, что сбалансированности развития производительных сил и производственных отношений можно достичь путем применения эффективного менеджмента (управления), который выражается применением системы «экономический механизм». Структура экономического механизма имеет различное содержательное наполнение в зависимости от внешних факторов. Особое наполнение он имеет в приграничном регионе. Здесь выделяются требования к расположению производства, структуре населения, правовому полю, формированию условий для компенсации рисков бизнеса. Формирование регионального приграничного кластера безопасности в настоящих условиях (в Белгородской, Курской, Брянской, Ростовской областях в октябре 2022 г. объявлен средний уровень реагирования, дающий особые самостоятельные полномочия руководителям регионов) является особенно востребованным, что подтверждает актуальность данной работы.

Ключевые слова: экономический механизм, региональное развитие, производительные силы, приграничный регион, производственные отношения, кластер безопасности

THE ROLE OF THE ECONOMIC MECHANISM IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Kupriyanov S.V., Sycheva I.I.

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, e-mail: kaf-mvd@yandex.ru, big_tulip@mail.ru*

The subject of the research is the problem of increasing the efficiency of management in the economy, which is significant not only in the national context, but is of particular relevance at the regional level. Effective management is expressed in the proper economic mechanism of management, which is due to the uniqueness of geographical, climatic and cultural regional factors. The economic mechanism in this article is considered as an element designed to smooth out disproportions in the development of productive forces and production relations, and these disproportions largely depend on the subjective component of these categories. The productive forces and production relations develop unevenly. The balanced development of productive forces and production relations is of great importance for the region's economy. A different situation leads to a slowdown in production capacity and a decrease in labor productivity. The development of the country's economy depends on the development of the economy of all its constituent regions, however, border areas play a special role here, since their condition determines national security. Prospects for research are the identified objective and subjective components in the productive forces and production relations. It is concluded that the balance of the development of productive forces and production relations can be achieved through the use of effective management (management), which is expressed by the use of the "economic mechanism" system. The structure of the economic mechanism has a different content depending on external factors. It has a special content in the border region. Here, the requirements for the location of production, the structure of the population, the legal framework, and the formation of conditions for compensating business risks are highlighted. The formation of a cross-border security cluster in real conditions (at the Belgorod, Kursk, Bryansk, Rostov meeting in October 2022, declaring a high level of self-awareness, giving high independent powers to the leaders of the regions) is especially in demand, which requires the relevance of this work.

Keywords: economic mechanism, regional development, productive forces, production relations, border region, security cluster

В развитии экономики региона важным условием является перманентное наращивание производственных мощностей. Поскольку экономика страны фактически

складывается из экономик регионов (районов), то очевидно, что чем лучше будут организованы хозяйственные и производственные отношения на местах, тем больше

будет вероятность того, что экономика страны сможет независимо развиваться, сохраняя свою суверенность и преумножая лидирующие позиции в общемировом масштабе.

Развитие экономики каждого региона страны зависит от уникального набора факторов, связанных с географическим, климатическим, геополитическим расположением территории. В частности, Белгородская область расположена на юго-западной границе страны в зоне Черноземья и залегания железных руд, что обуславливает необходимость поддержания и повышения производительности труда в сельском хозяйстве (на территории Белгородской агломерации) и в добывающем производстве (на территории Старооскольско-Губкинской агломерации). Расположение региона в приграничной зоне, кроме того, накладывает специфические требования по формированию регионального кластера безопасности, обеспечение которого влияет на безопасность всей страны. Формирование регионального приграничного кластера безопасности в настоящих условиях (в Белгородской, Курской, Брянской, Ростовской областях в октябре 2022 г. объявлен средний уровень реагирования, дающий особые самостоятельные полномочия руководителям регионов) является особенно востребованным, что подтверждает актуальность данной работы.

Целью работы является исследование значения экономического механизма в развитии и безопасности страны как инструмента регионального развития, а также выработка рекомендаций для развития приграничных регионов.

Материалы и методы исследования

В основе методологии исследования лежат подходы классической политической экономии [1]. В частности, применяются идеи К. Маркса. Несмотря на то, что постулаты классической политической экономии считаются исчерпавшими себя, они как нельзя более верно подходят для долгосрочного планирования экономического развития регионов и страны в целом, поскольку учитывают не только взаимоотношения между индивидуумами, но и изменчивость условий, в рамках которых предполагается поддержание производства и устойчивости экономики.

Кроме того, в работе используется системный подход. В то же время акцент делается на то, что экономика – это социальная система, изучение которой, с одной стороны, должно учитывать субъективные желания индивидуумов, а с другой стороны – объективные возможности такой

системы к самоорганизации. Применяется холистический подход, который нацелен на анализ механизмов, позволяющих держаться данной системе в целостности. Особое внимание уделено анализу взаимоотношений экономических (региональных) систем с внешней средой, поскольку в ходе взаимодействия системы как целого со средой выявляются внутренние экономические механизмы.

Региональный подход к изучению экономического механизма актуален как подход мезоуровня, где происходит обезличивание потребностей и выделение категорий, необходимых для функционирования экономики всей страны. Работа опирается на принципы методологического институционализма, представляющий собой анализ мезоуровневых систем с точки зрения поддерживающих их функционирование институтов [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня среди существующих экономических исследований значимое внимание уделяется экономическому (хозяйственному) механизму как совокупности форм, методов и инструментов управления экономикой; представляющему собой экономическую категорию сферы организационно-экономических отношений, опосредующую взаимодействие между производительными силами, производственными отношениями и надстройкой [3].

Так, одним из непреходящих вопросов экономики любого уровня является способ повышения ее эффективности. При сравнении эффективности экономик различных систем та будет являться более эффективной, которая для производства набора товаров и услуг сможет использовать меньшее количество ресурсов, с учетом того, что качество этих благ и услуг одинаково. Повышения результативности производства в условиях ограниченного набора ресурсов возможно достичь путем оптимизации взаимодействия производительных сил и производственных отношений, являющихся составляющими способа производства.

На региональном уровне возникает вопрос, как повысить эффективность существующих производств, а в нашем случае (для Белгородской области) – сельскохозяйственного, добывающего секторов в условиях нахождения территории в зоне соблюдения норм повышенной безопасности.

Производительные силы образуют ведущую сторону способа производства, основу развития общества. Они представляют совокупность средств производства и людей, занятых в производстве, систему субъектив-

ных (человек) и объективных (вещественных) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства [4]. В то же время производственные отношения – это совокупность объективных, не зависящих от сознания людей отношений, в которые люди вступают в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления. Производственные отношения характеризуются отношениями собственности [5].

Производительные силы и производственные отношения развиваются неравномерно. Развитие производительных сил обычно опережает развитие производственных отношений. Исключением можно считать лишь взаимоотношение между этими категориями в Советском Союзе в 1920–1930-х гг., когда научный прогресс догонял сформировавшиеся производственные отношения. В идеале для эффективного развития экономики страны (региона) необходимо, чтобы производительные силы и производственные отношения развивались параллельно, однако вследствие невозможности этого в действительности необходим инструмент, позволяющий сглаживать диспропорции развития данных экономических систем. Таким инструментом и выступает экономический механизм.

В научной литературе чаще встречается термин «хозяйственный механизм». Однако, с нашей точки зрения, корректнее название «экономический», поскольку, восходя к этимологии термина экономика (управление хозяйством по закону), в механизме, который призван нивелировать диспропорции развития производительных сил и производственных отношений, должны обязательно пересекаться право и хозяйствование, что и выражается понятием «экономика» [6].

Экономический механизм включает систему инструментов хозяйствования. Эта система состоит из четырех блоков (подсистем):

- 1) правового обеспечения,
- 2) хозяйствования,
- 3) функционального обеспечения,
- 4) методов регулирования.

Блок правового обеспечения предназначен для выявления закономерностей взаимодействия экономических субъектов и для формирования на основании таких закономерностей нормативно-правовых актов, позволяющих государственным, отраслевым и территориальным органам власти прямо или опосредованно воздействовать на деятельность хозяйствующих субъектов [7].

Блок хозяйствования состоит из экономических рычагов и стимулов, обеспечивающих эффективность и качество работы всех звеньев производственного комплекса. Главное для подсистемы – реализация цели структурного образования при оптимальном использовании имеющегося потенциала. Особенности подсистемы выступают открытость и самонастраиваемость, что позволяет взаимодействовать с внешней средой и гибко реагировать на происходящие изменения. В целом задачей блока является анализ существующих на территории ресурсов и элементов хозяйствования и разработка рекомендаций для повышения эффективности функционирования или использования данных ресурсов и инструментов (процедуры включают анализ, планирование, учет, контроль).

Блок функционального обеспечения связан с процедурами упорядочивания отношений между экономическими субъектами, включая разделение хозяйствующего субъекта на подразделения, установление иерархии подразделений, определение их прав и полномочий и т.д. Производится это с помощью введения различных ограничений (экологических, финансовых, трудовых, требований безопасности, социальных и пр.), различных способов обеспечения передачи, хранения и контроля информации, методов разрешения конфликтов (система судов и т.п.).

Блок методов регулирования представляет собой способы осуществления воздействия на коллективы и отдельных работников, обеспечивающие согласованность их деятельности в технологическом процессе конкретного производства и достижение эффективных результатов. Согласно одной из классификаций методов управления выделяют организационно-распорядительные (административные); экономические; социально-психологические методы. Использование данных методов направлено на организацию эффективного хозяйствования и предполагает участие и влияние как непосредственного руководителя (организация функционирования работы предприятия в форме постановки задач, делегирования функций, распределения ответственности, контроля результата и др.), экономических государственных стимулов (формы и системы оплаты труда, премиальные системы, индивидуальная и коллективная заинтересованность и др.), так и создание общего социопсихологического фона работы в коллективе.

Приведенная структура экономического механизма имеет различное содержательное наполнение в зависимости от внешних факторов. Например, функционирование

такого механизма будет зависеть от типа территориально-административной единицы, в которой он применяется.

Кроме того, для экономического механизма характерна этическая (субъективная) составляющая, которая выражается в наличии теневых, коррупционных и иных отношений. Данные отношения свойственны экономике (экономическому механизму) перманентно, субъективная составляющая проявляется лишь в их количестве.

Экономический механизм призван повысить эффективность производственного процесса путем обеспечения гармоничного развития образующих способ производства производительных сил и производственных отношений, юридической составляющей, являющейся правовым полем для конкретного способа производства, и этического компонента, формирующего общий фон, а также условий развития общества на данном историческом этапе. Оптимизация этих составляющих (производительные силы, производственные отношения, правовое поле, уровень этического сознания) является обязательным требованием для определения и оценки производственного потенциала хозяйственного комплекса страны [8].

Как было уже сказано, развитие хозяйственного комплекса страны тесно связано с развитием территорий, входящих в нее. Значительная протяженность страны с севера на юг и с запада на восток формирует различные районы, экономическое регулирование которых не может происходить по одинаковым алгоритмам.

Особого внимания заслуживают регионы приграничного расположения, в том числе Белгородская область. Их развитие подвергается ряду угроз. Эти угрозы называются как военно-политическими конфликтами, так и специфическим торгово-экономическим межтерриториальным взаимодействием (контрабанда, незаконный вывоз товаров стратегического значения и др.). Еще одной особенностью развития некоторых приграничных регионов РФ являются недостатки таможенной и пограничной инфраструктуры.

Так, наполнение экономического механизма управления в развитии экономики приграничного хозяйствующего субъекта должно соответствовать определенным требованиям. В частности, высокой степенью мобильности активной части основных фондов, позволяющей их эвакуировать в более безопасные районы. Кроме того, экономике приграничного региона должен быть присущ высокий уровень автономии, поскольку в случае ее частич-

ного или полного разрушения экономика государства в целом должна пострадать минимально и не потерять своей устойчивости от возможного разбалансирования. Определенные требования предъявляются и к населению приграничного региона. Прежде всего – по плотности расселения, возрастной и гендерной структуре. Особое место, на наш взгляд, отводится наличию здесь субкультуры – устойчивой, организованной формы культуры со своими специфическими традициями, ценностями, устоями, которые существуют наряду с традиционной обычной культурой [9].

На территории приграничных регионов не должны создаваться стратегические объекты военно-промышленного комплекса, предприятия, обеспечивающие национальную безопасность, а вместе с тем должны быть размещены объекты, позволяющие проведение оборонительно-наступательных операций. Данное обстоятельство, естественно, определяет особенность формирования уклада жизни населения, в том числе и экономического развития приграничной территории. Вместе с тем бизнес, предпринимательство развивается по своим законам, которые предполагают, что ограничения в одном направлении развития компенсируются свободой в другом, что чем больше рисков, тем выше норма прибыли. И для всего этого должны быть созданы и обеспечены соответствующие правовому полю необходимые условия льготного функционирования хозяйственных структур, а также обеспечен востребованный уровень качества жизни населения. Поэтому учет специфики приграничного территориального образования с особенностью его экономического механизма предполагает получение адекватного ответа объективным и субъективным вызовам.

Поскольку от развития приграничных регионов зависит безопасность всей страны, то и их экономика должна отличаться особо четкой (стратегической) целенаправленностью в процессе планирования. Когда речь идет о стратегическом планировании, то имеются в виду цели и задачи, подлежащие обязательному исполнению. Поэтому отношение к разработке стратегии требует тщательного обоснования проводимых расчетов, обеспечения достаточными ресурсами, объяснения важности реализации мероприятий исполнителям.

Поскольку всему производственному процессу свойственны объективные и субъективные составляющие, то на первый план выходит корректное взаимодействие с теневой составляющей экономического регулирования.

Кроме того, с точки зрения системного подхода в дальнейшем представляет интерес выделение групп приграничных регионов, объединенных схожими территориально-географическими и культурными факторами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам прийти к следующим выводам:

– развитие экономики страны зависит от развития экономики всех входящих в нее регионов, однако приграничные территории играют здесь особую роль, поскольку их состояние определяет национальную безопасность;

– для экономики региона большое значение имеет сбалансированное развитие производительных сил и производственных отношений как составляющих производственного процесса и способа производства. Иная ситуация ведет к торможению производственных мощностей и снижению производительности труда.

Перспективы для исследования представляют выявленные объективные и субъективные составляющие в производительных силах и производственных отношениях:

– сбалансированности развития производительных сил и производственных отношений можно достичь путем эффективного менеджмента (управления), который выражается применением системы «экономический механизм»;

– экономический механизм структурно состоит из четырех подсистем: правового обеспечения, хозяйствования, функционального обеспечения, методов регулиро-

вания, а также этической (субъективной) составляющей в форме теневых и коррупционных отношений;

– структура экономического механизма имеет различное содержательное наполнение в зависимости от внешних факторов. Особое наполнение он имеет в приграничном регионе. Здесь выделяются требования к расположению производства, структуре населения, правовому полному, формированию условий для компенсации рисков бизнеса.

Список литературы

1. Клисторин В.И. Классическая политическая экономика и современность // Мир экономики и управления. 2014. № 14 (2). С. 118–126.
2. Кирдина-Чэндлер С.Г. Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике // ЭНСР. 2021. № 3 (94). С. 17–32.
3. Энциклопедический словарь терминов по менеджменту, маркетингу, экономике, предпринимательству. [Электронный ресурс]. URL: <https://vocable.ru/termin/hozjaistvennyimehanizm.html> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Марксизм / Производительные Силы. [Электронный ресурс]. URL: <https://esperanto.mv.ru/wiki/> (дата обращения: 07.10.2022).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Наёмный труд и капитал: собр. соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 6. 577 с.
6. Журавлев Д.М. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием региона // Креативная экономика. 2019. № 13 (2). С. 251–260.
7. Хозяйственный механизм управления социалистической экономикой: учеб. пособие для студентов экон. спец. вузов / Под ред. П.Г. Бунича. М.: Экономика, 1984. 304 с.
8. Национальные социально-экономические системы в условиях перехода к новому технологическому укладу: монография / Под ред. проф. С.В. Куприянова. Белгород: Издательство БГТУ, 2021. 300 с.
9. Словарь по культурологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/1865391/page:2/> (дата обращения: 07.10.2022).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Макаревич А.Н.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород, e-mail: Anna.Makarevich@novsu.ru

Выводы и рекомендации данной статьи базируются на комплексном исследовании автора, посвященном становлению и развитию в России социально-ориентированной рыночной экономики, обуславливающей трансформацию принципов регулирования экономики в новых условиях хозяйствования при вызовах внешнего мира. Основываясь на тезисе автора об усилении тенденции социализации предпринимательства как неизбежной необходимости для российской экономики, статья раскрывает механизм количественной оценки включения бизнеса в решение социально значимых задач на системном уровне, отличном от разовых проявлений благотворительности и меценатства, единичных социальных проектов. Тенденции развития процесса социализации бизнеса базируются на двух аспектах. Во-первых, многообразии социальных практик – от роста активности социального предпринимательства до дифференциации примеров корпоративной социальной ответственности, определяемых автором в рамках данной статьи как интенсификация социализации бизнеса и среды его функционирования. Во-вторых, становление трехстороннего перекрестного взаимодействия участников социально-экономических процессов, основанного на переплетении их сфер ответственности и «проникновении» в деятельность друг друга. В статье представлен расчет коэффициента синергетического эффекта от двух указанных аспектов (процессов) на основе показателей, применимых, по мнению автора, к исследованию явления «социализация предпринимательства». Построена модель прогноза прироста социализации предпринимательства на основе аналитических данных за 2016–2022 гг.

Ключевые слова: социализация предпринимательства, интенсификация социализации предпринимательской среды, трехстороннее перекрестное взаимодействие, коэффициент синергетического эффекта, прогноз

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIALIZATION OF ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN ECONOMY

Makarevich A.N.

Yaroslav the Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, e-mail: Anna.Makarevich@novsu.ru

The conclusions and recommendations of this article are based on the author's comprehensive review of the formation and development of a socially oriented market economy in Russia, which determines the formation of the practice of regulating the economy in the new conditions of transforming the economy in response to the challenges of the outside world. Based on the author's thesis on strengthening the tendency to socialize entrepreneurship as an inevitable need for the Russian economy, the article reveals a mechanism for quantifying the inclusion of business in solving socially significant problems at a systemic level, different from one-time manifestations of charity and philanthropy, single social projects. Business socialization trends are based on two aspects. Firstly, the variety of its social practices – from the growth of social entrepreneurship activity to the differentiation of examples of corporate social responsibility, defined by the author in the framework of this article as intensification of the socialization of business and the environment of its functioning. Secondly, the formation of tripartite cross-interaction between participants in socio-economic processes, based on the interweaving of their areas of responsibility and «penetration» into each other's activities. The article presents the calculation of the synergistic effect coefficient from the two specified aspects (processes) based on indicators applicable, according to the author, to the study of the phenomenon of «socialization of entrepreneurship». A model of the forecast of the increase in the socialization of entrepreneurship was built on the basis of analytical data for the period 2016–2022.

Keywords: socialization of entrepreneurship, intensification of socialization of the entrepreneurial environment, tripartite cross-interaction, coefficient of synergistic effect, forecast

В настоящее время не вызывают сомнений два взаимообусловленных факта. Во-первых, стабильному развитию компаний, регионов и страны в целом способствует уровень социально ответственного поведения хозяйствующих субъектов. Во-вторых, экономические акторы уже не могут действовать изолированно от социума, поскольку сами являются его структурной составляющей и несут ответственность перед обществом, в котором они функционируют [1, с. 97]. Кроме того, на смену «этике служения», исторически положен-

ной в основу интеграции интересов общества и бизнеса, сегодня формируется «этика ответственности» с традициями наследования и преемственности, требующая системного подхода к исследованию процесса социализации бизнеса, предполагающего применение механизмов, технологий, стандартов и отчетности. Однако общество до сих пор с недоверием относится к использованию бизнес-инструментов для производства и предоставления благ социально значимого характера [2, с. 98], предполагая краткосрочность и единовременность их

использования. Ожидания населения относительно результатов функционирования предпринимательских структур связаны в первую очередь с его оперативными социальными задачами – созданием рабочих мест, выполнением обязательств перед наемными работниками, производством продукции высокого качества и т.п. Также системная реализация социальных проектов на долгосрочной основе в отечественной экономике затруднена активной санкционной политикой, проводимой в отношении РФ преимущественно странами Европы и США с 2014 г. В этой связи осторожность, присущая российскому бизнесу при принятии решений о долгосрочности своих социальных планов, актуализирует задачу поиска инструментов для активизации процесса социализации.

Цель исследования заключается в изучении социализации предпринимательства с позиции количественного измерения данного процесса, основанного на синергетическом эффекте в рамках двуединого понимания социализации бизнеса в условиях развития трехстороннего перекрестного взаимодействия субъектов хозяйствования.

Материалы и методы исследования

Проблематика данной статьи основана на том, что проявление предпринимательскими структурами своих социальных практик эволюционировало от частных случаев благотворительности до современных бизнес-подходов к решению социально значимых проблем общества, становясь миссией и обуславливая социализацию среды функционирования предпринимательства. Постановка проблемы и проведение количественного анализа интенсификации социализации предпринимательской среды и трехстороннего перекрестного взаимодействия – как двух параллельно протекающих процессов, особенно актуальны с практической точки зрения с целью исследования качественных социально-экономических изменений деятельности субъектов предпринимательства. Выводы данной статьи всесторонне подтверждают тезис автора о том, что совокупный результат от действия данных процессов превышает эффект от воздействия каждого процесса отдельно. Использован метод экстраполяции, который позволяет определить будущее состояние исследуемого объекта на основе сложившихся в прошлом и настоящем пропорций.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема изучения социализации предпринимательства актуализируется целым

рядом факторов. Во-первых, объективным процессом перехода российского общества на инновационный вектор развития в условиях становления социально-ориентированной рыночной экономики. Во-вторых, настоящей ролью социализированных бизнес-структур как важнейших субъектов не только экономических и экологических, но и социально-культурных трансформаций в обществе. В-третьих, недостатком глубины теоретико-методологических и практических исследований проблем социализации бизнеса применительно к российской действительности и ее отдельным сферам, например таким, как теоретическое осмысление потенциала социальной ответственности бизнеса и социального предпринимательства, а также ресурсов для его наращивания [3, с. 51].

Среди основных предпосылок, характеризующих трансформации социально-экономических отношений и обуславливающих социализацию предпринимательства, автором выделяются:

- становление социализированной бизнес-среды, обусловленной как развитием форм социальной ответственности бизнеса, так и особой формы – социального предпринимательства;

- переход от двухстороннего к трехстороннему перекрестному взаимодействию субъектов экономики, под которым понимается сотрудничество, которое достигается посредством согласования интересов и доверия участников социально-экономических отношений в условиях усиления их взаимного проникновения в деятельность друг друга, неизбежно перераспределяя сферы ответственности за социально-экономическое развитие страны и актуализируя социально-ориентированный вектор ее развития [3, с. 53].

Неотъемлемым условием успешной социализации предпринимательства является достижение искомого результата, определение которого предполагается в рамках синергетического эффекта как следствия объединения вышеуказанных процессов – интенсификации социализации бизнес-среды и развития трехстороннего перекрестного взаимодействия. При этом сущностный аспект синергии заключается в том, что суммарный эффект от действия процессов больше, чем сумма всех составных частей. Предложено оценивать синергетический эффект с позиции сравнительного количественного анализа – как сравнение эффекта от объединения процессов и эффекта от воздействия каждого процесса отдельно. Коэффициент синергетического эффекта имеет следующий вид:

$$K_{сэ} = \frac{F(\text{ИСС} + \text{ТПВ})}{F(\text{ИСС}) + F(\text{ТПВ})},$$

где ИСС – процесс интенсификации социализации предпринимательской среды (процесс 1);

ТПВ – процесс развития трехстороннего перекрестного взаимодействия (процесс 2);

F – эффект от процесса 1, процесса 2 или интегрированного воздействия процессов 1 и 2;

$K_{сэ}$ – коэффициент синергетического эффекта от интеграции процессов 1 и 2.

Если $K_{сэ} = 1$, то синергетический эффект от объединения процессов отсутствует. Если $K_{сэ} > 1$, то синергетический эффект положительный. Если $K_{сэ} < 1$, то синергетический эффект отрицательный, что свидетельствует о неэффективности интеграции процессов.

Важным этапом исследования является определение перспектив развития искомого результата, социализации предпринимательства, и определение перечня показателей для его расчета.

Для измерения процесса ИСС и к показателям, характеризующим развитие ТПВ, как характеристик синергетического эффекта, предложены данные, отражающие, по мнению автора, современные аспекты практик социального поведения бизнеса (таблица). В качестве примера для определения показателей в рамках процессов ИСС и ТПВ автор измеряет их в разрезе экономики России и приводит на основе аналитических данных, представленных

общероссийской общественной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей» [4], а также официальных данных сайта Министерства экономического развития РФ [5], Федеральной службы государственной статистики [6].

Изучение динамики прироста показателей интенсификации социализации предпринимательской среды и развития трехстороннего перекрестного взаимодействия позволяет автору построить соответствующие кривые темпов прироста ИСС и ТПВ в разрезе показателей (рис. 1 – на примере ИСС).

В целом кривая темпов прироста интенсификации социализации предпринимательской среды на протяжении всего исследуемого периода (2016–2020 гг.) находится в положительном квадранте, что свидетельствует об устойчивой положительной динамике показателей, положенных в основу ее расчета. Тренд развития трехстороннего перекрестного взаимодействия имеет две отрицательные точки – в 2018 и 2020 гг., что связано с мировым финансовым кризисом (2018 г.) и отрицательными последствиями пандемии коронавируса (2020 г.) (рис. 2).

Построение кривых темпов прироста ИСС и ТПВ позволяет автору методом графического сложения линейных функций вывести кривую темпов прироста социализации предпринимательства ($K_{СП}$) и посредством инструментов Microsoft Excel построить прогноз ее динамики до 2022 г. включительно (рис. 3).

Показатели интенсификации социализации предпринимательской среды и развития трехстороннего перекрестного взаимодействия

Показатели	2016		2017		2018		2019		2020	
	ед.	Δ, %	ед.	Δ, %	ед.	Δ, %	ед.	Δ, %	ед.	Δ, %
Интенсификация социализации предпринимательской среды (ИСС)										
число субъектов социального предпринимательства	165	17,0	181	9,7	200	10,5	203	1,5	209	3,0
количество социальных практик	420	32,9	498	18,6	550	10,4	578	5,1	655	13,3
число лидеров в области ответственности и открытости	25	25,0	29	16,0	32	10,3	34	6,3	47	38,2
Развитие трехстороннего перекрестного взаимодействия (ТПВ)										
количество опубликованных нефинансовых отчетов	96	6,7	107	11,5	100	-6,5	108	8,0	108	0,0
число социально ориентированных НКО, тыс. ед.	143,4	8,6	142,6	-0,6	140,2	-1,7	146,5	4,5	128,7	-12,2
число реализуемых государственных программ	44	12,8	43	-2,3	35	-18,6	42	20,0	46	9,5
средняя эффективность реализации государственных программ, %	81,9	-12,0	87,8	7,2	87,1	-0,8	82,6	-5,2	78,7	-4,7

Составлено автором по [7, с. 7; 8, с. 22; 9, с. 24; 10, с. 24; 11, с. 20].

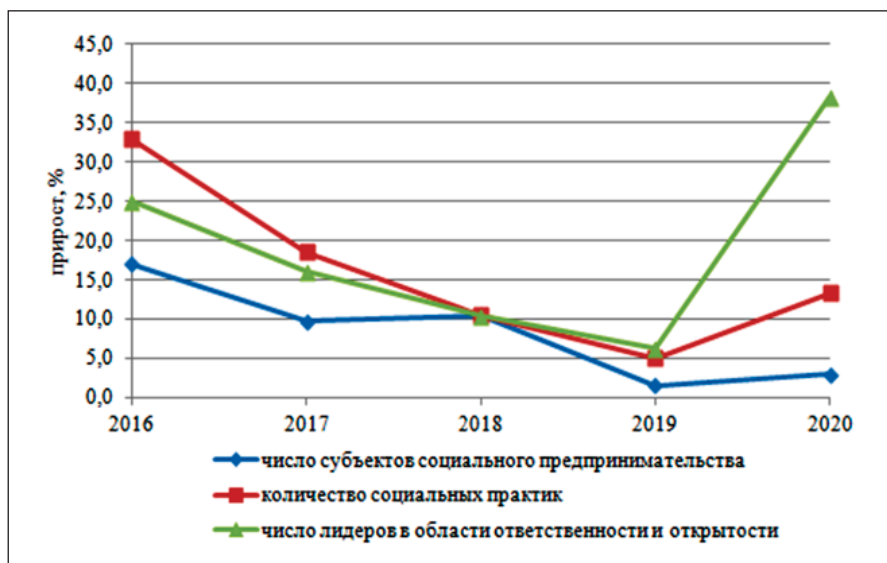

Рис. 1. Кривые темпов прироста ИСС в разрезе показателей

Рис. 2. Кривые темпов прироста ИСС и ТПВ

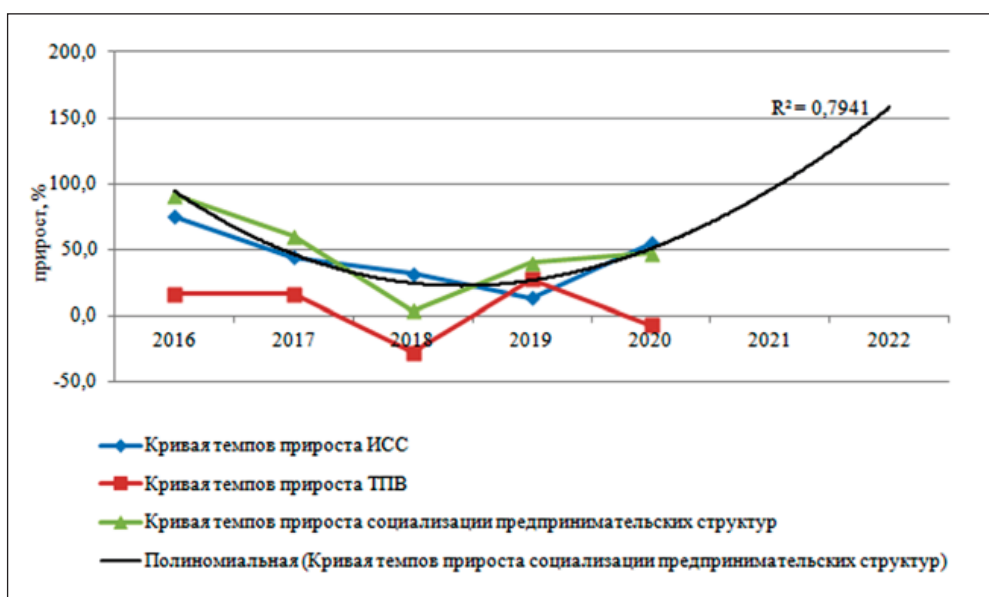

Рис. 3. Кривая темпов прироста социализации предпринимательства и прогноз до конца 2022 г.

Кривая темпов прироста социализации предпринимательства логично отображает выводы, что кривые темпов прироста ИСС и ТПВ до 2018 г. имеют нисходящую динамику. Также необходимо отметить отсутствие отрицательных значений по всей области построения КСП, что позволяет нам судить об актуальности и усилении тенденций социализации предпринимательства в российской экономике. Наиболее значимым является 2018 г., после которого КСП принимает положительный наклон. Кроме того, рис. 3 отображает прогноз развития процесса социализации предпринимательских структур, построенный автором на основе выявления тренда линии КСП (полиномиальный тренд 3 степени). В целом модель можно считать достоверной (модель приемлемого качества), поскольку коэффициент детерминации полиномиального тренда близок к 1,0 ($R^2 = 0,7941$).

Представленный автором подход к оцениванию тенденций социализации предпринимательства в экономике России не рассматривается как единственно возможный и допускает существование альтернативных методик измерения социализации посредством специализированных показателей, формирующихся под воздействием трансформации базовых постулатов, условий и принципов хозяйствования. В предложенной интерпретации делается упор на два важных аспекта современных социально-экономических отношений. С одной стороны, становление трехстороннего перекрестного взаимодействия хозяйствующих субъектов, с другой – переплетение ролей государства и субъектов, взаимопроникновение в деятельность друг друга, мультипликаторным эффектом предопределяя вклад каждого из них в социально-экономическое развитие. Авторский подход позволяет сфокусироваться на положительных аспектах процессов, проистекающих при развитии социализации предпринимательства. Однако усиление санкционного давления со стороны внешних экономик представляется глобальным фактором, предопределяющим не столько негативные последствия для отечественного народного хозяйства, сколько изменения в политическом курсе, в рамках которого российскими властями предпринимаются ответные меры, вызванные изменением миропорядка хозяйствования. В настоящее время государство и бизнес не способны в одиночку преодолеть усугубляющиеся в процессе глобализации проблемы, обеспечить должный уровень благосостояния территорий, экономическую, социальную и политическую

стабильность. Следовательно, они вынуждены действовать сообща и учитывать не только интересы друг друга, но и всего общества в целом [12, с. 97].

В этой связи, делая предположение о социализации предпринимательских структур в ближайшее время, следует отметить следующие тенденции. Во-первых, повышение роли бизнеса в решении социально значимых проблем. Так, в результате нарастания внешних вызовов российская экономика продолжает мобилизацию ресурсов страны, проводя политику импортозамещения и становления многополярного мира, усиливая тенденцию гуманизации экономических отношений и расставляя акценты на реализацию социально значимых проектов бизнесом как части современной социально-ориентированной экономики. Во-вторых, становление новой социально-экономической политики государства, ориентированной на устойчивый экономический рост и ликвидацию диспропорций в структуре национального хозяйства посредством построения более прочных межстрановых или межсубъектных связей и обязательств в важнейших сферах общественной жизни. Природа государства трансформируется от узко понимаемого законотворческого аспекта на определенной территории до его социопространственной организации, выходящей за рамки конкретного региона, обостряя научный интерес к государству как политическому феномену. В-третьих, развитие социально-политического аудита как современной технологии анализа уровня взаимодействия власти и общества, предпосылки дальнейшего развития гражданского общества в условиях современных вызовов.

Таким образом, акценты на реализацию социальных проектов бизнесом останутся на повестке дня, поскольку являются частью современной социально-ориентированной экономики России. В перспективе социализация предпринимательства должна включать ряд последовательных действий со стороны хозяйствующих субъектов в рамках концептуального подхода: агрегирование данных о поставленной цели и решаемых социальных задачах, о планируемых значениях показателей, об информационных потоках, взаимодействиях с внешней средой и других количественных и качественных параметрах деятельности социально ответственных предпринимательских структур; формализация всех данных в соответствии с действующим законодательством и стандартами; формирование совокупности индикаторов для оценки эффективности проистекающих в настоящее время бизнес-

процессов, а также проведение динамического анализа конкретных участников предпринимательской среды; выстраивание функциональных и информационных моделей бизнес-процессов с целью повышения эффективности деятельности, а также прогнозирования ее результатов; сопоставление полученных результатов (план и факт), выявление отклонений и причин; выработка рекомендаций.

Список литературы

1. Киварина М.В., Макаревич А.Н. Предпринимательство как институт социального развития общества // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 7. С. 94–99.
2. Макаревич А.Н. Сфера социально значимых услуг: «борьба» терминологий // *Казанская наука*. 2012. № 10. С. 97–100.
3. Макаревич А.Н. Концептуальное исследование процесса социализации предпринимательства в современной России // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 8. С. 50–55.
4. Российский союз промышленников и предпринимателей. [Электронный ресурс]. URL: <http://rspp.ru> (дата обращения: 14.05.2022).
5. Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 26.03.2022).
6. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.08.2022).
7. Бизнес – регионам. Сборник корпоративных практик / РСПП. М., 2014. 132 с.
8. Бизнес. Экология. Человек: сборник корпоративных практик / РСПП. М., 2016. 156 с.
9. Феоктистова Е.Н., Копылова Г.А., Озерянская М.Н., Москвина М.В., Хофманн Н.И., Пуртова Д.Р. Российский бизнес и Цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик / РСПП. М., 2018. 200 с.
10. Феоктистова Е.Н., Копылова Г.А., Москвина М.В., Озерянская М.Н., Пуртова Д.Р. Достойный труд – устойчивый бизнес. Сборник корпоративных практик / РСПП. М., 2020. 192 с.
11. Феоктистова Е.Н., Копылова Г.А., Озерянская М.Н., Пуртова Д.Р. Российский бизнес и права человека. Сборник корпоративных практик / РСПП. М., 2021. 180 с.
12. Грекова Г.И., Киварина М.В. Взаимодействие власти, бизнеса и гражданского общества в современной России: вопросы теории и практики. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2016. 231 с.

УДК 332.1:338.43

УСТОЙЧИВОСТЬ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ И ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Полушкина Т.М.

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева», Саранск, e-mail: polushkinatm@gmail.com*

Статья посвящена фундаментальным вопросам выявления системных взаимосвязей повышения устойчивости агропродовольственных систем и инклюзивности развития сельских территорий с целью сохранения продовольственной безопасности страны в условиях обострения геополитической ситуации, оценке возможностей современных механизмов и инструментов государственного влияния способствовать быстрому насыщению российского агропродовольственного рынка импортозамещающей продукцией, импортозамещению входящих ресурсов (семян и племенного материала, ветпрепаратов и кормовых добавок, химических средств защиты растений, тракторов, комбайнов, машин и оборудования для сельского хозяйства и пищевой промышленности, всего агропродовольственного комплекса) и их совершенствованию. Устойчивое развитие агропродовольственных систем возможно только при условии повышения инклюзивности развития сельских территорий. Инклюзивность, ориентированность на людей, как принцип проведения государственной аграрной политики, признающий все разнообразие проблем и возможностей сельских территорий страны, позволит минимизировать последствия неравномерного развития агропродовольственных систем и обеспечить скрытые резервы экономического роста для достижения целей устойчивого развития. Теоретической базой настоящего исследования являются современные методы и модели, позволяющие идентифицировать механизмы взаимодействия и причинно-следственные связи между устойчивостью АПС, развитием сельских территорий и продовольственной безопасностью страны.

Ключевые слова: агропродовольственные системы, сельские территории, устойчивое инклюзивное развитие, государственное регулирование, новые глобальные вызовы и угрозы, продовольственная безопасность

AGRI-FOOD SYSTEM AND RURAL AREAS: INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR COORDINATING INCLUSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Polushkina T.M.

Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: polushkinatm@gmail.com

The article is devoted to the fundamental issues of identifying systemic relationships to increase the sustainability of agro-food systems and inclusiveness of rural development in order to preserve the country's food security in the context of an aggravating geopolitical situation, assessing the possibilities of modern mechanisms and tools of state influence to contribute to the rapid saturation of the Russian agro-food market with import-substituting products, import substitution of incoming resources (seeds and breeding material, veterinary products and feed additives, chemical plant protection products, tractors, combines, machinery and equipment for agriculture and the food industry, the entire agro-food complex) and their improvement. Sustainable development of agro-food systems is possible only if the inclusiveness of rural development is increased. Inclusiveness, people-oriented approach as a principle of state agrarian policy, recognizing.

Keywords: agro-food systems, rural areas, sustainable inclusive development, state regulation, new global challenges and threats, food security

Обострение геополитической ситуации стало серьезным вызовом устойчивому развитию агропродовольственной системы России (далее по тексту – АПС). Актуализировались новые риски, связанные: со сбоями в цепочках поставок продовольствия; с уязвимостью малых форм агробизнеса, включая самозанятых; с торговыми ограничениями и проблемами в работе транспорта и логистической инфраструктуры; с ростом нагрузки на бюджеты всех уровней; с трансформацией спроса на продовольствие в связи с сокращением реальных доходов населения и обострением социальных проблем [1]. Это требует поиска новых возможностей в повышении адаптивности и трансформируемости АПС, т.е. способности изменять

комбинацию имеющихся ресурсов без отрицательных последствий в изменении текущей архитектуры системы. Что, в свою очередь, требует адаптации инструментов государственного влияния, способных влиять на насыщение агропродовольственного рынка РФ импортозамещающей продукцией для сохранения продовольственной безопасности страны. Устойчивое развитие агропродовольственных систем возможно только при условии повышения инклюзивности развития сельских территорий. Инклюзивность позволит минимизировать последствия неравномерного развития АПС и обеспечить скрытые резервы экономического роста для достижения целей устойчивого развития.

Материалы и методы исследования

Для исследования механизмов государственного регулирования содействия развитию АПС и сельских территорий применены методы институционального анализа. Существенная роль отведена системному методу в целях возможного выявления противоречий в программных документах развития аграрной сферы экономики. Предложения в области создания организационно-экономического механизма обеспечения устойчивости АПС с учетом требований продовольственной безопасности и инклюзивности развития сельских территорий, актуализации программных документов в аграрной сфере экономики будут выработываться с помощью структурно-уровневого подхода.

Результаты исследования и их обсуждение

Развитие агропродовольственных систем играет важную роль в улучшении продовольственной безопасности и питания населения за счет нескольких факторов. Во-первых, за счет увеличения производства разнообразных продуктов питания. И это основная движущая сила экономических преобразований в аграрной сфере. Во-вторых, сельское хозяйство является основным источником дохода для значительного числа людей. В мире это 1,3 млрд чел., работающих в этом секторе экономики. В России насчитывается 16,2 млн сельских жителей трудоспособного возраста, из них трудоустроено 14,8 млн чел., при этом в сельском, лесном и рыбном хозяйстве занято 4,2 млн чел. Качество жизни практически всех сельских жителей страны напрямую зависит от получения достаточного дохода от сельского хозяйства.

Для улучшения продовольственной безопасности необходимы как развитие сельского хозяйства, так и рост экономики в целом. Но не только. Требуется соблюдение принципа инклюзивности, т.е. развитие сельской экономики путем создания равных условий для инвестиций и расширения продуктивной занятости в сельской местности. Причем все эти факторы взаимодополняемы.

Проблема продовольственной безопасности снова стоит очень остро. Причем не только в России – она имеет общемировой характер. К общеизвестным причинам нарушения устойчивости развития агропродовольственных систем, так называемому «тройному бремени» недоедания – сохраняющейся значительной нехватке продовольствия в мире, недоеданию и переяданию, экологическим проблемам добавились факторы пандемии и российско-украинско-

го конфликта. Произошло нарушение продовольственных цепочек, что еще больше отдаляет человечество от важнейшей цели развития – ликвидации голода.

Парадокс заключается в том, что большинство из почти 800 млн голодающих во всем мире – фермеры и сельские жители. На это было указано еще в докладе о мировом развитии за 2008 г. (WDR) «Сельское хозяйство в интересах развития». Трое из четырех бедных людей в развивающихся странах живут в сельской местности, и их средства к существованию напрямую или косвенно зависят от сельского хозяйства [2].

Ситуация за прошедшие годы не изменилась в лучшую сторону, а в связи с последними событиями имеет тенденцию к ухудшению.

Похожие явления имеют место и в сельской местности нашей страны. Сельские территории Российской Федерации по-прежнему отстают в уровне социально-экономического развития от городских, и их развитие сложно назвать устойчивым и инклюзивным. Доля населения с денежными доходами ниже величины границы бедности 2021 г. составила в целом по РФ 11%, из них более 52% проживают в сельской местности. Информацию за 2021 г. не совсем корректно сравнивать с 2020 г. (в ноябре 2020 г. Правительство РФ ввело новый подход определения границы бедности), но ее можно сравнить с 2019 г. – произошло падение на 1,3%. Однако в 1 квартале 2022 г. этот показатель значительно ухудшился и составил 14,3% (это уровень 2006–2007 гг.) [3, 4]. В целом же показатели вполне сопоставимы со среднемировыми – 9% населения Земли живет за чертой бедности [4, 5].

До сих пор имеет место исторически и территориально обусловленная неравномерность социо-эколого-экономического развития сельских территорий как на уровне «село – село», так и в отношениях «город – село». Работники сельскохозяйственной отрасли, и это без индивидуальных предпринимателей, по-прежнему получают заработные платы значительно более низкие, нежели во многих других отраслях экономики. В таблице приведены данные по Приволжскому федеральному округу, достаточно типичные для всей страны [6].

В 2021 г. среднемесячная заработная плата на одного работника в отраслях растениеводства, животноводства и охоты составляла 30262,5 руб., что на 26,6% ниже, чем в среднем по всем отраслям экономики. В 2,65 раза меньше, чем среднемесячная заработная плата на одного работника в отрасли по добыче нефти и природного газа, на 1,5% ниже, чем отрасли строительства.

Среднемесячная заработная плата на одного работника по региону
в Приволжском федеральном округе, руб.

Отрасль	2017	2018	2019	2020	2021
В среднем по всем отраслям	29189,4	31990,2	34592,3	36975,1	41128,6
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях	19572,7	21352,9	23703,8	26363,4	30262,5
Добыча нефти и природного газа	59014,7	72798,7	77287,6	79949,0	88356,2
Производство пищевых продуктов	23649,1	25127,2	27202,3	29677,5	33212,1
Производство одежды	16457,8	13421,4	14259,4	15479,7	17427,4
Строительство зданий	22532,3	24477,3	27604,8	27055,4	33096,2
Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность	30006,4	31237,0	34279,7	36714,7	41320,8
Торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	21231,0	23098,1	24957,4	26362,0	30911,2
Страхование, перестрахование, деятельность негосударственных пенсионных фондов, кроме обязательного социального обеспечения	36206,0	39240,8	43552,5	48944,2	51911,3

Продолжается сокращение численности сельского населения. И причина не только в естественных процессах урбанизации, но и в естественном старении и вымирании сельского населения. Исчезают ранее населенные людьми сельские территории, следовательно, снижается освоенность территории страны [7].

На рисунке представлены данные о доле сельского населения в общей численности населения в разрезе федеральных округов. Как видно из рисунка, тенденция изменений везде практически одинакова – снижение доли сельского населения. Исключение составляет Дальневосточный федеральный округ, что, скорее всего, связано с реализацией Федерального закона от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

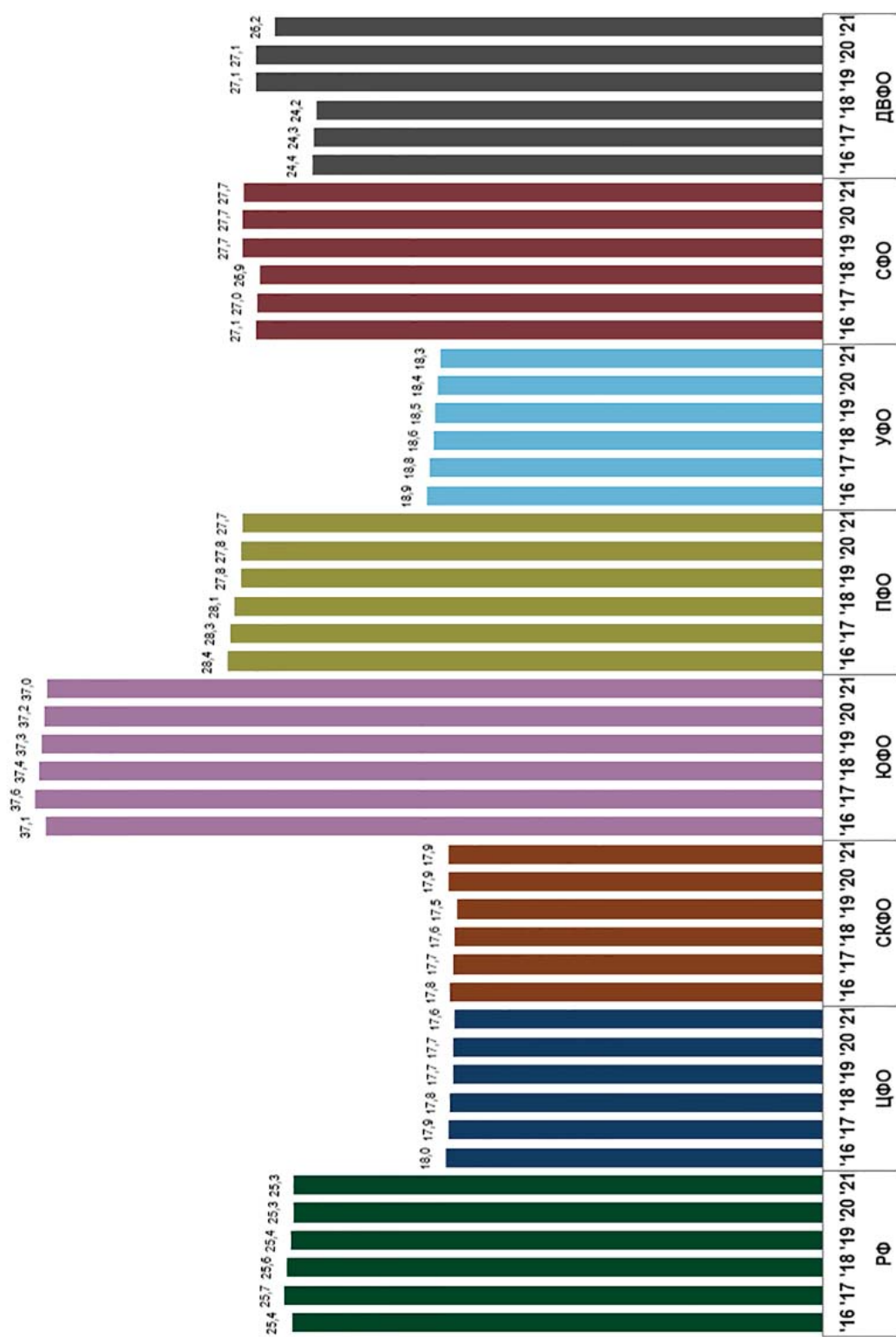
Нами были проведены исследования некоторых демографических индикаторов в одном из достаточно типичных по демографической ситуации в сельской местности регионов Приволжского федерального округа – Республике Мордовия (РМ). Так, коэффициент естественного прироста населения в 2020 г. в регионе составил 5,7 ‰.

Причем естественная убыль населения, имеющая место все последние годы, связана как с миграцией (коэффициент миграционной убыли – -1,0 ‰), так и со значительным

превышением смертности над рождаемостью (коэффициент рождаемости – 7,5 ‰, коэффициент смертности – 13,2 ‰). При этом коэффициент нагрузки на трудоспособное население практически во всех муниципальных образованиях республики свыше 669. Разброс составляет от 669 до 1095, среднее по региону – 745. Условный коэффициент депопуляции (УКД) по районам региона в среднем за 2017–2019 гг. имел значение от 1,72 до 2,66. То есть все демографические показатели Республики Мордовия существенно превышают пороговые значения (коэффициент нагрузки на трудоспособное население не должен превышать 600, а УКД – 1).

Аналогичная ситуация имеет место во многих субъектах РФ. Причина кроется в недостаточном количестве высокооплачиваемых рабочих мест, надлежащей инфраструктуры для жизни, должного доступа к государственным услугам. Только за последние 5 лет свое существование прекратили более 1000 сел и деревень, то есть 5,8 ‰ от их общего количества.

Современные инструменты государственного регулирования развития сельских территорий, преследующие цели исключительно аграрного роста через вложение ограниченных финансовых ресурсов государства в «точки роста», в условиях нынешней весьма сложной геополитической ситуации могут еще более усугубить ситуацию и привести к нарастанию рисков недостаточного воспроизводства сельского населения и снижения качества его жизни, как следствие, к снижению устойчивости агропродовольственных систем и продовольственной безопасности страны.

Доля сельского населения в общей численности населения, %

Это еще раз подтверждает необходимость инклюзивного развития сельских территорий, т.е. справедливого, равного в плане возможностей для развития и защиты интересов сельских граждан. Развитые в экономическом и социальном отношении сельские территории могут привлечь к работе в сельскохозяйственной отрасли достаточное количество высокомотивированных людей, способных, в свою очередь, производить необходимые объемы продовольствия [7].

В целом вопросы устойчивости, развития, адаптации агропродовольственных систем к изменяющимся внешним и внутренним условиям, продовольственной безопасности страны приобретают сейчас особую актуальность и звучание, они требуют долгосрочного комплексного внимания со стороны государства. Очень важно обеспечить положительную динамику развития аграрного сектора. При этом важен именно комплексный подход к развитию, включая его связи с экономическим развитием страны в целом, с природными ресурсами, демографическими, социальными и культурными проблемами, а также с тенденциями, влияющими на эти аспекты в долгосрочной перспективе [8]. Наконец, необходимо принимать во внимание взаимодействие между всеми аспектами устойчивости (экологическим, экономическим и социальным), которые необходимо обеспечить и усилить для будущих поколений, и делать это в самых разных масштабах и в широком диапазоне конкретных контекстов.

Требует активизации решение вопросов государственного регулирования инновационно-инвестиционного развития агропродовольственной сферы (АПС). Базируясь на принятых стратегических направлениях развития страны, следует скорректировать тактические положения государственного влияния, разработать и внедрить эффективные меры и механизмы, нивелирующие текущие риски и угрозы. Финансовые регулирующие механизмы, объемы государственной поддержки, безусловно, должны отвечать поставленным целям и задачам [9]. Требует реформирования и Госпрограмма развития сельского хозяйства, актуализация ее основных положений в соответствии с изменившимися условиями.

Заключение

Устойчивость агропродовольственных систем, их адаптация к изменившимся гео-

политическим условиям возможны только при условии инклюзивного развития сельских территорий, включая равные условия в плане развития каждого сельского жителя. Пристального внимания требуют вопросы сбалансированности развития социальной инфраструктуры, оказывающей значительное влияние на процессы, происходящие в сельском сообществе. Проблемы соответствия доходов значительной части сельских жителей социальным услугам, дифференциации расходов местных бюджетов на социальную сферу деятельности, качества социальных услуг наконец. Их эффективное решение возможно только на основе междисциплинарного подхода к государственному регулированию развития сельских территорий, пространственному развитию страны и ее регионов.

Список литературы

1. Киреева Н.А., Прущак О.В. Агропродовольственная система региона: неравномерность развития и решение социальных проблем // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 4–5 (83). С. 23–29.
2. FAO и 17 целей в области устойчивого развития / Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/sustainable-development-goals/ru/> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте Российской Федерации / ЕМИСС – Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43713> (дата обращения: 11.09.2022).
4. Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС – Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.09.2022).
5. Уровень бедности в России: статистика и причины // Ratenberg: интернет журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://ratenberg.com/economics/bednost-rossiya-statistika> (дата обращения: 11.09.2022).
6. Средняя зарплата по региону Приволжский федеральный округ [Электронный ресурс]. URL: https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=31 (дата обращения: 11.09.2022).
7. Полушкина Т.М. Устойчивое развитие сельских территорий на пути к равенству возможностей для всех // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. Вып. 01 (115). С. 64–67.
8. Полушкина Т.М. Развитие теории и методологии государственного регулирования аграрной сферы экономики: автореф. дис. ... докт. экон. наук / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2010. 39 с.
9. Ушачев И., Маслова В. Научные подходы к совершенствованию государственного регулирования в АПК на современном этапе // АПК: Экономика и управление. 2022. № 4. С. 3–10.

УДК 332.1:338.47

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Серова Н.А.

*Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина – обособленное подразделение
ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук» (ИЭП КНЦ РАН),
Апатиты, e-mail: nataleks13@yandex.ru*

Исследование направлено на изучение методических подходов оценки развития региональной транспортной инфраструктуры. На основе анализа используемых в отечественной практике регионального управления подходов к расчету показателей уровня развития инфраструктуры транспорта предложена авторская методика комплексной оценки развития региональной транспортной инфраструктуры, позволяющая определить уровень обеспеченности региона необходимыми элементами функциональных подсистем транспортного комплекса. Характерной особенностью предлагаемой методики является то, что она может использоваться не только для общей оценки уровня развития транспортной инфраструктуры в регионе, но также для оценки двух ключевых элементов – социальной и производственной составляющих транспортной инфраструктуры, и соответствующей разработки управленческих решений по ним. В качестве оценочных параметров по социальной составляющей предложено использовать показатели обеспеченности населения транспортной инфраструктурой (коэффициент Э. Энгеля), транспортной подвижности (мобильности) населения и индекс гуманитарности транспортной инфраструктуры; в качестве оценочных параметров по производственной составляющей используются только показатели транспортной обеспеченности производства: показатели плотности транспортной сети относительно хозяйствующих субъектов региона и коэффициенты Ю.И. Успенского и Л.И. Василевского, учитывающие произведенный и отправленный транспортом суммарный объем товаров собственного производства региона.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, транспортная обеспеченность, мобильность населения, оценка

METHODICAL APPROACH TO ASSESSING THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Serova N.A.

*Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre
“Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (IES KSC RAS),
Apatity, e-mail: nataleks13@yandex.ru*

The study is aimed at studying methodological approaches to assessing the development of regional transport infrastructure. Based on the analysis of approaches to the calculation of indicators of the level of transport infrastructure development used in the domestic practice of regional management, the author proposed a methodology for the comprehensive assessment of regional transport infrastructure development, which allows to determine the level of provision of the region with the necessary elements of functional subsystems of the transport complex. A characteristic feature of the proposed methodology is that it can be used not only for overall assessment of the level of transport infrastructure development in the region, but also for the assessment of two key elements – social and production components of transport infrastructure, and the corresponding elaboration of managerial decisions on them. As evaluation parameters for the social component it is proposed to use the indicators of transport infrastructure provision of the population (E. Engel coefficient), transport mobility (mobility) of the population and humanitarian index of transport infrastructure; as evaluation parameters for the production component only indicators of transport provision of production: transport network density indicators concerning economic entities of the region and Yu. Uspensky and L. Vasilevsko coefficients.

Keywords: transport infrastructure, transport availability, population mobility, assessment

Социально-экономическое развитие любых территорий невозможно без наличия современной и эффективной транспортной инфраструктуры, учитывающей потребности как местного населения, так и хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность на данных территориях. Инфраструктурная неразвитость ограничивает возможности эффективного использования потенциала территорий для их устойчивого развития [1], ведет к их маргинализации [2] и транспортной дискриминации местного населения [3].

Анализ отечественной монографической и периодической литературы показывает, что вопросы развития транспорта и региональной транспортной инфраструктуры, обеспечения транспортной доступности регионов и ее оценки, роли транспорта в региональной экономике и др. рассматриваются достаточно широким кругом авторов. Большинство работ посвящено изучению специфики развития и функционирования транспорта в конкретных регионах. Например, в работе А.Б. Бардаль [4] представлены результаты исследования факторов, влияю-

щих на значимость транспорта в экономике Дальнего Востока России. Л.Ю. Бережная [5] подчеркивает важность интенсивного развития транспортной инфраструктуры на приграничных территориях страны. Работы В.Н. Филиной [6], Н.А. Серовой и В.А. Серовой [7] посвящены анализу развития инфраструктуры транспорта в российской Арктике, где он является одной из важнейших отраслей экономики, обеспечивая в том числе стабильность и качество жизни местного населения.

Другие авторы в своих исследованиях акцентируют внимание на методах оценки уровня развития и эффективности функционирования региональной транспортной инфраструктуры. Так, П.А. Лавриненко, А.А. Ромашина, П.С. Степанов и П.А. Чистяков [8] в своей работе исследовали различные факторы, влияющие на транспортную доступность территорий, и с помощью собственной методики получили количественную оценку транспортной доступности российских регионов. В работе А.М. Кудрявцева и Л.Н. Рудневой [9] представлена авторская методика комплексной оценки эффективности функционирования транспортной инфраструктуры в регионах и предложена матрица оценки ее влияния на региональное социально-экономическое развитие. А.М. Кудрявцев и А.А. Тарасенко [10], предложив свой авторский методический подход к оценке уровня развития региональной транспортной инфраструктуры, обосновали возможность применения предложенной расчетной модели для оценки уровня развития других видов инфраструктурного обустройства региона. В статье Д.М. Радченко и Ю.Ю. Пономарева [11] представлены результаты расчета индекса транспортно-инфраструктурной обеспеченности, характеризующего доступность российской авто- и железнодорожной инфраструктуры на региональном и муниципальном уровнях. Однако при неоспоримой ценности имеющихся в отечественной науке разработок по данной проблематике, на наш взгляд, существует объективная необходимость дополнительного изучения вопроса методического обеспечения оценки уровня развития транспортной инфраструктуры и ее четкого соответствия конкретным потребностям регионов.

Целью настоящей статьи является разработка методики комплексной оценки развития региональной транспортной инфраструктуры.

Материалы и методы исследования

Теоретическую и методологическую базу исследования составили научные труды и разработки отечественных и зарубежных

ученых, посвященные различным аспектам функционирования региональной транспортной инфраструктуры, оценки ее эффективности развития и доступности транспортных услуг; методические и справочные материалы; нормативно-правовые и законодательные акты государственных органов управления.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторская методика комплексной оценки развития региональной транспортной инфраструктуры включает в себя несколько этапов. На первом этапе осуществляется выбор вида транспортной инфраструктуры и сбор показателей, характеризующих ее состояние в соответствии с заданными оценочными параметрами. На втором этапе проводится непосредственно оценка уровня развития транспортной инфраструктуры, предполагающая расчет интегральных показателей по двум самостоятельным структурным блокам: социальному и производственному. Завершающим этапом предлагаемой методики является разработка выводов и рекомендаций по результатам оценки в каждом структурном блоке.

1. Предварительный этап (сбор данных):

Шаг 1. Выбор вида транспорта и сбор показателей, характеризующих состояние транспортной инфраструктуры в соответствии с заданными параметрами оценки.

Шаг 2. Определение частных значений показателей по заданным параметрам оценки.

2. Основной этап (оценка уровня развития транспортной инфраструктуры региона):

Шаг 1. Расчеты показателей уровня развития региональной транспортной инфраструктуры по двум структурным блокам.

Блок I. Социальная составляющая оценки развития транспортной инфраструктуры региона

В данном блоке, в качестве основных оценочных параметров развития транспортной инфраструктуры, предлагается использовать следующие показатели: обеспеченность населения транспортной инфраструктурой, транспортная подвижность (мобильность) населения и индекс гуманитарности транспортной инфраструктуры.

Транспортная обеспеченность с точки зрения транспортного обслуживания населения отражает степень насыщенности территории инфраструктурой одного или нескольких видов транспорта на душу населения. Для анализа транспортной обеспеченности населения целесообразно использовать показатели плотности транспортной сети территории относительно населения и обобщающий показатель транс-

портной обеспеченности Э. Энгеля (коэффициент Энгеля), представляющий собой соотношение протяженности путей сообщения территории к численности населения и площади данной территории:

$$P_n = (L \times 10000) / N, (1)$$

где P_n – густота (плотность) транспортной сети на 10000 жителей региона, км/10000 чел.;

L – эксплуатационная длина (протяженность) путей сообщения, км;
 N – численность населения региона, чел.

$$k_e = \frac{L}{\sqrt{S \times N}}, (2)$$

где k_e – коэффициент Энгеля;

L – эксплуатационная длина (протяженность) путей сообщения, км;

S – площадь территории, км²;

N – численность населения региона, чел.

Транспортная подвижность населения, или, как ее еще называют, мобильность, характеризует «интенсивность пространственных перемещений людей за определенный период времени» [12]. Отметим, что согласно «Транспортной стратегии России до 2030 года с прогнозом до 2035 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 года № 3363, повышение транспортной мобильности населения является одним из важнейших социальных приоритетов инвестиционного развития транспортного комплекса страны.

Различают статическую и километрическую подвижность населения, представляющие собой среднее количество поездок или пассажиро-километров в год на одного человека:

$$q_p = V_{pass} / N, (3)$$

где q_p – среднее количество поездок в год на душу населения;

V_{pass} – объем пассажирских перевозок, чел.;

N – численность населения региона, чел.

$$q_d = T_{pass} / N, (4)$$

где q_d – среднее количество пассажиро-километров в год на душу населения;

T_{pass} – пассажирооборот, пас.-км;

N – численность населения региона, чел.

Индекс гуманитарности транспортной инфраструктуры характеризует «степень ориентации того или иного вида транспорта на удовлетворение потребностей населения по сравнению с интересами предприятий» [11]:

$$I = T_{pass} / T_f, (5)$$

где I – индекс гуманитарности транспортной инфраструктуры;

T_{pass} – пассажирооборот, пас.-км;

T_f – грузооборот, т-км.

Блок II. Производственная составляющая оценки развития транспортной инфраструктуры региона

В данном блоке в качестве основных оценочных параметров используются только показатели транспортной обеспеченности производства: показатели плотности транспортной сети относительно хозяйствующих субъектов региона и модификации коэффициента Энгеля – коэффициенты Ю.И. Успенского и Л.И. Василевского, учитывающие произведенный и отправленный транспортом суммарный объем товаров собственного производства региона.

Следует отметить и некоторые недостатки данных коэффициентов. В частности, можно отметить, что «при их использовании не учитывается неравномерность расположения в регионе хозяйствующих субъектов различной формы собственности» [13]. Кроме того, главным их недостатком является «использование в расчетных формулах всей площади территории вместо освоенной, поскольку площади освоенной территории никем не рассчитываются» [14].

$$P_o = (L \times 1000) / O, (6)$$

где P_o – густота (плотность) транспортной сети на 1000 хоз. субъектов региона, км/1000 ед.;

L – эксплуатационная длина (протяженность) путей сообщения, км;

O – количество хоз. субъектов на территории региона, ед.

$$k_y = \frac{L}{\sqrt[3]{S \times N \times V_{Gr}}}, (7)$$

где k_y – коэффициент Успенского;

L – эксплуатационная длина (протяженность) путей сообщения, км;

S – площадь территории, км²;

N – численность населения региона, чел.;

V_{Gr} – общий объем отправляемых грузов, т.

$$k_v = \frac{L}{\sqrt[3]{S \times N \times Q}}, (8)$$

где k_v – коэффициент Василевского;

L – эксплуатационная длина путей сообщения, км;

S – площадь территории, км²;

N – численность населения региона, чел.;

Q – валовая продукция производственных предприятий региона, млн руб.

Шаг 2. Расчет интегральных показателей развития региональной транспортной

инфраструктуры по каждому структурно-модулю.

Ввиду того, что расчет средней величины абсолютных значений вышеуказанных оценочных параметров развития транспортной инфраструктуры невозможен, так как они выражены в разных единицах измерения, то интегральный показатель развития региональной транспортной инфраструктуры по каждому структурному модулю определяется из относительных величин на основании многомерной средней: из отношений индивидуальных значений оценочных параметров для каждого региона к среднероссийскому значению этих параметров, с последующим делением на количество принятых в расчет показателей:

$$R_i = \frac{\sum_{j=1}^k \left(\frac{K_{ij}}{K_j} \right)}{n}, \quad (9)$$

где R_i – интегральный показатель развития уровня транспортной инфраструктуры i -го региона;

K_{ij} – числовое значение по j -му оценочному параметру i -го региона;

K_j – числовое значение по j -му оценочному параметру в среднем по стране;

n – число оценочных параметров.

3. Заключительный этап (разработка управленческих решений).

Завершающим этапом предлагаемой в настоящем исследовании методики комплексной оценки развития региональной транспортной инфраструктуры является разработка выводов и управленческих рекомендаций по результатам оценки в каждом структурном блоке.

Заключение

Предложенный авторский методический инструментарий позволяет анализировать уровень развития транспортной инфраструктуры региона с точки зрения социальной и производственной направленности и принимать на этой основе оптимальные управленческие решения по развитию региональной транспортной системы. В дальнейшем использование данной методики возможно для проведения сравнительного анализа уровня развития транспортной инфраструктуры отдельных регионов страны.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФИЦ КНЦ РАН

(тема FMEZ-2022-0032 «Комплексное междисциплинарное исследование и экономико-математическое моделирование социально-экономической трансформации и управления регионов и муниципальных образований Северо-Арктических территорий Российской Федерации»).

Список литературы

1. Биев А.А. Региональные инвестиционные проекты в Арктической зоне России: формирование территориальной инфраструктуры // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 3 (59). С. 61–69. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.61-69.
2. Зырянов А.И. Маргинальные территории // Географический вестник. 2008. № 2. С. 9–20.
3. Серова Н.А., Серова В.А. Проблемы пассажирского городского транспорта и качество жизни // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2 (28). С. 107–110.
4. Бардаль А.Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 11 (2). С. 24–36.
5. Бережная Л.Ю. Роль транспортной инфраструктуры в развитии приграничного региона // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 4 (118). С. 109–117. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-4-109-117.
6. Филина В.Н. Транспортное обеспечение арктических территорий // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 2. С. 24–43. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.2.
7. Serova N.A., Serova V.A. Transport Infrastructure of the Russian Arctic: Specifics Features and Development Prospects. Studies on Russian Economic Development. 2021. Vol. 32. No. 2. P. 213–219. DOI: 10.1134/S107570072102009X.
8. Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., Chistyakov P.A. Transport Accessibility as an Indicator of Regional Development Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30. No. 6. P. 694–701. DOI: 10.1134/S1075700719060091.
9. Кудрявцев А.М., Руднева Л.Н. Методика комплексной оценки эффективности функционирования транспортной инфраструктуры региона // Российское предпринимательство. 2014. № 8 (254). С. 109–121.
10. Кудрявцев А.М., Тарасенко А.А. Методический подход к оценке развития транспортной инфраструктуры региона // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–4. С. 789–793.
11. Радченко Д.М., Пономарев Ю.Ю. О способах измерения степени развития транспортной инфраструктуры // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2. С. 37–74. DOI: 10.14530/se.2019.2.037-074.
12. Мачерет Д.А., Мачерет Ю.Я. Проблемы транспортного обеспечения северных регионов // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1 (68). С. 128–139.
13. Платонов А.А. К обоснованию разработки интегрального показателя транспортной обеспеченности территории // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2019. № 1. С. 78–81.
14. Иванов М.В. Транспортная обеспеченность и экономическое развитие регионов (на примере регионов Поволжья) // Вестник СамГУПС. 2014. № 2 (24). С. 125–131.

УДК 330.342

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Серяков Г.Н.

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк,
e-mail: g.seryakov@mail.ru*

Представлены для обсуждения результаты концептуального развития теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью в современной экономике (капитальное строительство в плановой командно-административной экономике бывшего СССР) Республики Беларусь. Существующая теория и методология организации строительства зданий и сооружений, или капитального строительства, или расширенного воспроизводства основных фондов отраслей национальной экономики сложилась еще в середине XX в. в плановой командно-административной экономике, когда основным и единственным источником инвестиций в основной капитал были государственные капитальные вложения бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Процессы финансирования или инвестирования и организации строительства промышленно-гражданских объектов были разобщены, окупаемость и возврат инвестиций в основной капитал (капитальных вложений) рассчитывались в центре принятия плановых решений – Государственном плановом комитете и отраслевых министерствах бывшего СССР. В современной инновационной экономике процессы управления инвестиционно-строительной деятельностью и ответственность за ее экономические результаты перешли коммерческим организациям Республики Беларусь. При этом инновационное развитие экономики, связанное с формированием нового технологического уклада мировой экономики, резко сокращает жизненный цикл производственных технологий и созданных для их обслуживания зданий и сооружений. Поэтому в качестве основы для концептуального развития теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью в современной экономике предлагается использовать закономерности развития и смены технологических укладов в мировой экономике. Актуальность исследования заключается в том, что для эффективного управления инвестиционно-строительной деятельностью в среднесрочной и долгосрочной перспективе необходимо знать закономерности развития и смены технологических укладов в мировой экономике.

Ключевые слова: концептуальное развитие, теория, методология, управление, капитальное строительство, инвестиции, строительство, технологический уклад, экономика, система, эффективность, перспектива, условия, переход

MANAGEMENT OF INVESTMENT AND CONSTRUCTION ACTIVITIES IN THE MODERN ECONOMY

Seryakov G.N.

*Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Novopolotsk,
e-mail: g.seryakov@mail.ru*

The results of the conceptual development of the theoretical and methodological foundations of the management of investment and construction activities in the modern economy (capital construction in the planned command and administrative economy of the former USSR) of the Republic of Belarus are presented for discussion. The existing theory and methodology of the organization of construction of buildings and structures or capital construction or expanded reproduction of fixed assets of branches of the national economy was formed in the middle of the twentieth century in the planned command and administrative economy, when the main and only source of investment in fixed assets were state capital investments of the former Union of Soviet Socialist Republics. The processes of financing or investing and organizing the construction of industrial and civil facilities were separated, the payback and return on investments in fixed assets (capital investments) were calculated in the center of making planning decisions – the State Planning Committee and the sectoral ministries of the former USSR. In the modern innovative economy, the management processes of investment and construction activities and responsibility for their economic results have been transferred to commercial organizations of the Republic of Belarus. At the same time, the innovative development of the economy associated with the formation of a new technological structure of the world economy dramatically reduces the life cycle of production technologies and buildings and structures created for their maintenance. Therefore, as a basis for the conceptual development of the theoretical and methodological foundations of the management of investment and construction activities in the modern economy, it is proposed to use the patterns of development and change of technological patterns in the world economy. The relevance of the research lies in the fact that for effective management of investment and construction activities in the medium and long term, it is necessary to know the patterns of development and change of technological patterns in the global economy.

Keywords: conceptual development, theory, methodology, management, capital construction, investment, construction, technological structure, economy, system, efficiency, perspective, conditions, transition

В период плановой системы управления экономикой бывшего СССР капитальное строительство (инвестиционно-строительная деятельность) представляло собой процесс использования государственных

капитальных вложений для создания государственной собственности. Государственные капитальные вложения направлялись на финансирование строительства объектов, включенных в титульные списки стро-

ек. Конкретными заказчиками-застройщиками, осуществлявшими строительство объектов, являлись государственные предприятия, в структуру которых входили отделы капитального строительства (ОКС) [1]. Подрядчиками строительства являлись государственные строительные-монтажные организации, создание и развитие материально-технической базы которых происходило в плановом порядке по территориальному принципу. Генеральный подрядчик и субподрядные строительные-монтажные организации назначались государством так же по территориальному принципу, им доводилось задание по выполнению объемов подрядных строительные-монтажных работ, вводу основных фондов и производственных мощностей по конкретным стройкам в соответствии с планами государственного капитального строительства. Отношения между заказчиками и подрядчиками оформлялись договорами строительного подряда, их форма и порядок заключения утверждались государственными органами. Финансирование строительства осуществлялось под контролем государственного банка (Стройбанк) по правилам, установленным государством [2]. Сложившиеся еще в середине прошлого столетия, теоретико-методологические основы управления капитальным строительством хорошо себя зарекомендовали в плановой командно-административной экономике, по ним построена экономика отраслей народного хозяйства бывшего СССР! Однако с ликвидацией плановой системы управления народным хозяйством в Беларуси начали формироваться рыночные отношения, в условиях развития которых изменилась сущность управления инвестициями в основной капитал, характер инвестиций, функции отдельных ее субъектов, в роли которых теперь уже выступают инвесторы, заказчики и пользователи объектов инвестиционной деятельности [3]. При этом инновационное развитие современной экономики, связанное с формированием нового технологического уклада в мировой экономике, резко сокращает жизненный цикл объектов инвестиционно-строительной деятельности. Указанные обстоятельства требуют концептуального развития теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью в отраслях национальной экономики на макро-, мезо- и микроуровне национальной экономики Республики Беларусь.

Цель исследования – концептуальное развитие теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью на макро-, мезо- и ми-

кроуровне национальной экономической системы в условиях перехода мировой экономики с пятого технологического уклада на шестой.

Современный этап макроэкономического развития характеризуется завершением пятого и началом формирования шестого экономического уклада в мировой экономике. Технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны, и ему принадлежит ведущая роль в динамике экономического развития [4]. Социально-экономическое развитие общества – это процесс повышения уровня жизни людей, увеличение качества и количества предоставляемых населению общественных благ, поэтому закономерности развития технологического уклада мировой экономики и их влияние на развитие отраслей национальной экономики в данном исследовании принимается в качестве основы концептуального развития теории и методологии управления инвестиционно-строительной деятельностью на макро-, мезо- и микроуровне национальной экономики в условиях перехода мировой экономики с пятого технологического уклада на шестой. Современному термину «инвестиционно-строительная деятельность» в определенной степени созвучно понятие «капитальное строительство», под которым в советский период понимались реализуемые заказчиком функции по организации финансирования, строительства и ввода в действие производственных мощностей и объектов социальной сферы в соответствии с государственными планами капитального строительства [5].

Предложения по концептуальному развитию теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью в современной экономике формулируем в соответствии с этапами инвестиционно-строительного и жизненного циклов объектов недвижимости: предпроектная стадия – формирование инвестиционно-строительного замысла; проектная стадия – сбор исходных данных и организация проектно-исследовательских работ; стадия строительства – организация производства строительные-монтажных и пусконаладочных работ; стадия эксплуатации – организация технического обслуживания и ремонта; стадия ликвидации – утилизация технологического и инженерного оборудования, строительных конструкций и материалов.

1. Предпроектная стадия – формирование инвестиционно-строительного замысла. В современной рыночной инновационной экономике любой промышленный

или гражданский объект уже на стадии инвестиционного замысла необходимо рассматривать как логистическую систему, которая создается или уже существует для удовлетворения потребностей определенных рынков в определенных товарах и услугах. Эта логистическая система должна быть способной развернуться в нужном месте на определенный срок и свернуться (утилизироваться) после достижения целей ее создания и получения максимально возможного экономического эффекта от ее технической эксплуатации. Сроки полезного использования таких логистических систем в виде промышленных или гражданских объектов должны определяться на стадии инвестиционного замысла и закладываться в проект на основании задания на выполнение проектно-изыскательских работ. При этом необходимо учитывать, что сроки эффективного использования технологий и созданных для их обслуживания зданий и сооружений ограничиваются жизненным циклом соответствующего им технологического уклада, то есть примерно 40–50 лет [6].

2. Проектная стадия – сбор исходных данных и организация проектно-изыскательских работ. На этой стадии, при обосновании объемно-планировочных и конструктивных решений, необходимо исходить из сроков полезного использования зданий и сооружений, разрабатывать регламенты технического обслуживания оборудования, несущих и ограждающих конструкций, графики текущего и капитального ремонта на весь период эффективного использования объекта, технологические и организационные решения на снос и утилизацию по окончании сроков его эксплуатации.

3. Стадия строительства – организация производства строительно-монтажных и пуско-наладочных работ. По существующей методологии организации строительства строительство как отрасль национальной экономики объединяет две системы: капитальное строительство и строительное производство – и формируется, с одной стороны, как процесс воспроизводства основных фондов, с другой, как процесс собственного развития данной отрасли материального производства – строительное производство (производство строительно-монтажных работ). Соответственно, процесс управления в строительстве также объединяет две системы: управление капитальным строительством; управление непосредственно организацией строительства объектов. С ликвидацией плановой системы управления народным хозяйством бывшего СССР и переходом к рыночной экономике такие понятия, как централизованные

государственные капитальные вложения и капитальное строительство, перестали существовать. Предприятия всех форм собственности, в том числе государственной, ведут инвестиционно-строительную деятельность за счет заемных и собственных средств. Основу рыночных отношений между субъектами инвестиционно-строительной деятельности составляют договорные отношения, направленные на реализацию экономических интересов и удовлетворение определенных потребностей участников проекта. Однако управление, теперь уже инвестиционно-строительной деятельностью в отраслях национальной экономики, по-прежнему ведут службы и отделы капитального строительства. Капитального строительства нет, а структура управления капитальным строительством бывшей плановой экономики СССР осталась, а самое главное, ее функции не изменились. Непосредственное управление организацией строительства объектов осуществляют генподрядные строительно-монтажные организации. Они в полном объеме управляют процессами организации строительно-монтажных работ, обеспечения строительства трудовыми и материально-техническими ресурсами, при этом не несут той ответственности, которая возлагалась на генерального подрядчика в системе организации капитального строительства бывшего СССР. Такая система управления инвестиционно-строительной деятельностью в отраслях национальной экономики приводит к крайне низкой эффективности инвестиций в основной капитал и требует серьезных структурных и функциональных изменений.

Руководство инвестиционно-строительной деятельностью в организациях необходимо возложить на заместителя директора по развитию, так как инвестиционно-строительная деятельность это и есть развитие. В структуру управления инвестиционно-строительной деятельностью организации в зависимости от масштабов инвестиционно-строительной деятельности должны входить подразделения по управлению инвестициями, организации проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ, техническому надзору и логистике по закупкам и доставке материально-технических ресурсов на строящиеся объекты.

Главные задачи этой структуры – планировать и реализовать эффективно с точки зрения окупаемости инвестиционно-строительные проекты, привлекать для развития организации экономически обоснованные инвестиционные и материально-технические ресурсы. Основные функции: поиск эффективных направлений технологиче-

ского развития, проведение экономических и инженерных изысканий, планирование и привлечение инвестиций, организация проектирования, поставка технологического и инженерного оборудования, строительных конструкций и материалов, заключение договора подряда на выполнение комплекса строительно-монтажных и пуско-наладочных работ, технический надзор за сроками и качеством их исполнения.

4. Стадия эксплуатации – организация технического обслуживания и ремонта объектов недвижимости. Традиционно к объектам управления инвестициями в основной капитал относятся расширенное воспроизводство основных фондов в виде нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения, а простое воспроизводство основных фондов в виде капитального и текущего ремонта финансируется за счет амортизационных отчислений и не относится к объектам управления инвестициями в основной капитал, хотя амортизационные отчисления – это в первую очередь возврат ранее осуществленных инвестиций. Реализация мероприятий простого воспроизводства основных фондов коммерческой организации по существующей схеме без рассуждений о том, что это инвестиции, во-первых, имеет низкую эффективность, а во-вторых, ведет к повышению себестоимости выпускаемой продукции и снижению конкурентоспособности организации на рынках товаров и услуг. Кроме того, в условиях инновационного развития экономики резко сокращается жизненный цикл технологий, технологического и инженерного оборудования, эффективных строительных технологий, конструкций и материалов, и обеспечить простое воспроизводство основных фондов практически невозможно: как правило, замена производится уже на более совершенные с технологической, инженерной и эксплуатационных точек зрения технологические и конструктивные элементы зданий и сооружений. Предлагается простое воспроизводство основных фондов отнести к объектам управления инвестиционно-строительной деятельностью организации, а также изменить амортизационную политику и начислять амортизацию в соответствии с проектным сроком полезного использования инвестиционно-строительного объекта, а не по нормативному, который по существующей методологии в зависимости от класса здания достигает 150 и более лет. Непосредственно техническое обслуживание и ремонт проводить в соответствии с утвержденными в проекте регламентами технического обслуживания

оборудования, несущих и ограждающих конструкций, графиками текущего и капитального ремонта объекта.

5. Стадия ликвидации объекта недвижимости. В условиях развития современной инновационной экономики само понятие недвижимости в его прошлом определении претерпевает изменения. Сокращение жизненного цикла объектов инвестиционно-строительной деятельности приводит к пониманию того, что недвижимостью является только сам земельный участок, а расположенные на нем здания и сооружения рассматриваются как принадлежность этого земельного участка. Кроме того, на этой стадии управления инвестиционно-строительной деятельностью следует учитывать, что стоимость зданий и сооружений составляет примерно 15% от стоимости технологического оборудования, а объемно-планировочные и конструктивные решения зданий и сооружений, построенных, например, под технологии четвертого технологического уклада, с точки зрения энергоэффективности и производственной логистики являются абсолютно непригодными для реконструкции под новые технологии.

В ходе настоящего исследования получены следующие предложения по концептуальному развитию теоретико-методологических основ управления инвестиционно-строительной деятельностью, обладающие признаками научной новизны:

1. Сроки полезного использования промышленных и гражданских объектов необходимо определять на стадии инвестиционного замысла и закладывать в проект на основании задания инвестора на выполнение проектно-изыскательских работ. При этом учитывать, что сроки эффективного использования технологий и созданных для их обслуживания зданий и сооружений ограничиваются жизненным циклом соответствующего им технологического уклада, то есть примерно 40–50 лет.

2. В целях эффективного использования инвестиционных ресурсов объемно-планировочные и конструктивные решения обосновывать исходя из сроков полезного использования зданий и сооружений в соответствии с заданием на проектирование.

3. В составе проектно-сметной документации на строительство зданий и сооружений разрабатывать: регламенты технического обслуживания оборудования, несущих и ограждающих конструкций, графики текущего и капитального ремонта на весь период эффективного использования объекта; технологические и организационные решения на снос и утилизацию объекта по окончании сроков его эксплуатации.

4. Изменить задачи, функции и организационную структуру управления инвестиционно-строительной деятельностью. Руководство инвестиционно-строительной деятельностью в организациях необходимо возложить на заместителя директора по развитию, так как инвестиционно-строительная деятельность это и есть развитие. В структуру управления инвестиционно-строительной деятельностью организации должны входить подразделения по управлению инвестициями, организации проектно-исследовательских и строительно-монтажных работ, техническому надзору и логистике. Главные задачи этой структуры – планировать и реализовать эффективные с точки зрения окупаемости инвестиционно-строительные проекты, привлекать для развития организации экономически обоснованные инвестиционные и материально-технические ресурсы. Основные функции: поиск эффективных направлений технологического развития, проведение экономических и инженерных изысканий, планирование и привлечение инвестиций, организация проектирования, поставка технологического и инженерного оборудования, строительных конструкций и материалов, заключение договора подряда на выполнение комплекса строительно-монтажных и пуско-наладочных работ, технический надзор за сроками и качеством их исполнения.

5. К объектам управления инвестициями в основной капитал отнести расширенное воспроизводство основных фондов в виде нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения, простое воспроизводство основных фондов в виде капитального и текущего ремонта.

6. Изменить амортизационную политику и начислять амортизацию в соответствии с проектным сроком использования объекта, а не по нормативному сроку, который по существующей методологии в зависимости от класса здания достигает 150 и более лет.

7. Техническое обслуживание и ремонт объектов недвижимости проводить в соответствии с разработанными и утвержденными в составе проекта регламентами технического обслуживания оборудования, несущих и ограждающих конструкций, графиками текущего и капитального ремонта.

8. Для эффективного управления инвестиционно-строительной деятельностью на стадии ликвидации объекта недвижимости необходимо: пересмотреть действующую классификацию недвижимости, к недвижимости отнести только сам земельный участок, а расположенные на нем здания и сооружения рассматривать как принадлежность этого земельного участка; учитывать, что стоимость зданий и сооружений составляет примерно 15% от стоимости технологического оборудования, а объемно-планировочные и конструктивные решения зданий и сооружений, построенных, например, под технологии четвертого технологического уклада, с точки зрения энергоэффективности и производственной логистики являются абсолютно непригодными для реконструкции под новые технологии.

Внедрение в практику управления инвестиционно-строительной деятельностью полученных научных результатов позволит за счет рационального использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов на всех стадиях жизненного цикла строительных объектов сократить сроки и стоимость строительства, снизить издержки при эксплуатации объектов недвижимости, что в свою очередь повысит эффективность инвестиций в основной капитал отраслей экономики Республики Беларусь.

Список литературы

1. Библиотека управления. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfin.ru/press/management/1998-6/04.shtml?ysclid=19iwhqcvb4433634785> (дата обращения: 20.09.2022).
2. Инвестиционная деятельность. [Электронный ресурс]. URL: http://www.0ck.ru/ekonomika_i_ekonomicheskaya_teoriya/investicionnaya_deyatelnost_3.html?ysclid=19jnpwcvkk591135494 (дата обращения: 20.09.2022).
3. Инвестиционная деятельность. [Электронный ресурс]. URL: https://knowledge.allbest.ru/economy/3c0b65635b3ac68a5d53b88421206d27_0.html?ysclid=19jnsxf88529705376 (дата обращения: 20.09.2022).
4. Серяков Г.Н. Исследование проблем формирования механизмов эффективного развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2018. 204 с.
5. Инвестиционный менеджмент. [Электронный ресурс]. URL: https://www.myuniversity.ru/Финансовый_менеджмент/Инвестиционный_менеджмент/55607_1312992_страница2.html (дата обращения: 20.09.2022).
6. Серяков Г.Н. Управление инвестиционно-строительными процессами в современной экономике // *Фундаментальные исследования*. 2022. № 9. С. 87–91.

УДК 338.43:636.2

УЧЕТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЯСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Трифонова Е.Н.

*Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук», Саратов,
e-mail: trif-elena@yandex.ru*

В статье дана оценка перспектив развития отечественного рынка мяса и мясопродуктов. Проанализирована динамика производства, потребления, экспорта и импорта мяса и мясопродуктов в России за последние 14 лет, показавшая рост производства и экспорта товара на фоне снижения импорта и неравномерности потребления мясных продуктов в различных регионах РФ. С целью выявления влияния межрегиональных различий на состояние российской мясной отрасли с использованием статистических методов исследования проведен анализ баланса ресурсов и использования мяса и мясопродуктов за 2021 г. Анализ проведен в два этапа. На первом этапе осуществлен анализ межрегиональных различий в производстве и потреблении мяса и мясопродуктов с учетом соотношения их ввоза и вывоза из регионов РФ. На втором этапе проведен аналогичный анализ межрегиональных различий в процессах экспорта и импорта продукта с учетом соотношения его среднегодового душевого производства и потребления. Результаты анализа подтвердили целесообразность использования пространственного подхода к разработке единой стратегии развития мясной отрасли. При этом объемы и структура производства и экспорта мяса и мясопродуктов должны прогнозироваться исходя из региональных особенностей ведения производственной деятельности, а планирование потребления должно основываться на единых медицинских нормах.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, межрегиональные различия, производство мяса и мясопродуктов, конкурентоспособность, регионы РФ

TAKING INTO ACCOUNT INTERREGIONAL DIFFERENCES IN THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC MEAT INDUSTRY

Trifonova E.N.

*Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov,
e-mail: trif-elena@yandex.ru*

The article assesses the prospects for the development of the domestic market of meat and meat products. The dynamics of production, consumption, export and import of meat and meat products in Russia over the past 14 years has been analyzed, showing an increase in production and export of goods against the background of a decrease in imports and uneven consumption of meat products in various regions of the Russian Federation. In order to identify the impact of interregional differences on the state of the Russian meat industry, an analysis of the balance of resources and use of meat and meat products for 2021 was carried out using statistical research methods. The analysis was carried out in two stages. At the first stage, the analysis of interregional differences in the production and consumption of meat and meat products was carried out, taking into account the ratio of its import and export from the regions of the Russian Federation. At the second stage, a similar analysis of interregional differences in the processes of export and import of the product was carried out, taking into account the ratio of its average annual per capita production and consumption. The results of the analysis confirmed the expediency of using a spatial approach to the development of a unified strategy for the development of the meat industry. At the same time, the volume and structure of production and export of meat and meat products should be predicted based on the regional characteristics of production activities, and consumption planning should be based on uniform medical standards.

Keywords: agro-food complex, interregional differences, meat and meat products production, competitiveness, regions of the Russian Federation

Отечественный рынок мяса с 2000-х гг. является одним из стабильно растущих. По оценке специалистов [1], после стагнации производства мяса всех видов в 2021 г. текущий 2022 г. должен показать рост, характерный для предыдущих периодов. В частности, за первые шесть месяцев 2022 г. произведено мяса в живом весе на 4,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, причем практически весь прирост обеспечен за счет мяса птицы и свинины. Успешное развитие мясной отрасли должно исходить из ключевой предпосылки повышения качества и кон-

курентоспособности продукции, на основе модернизации технологических и маркетинговых процессов с учетом современных инновационных разработок. При реализации целей федерального проекта «Экспорт продукции АПК» [2] в части увеличения вклада мясной отрасли в отечественный агроэкспорт следует использовать в качестве приоритета стратегию увеличения реализации доли продукции глубокой промышленной переработки с высокой добавленной стоимостью. Важным аспектом при этом является ориентация на концепцию пространственного развития страны. Таким

образом, целью настоящего исследования является обоснование необходимости учета региональных особенностей в стратегическом развитии отечественной мясной отрасли. Объектом исследования является отечественная мясная промышленность. В качестве предмета исследования выделены межрегиональные различия в развитии российской мясной промышленности.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе открытой статистической информации, представленной Росстатом РФ. Методологической базой исследования послужили абстрактно-логический, графический методы, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также методы статистического анализа, в том числе расчетные и косвенные методы анализа нормальности распределения данных, параметрические и непараметрические методы анализа влияния факторов при сравнении независимых выборок. Отдельные элементы анализа проведены с помощью программы для работы с электронными таблицами Excel, а также ресурсов прикладного программного продукта Statistica 10.0.

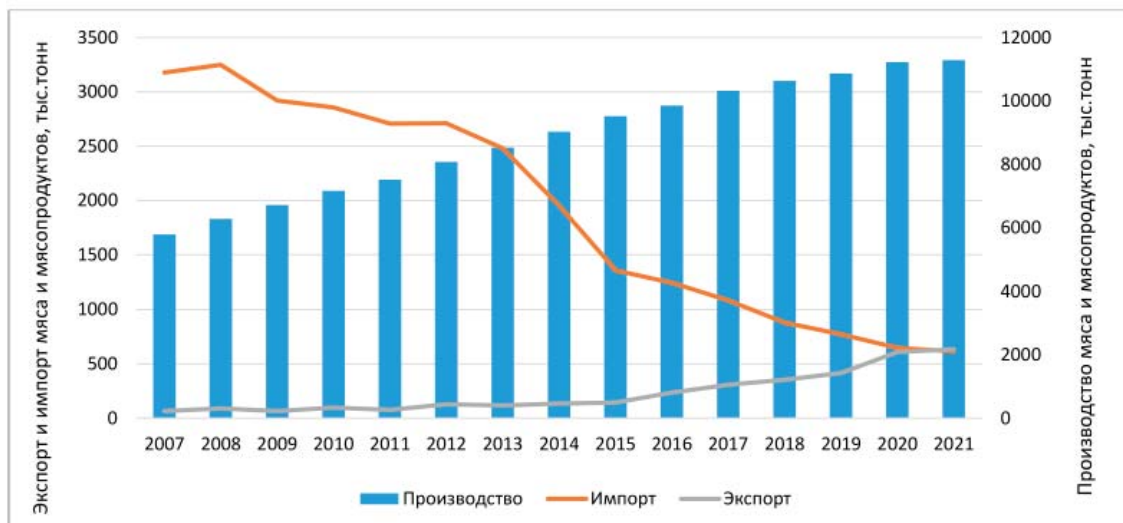
Результаты исследования и их обсуждение

За период с 2007 по 2021 г. в целом по России зафиксирован стабильный, практически двукратный рост производства мяса и мясопродуктов (рисунок). При этом к концу анализируемого периода удалось добиться целей, поставленных в Доктрине продовольственной безопасности РФ, в части достижения уровня самообеспечения мясом населения страны на уровне 100,1% против необходимых 85%. Однако увеличение доли в потреблении отечественного мяса произошло не столько за счет увеличения производства, сколько за счет снижения импорта соответствующих товарных групп (рисунок), который за последние 14 лет снизился на 80%. При этом начиная с 2016 г. наблюдается стабильный рост экспорта мяса и мясопродуктов, что привело к концу рассматриваемого периода к ситуации, когда впервые в 2021 г. экспорт мясных продуктов, хоть и незначительно, превысил их импорт. Несмотря на положительные сдвиги в динамике показателя самообеспечения страны мясом и мясными продуктами, ситуация с их внутренним потреблением остается в целом напряженной и отличается неравномерностью показателей между отдельными регионами РФ, что связано в первую очередь с общей стагнацией доходов населения, а также с усиливающимися про-

цессами дифференциации в потреблении отдельных продуктов питания в зависимости от уровня доходов, что безусловно, касается таких дорогостоящих категорий товара, как мясо и мясопродукты. По данным Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ) [3], средний уровень среднедушевого годового потребления мяса и мясопродуктов по России составляет 70 кг в год, при рекомендованной Минздравом РФ норме потребления 73 кг в год, при этом у 47 субъектов РФ норма потребления мяса и мясопродуктов ниже среднего по России, а в 55 регионах – норма потребления ниже уровня, рекомендованного Минздравом. При этом показатели потребления мяса и мясопродуктов существенно разнятся в зависимости от доходной группы населения: так, в 2020 г. среднедушевое потребление продукта в первой децильной группе составило в среднем 61 кг в год, а в десятой – 110,9 кг в год.

С целью выявления влияния межрегиональных различий на состояние мясной отрасли проведен анализ баланса ресурсов и использования мяса и мясопродуктов за 2021 г. [5] с использованием статистических методов исследования. При этом ранее уже было показано [6], что существует статистически значимая зависимость объемов агроэкспорта субъекта РФ и его специфических региональных особенностей, реализуемых в виде обобщенных характеристик развития отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности, а также состояния инновационно-инвестиционного климата региона. Для возможности сопоставления все используемые показатели пересчитаны в расчете на одного жителя каждого региона. Рабочая гипотеза анализа в обобщенном виде сформулирована в виде утверждения, что на региональном уровне на физическое перемещение (экспорт и импорт) и внутреннюю трансформацию (производство и внутреннее потребление) продукта оказывают существенное влияние межрегиональные различия субъектов РФ.

В связи с отсутствием отдельных данных по пяти субъектам РФ, в частности по Ненецкому АО, Архангельской области (без автономного округа), Ханты-Мансийскому АО, Ямало-Ненецкому АО и отдельно по Тюменской области (без входящих в нее автономных округов) они были исключены из анализа. Небольшое расхождение в количестве регионов (табл. 1 и 2) объясняется тем, что формально Республика Алтай вошла в группу регионов с отрицательным соотношением производства и потребления мяса и мясопродуктов, имея при этом положительный торговый баланс.

Динамика соотношения производства, экспорта и импорта мяса и мясопродуктов РФ, тыс. т [4]

Таблица 1

Анализ межрегиональных различий в производстве и потреблении мяса и мясопродуктов с учетом соотношения их ввоза и вывоза

Группа регионов	Анализ производства				Анализ потребления		
	Количество регионов	Распределение в группе	Использованный критерий	Медиана, кг	Распределение в группе	Использованный критерий	Среднее, кг
Вывоз превышает ввоз (с активным балансом)	28	Ненормальное	U-критерий Манна – Уитни, $p < 0,05$, разница между группами статистически значима	138,05	Близкое к нормальному	T-критерий Стьюдента, $p < 0,05$, разница между группами статистически значима	81,36
Ввоз превышает вывоз (с пассивным балансом)	54	Близкое к нормальному		38,55	Близкое к нормальному		71,65

Таблица 2

Анализ межрегиональных различий в экспорте и импорте мяса и мясопродуктов с учетом соотношения их производства и внутреннего потребления

Группа регионов	Анализ ввоза (импорта)			Анализ вывоза (экспорта)		
	Количество регионов	Распределение в группе	Использованный критерий	Распределение в группе	Использованный критерий	Медиана, кг
Производство превышает потребление (самообеспечение)	27	Близкое к нормальному	U-критерий Манна – Уитни, разница между группами статистически не значима	Ненормальное	U-критерий Манна – Уитни, $p < 0,05$, разница между группами статистически значима	155,66
Потребление превышает производство	55	Ненормальное		Близкое к нормальному		14,74

Исследование проведено в два этапа. На первом этапе осуществлен анализ межрегиональных различий в производстве и потреблении мяса и мясопродуктов с учетом соотношения их ввоза и вывоза из региона. Результаты анализа обобщены в табл. 1. Все регионы распределены по двум группам. В первую группу вошли субъекты РФ, для которых характерно превышение экспорта мяса и мясопродуктов над их импортом, т.е. это регионы с так называемым активным торговым балансом. Ко второй группе отнесены регионы с обратным соотношением показателей, т.е. с пассивным торговым балансом. Исходя из предварительной проверки рядов данных в каждой группе на нормальность, принято решение для сравнения групп регионов при анализе потребления мяса и мясопродуктов на душу населения использовать Т-критерий Стьюдента, а для сравнения производства на душу населения данной продуктовой группы – его непараметрический аналог, а именно, U-критерий Манна – Уитни. По результатам анализа можно сделать вывод, что объемы как душевого производства, так и потребления мяса и мясопродуктов в существенной степени зависят от соотношения регионального экспорта и импорта товара. При этом производство мяса и мясопродуктов на одного жителя региона с активным торговым балансом в среднем на 99,5 кг в год больше, чем в регионах с пассивным балансом, что рассчитывается как разница между групповыми медианами. Разница в душевом потреблении мяса и мясопродуктов между выделенными группами регионов также зафиксирована в пользу регионов с активным торговым балансом и составила 9,71 кг в год.

Для второго этапа анализа осуществлена перегруппировка регионов по признаку соотношения среднегодового душевого производства и среднегодового душевого потребления мяса и мясопродуктов (табл. 2). Все регионы также объединены в две группы. К первой группе отнесены субъекты РФ, характеризующиеся преобладанием производства продукта над внутренним потреблением, т.е. это те регионы, которые имеют производственный потенциал для полного удовлетворения спроса населения в потреблении мяса и мясопродуктов. Во вторую группу вошли регионы, у которых объемы душевого потребления мяса и мясопродуктов превышают его внутреннее производство. В результате аналогично проведенного анализа видно, что на объемы регионального импорта мяса и мясопродуктов практически не влияет, удовлетворяет собственное производство мяса и мясо-

продуктов внутренний спрос на него населения или нет. Однако для регионального экспорта мяса и мясопродуктов данное соотношение внутри выделенных групп регионов ожидаемо оказывает существенное влияние. При этом региональный экспорт данного вида товара в расчете на одного жителя в группе субъектов РФ, где производство превышает потребление, в среднем в 10,5 раз больше, чем в группе регионов, где объемы производства меньше объемов внутреннего потребления. Данное соотношение найдено путем сопоставления групповых медиан.

В результате проведенного анализа установлено, что состав групп регионов на первом и на втором этапах практически идентичен, а именно, регионы, где производство мяса и мясопродуктов на одного жителя превышает душевое потребление продукта, характеризуются активным торговым балансом, к ним относятся в первую очередь большая часть субъектов Центрального и Приволжского федеральных округов с развитой сферой производства мяса и его переработкой. Наоборот, регионы, где наблюдается превышение объемов потребления над производством, имеют отрицательный торговый баланс, что характерно, в первую очередь, для субъектов РФ Дальневосточного, Сибирского, Южного федеральных округов, где производство мяса и мясопродуктов не является основной отраслью специализации. Данное наблюдение вполне логично и может быть объяснено возможностью субъекта РФ экспортировать так называемые «излишки» товара, оставшиеся после удовлетворения потребностей внутреннего рынка.

Заключение

Динамичное развитие любой отрасли, в том числе мясной, предполагает соблюдение баланса между процессами производства, потребления, экспорта и импорта товара. Выстраивание подобного баланса должно осуществляться исходя из предпосылки о достижении целей самообеспечения населения страны в соответствующем продукте, а также из невозможности равномерного наращивания производства и экспорта во всех субъектах РФ. Соответственно, при разработке стратегии развития мясного производства важен пространственный подход, подразумевающий учет специфики экономического, социального, технологического и климатического развития отдельных регионов страны. Стоит отметить, что специфика мясной отрасли заключается еще и в том, что необходим учет тенденций развития смежных отраслей сельского хо-

зяйства и переработки, участвующих в создании конечного продукта. На сегодняшний день в мировой практике ведения бизнеса прочно утвердились понятия экологичности производства, а также перехода к «зеленому» сельскому хозяйству. Животноводство в процессе осуществления производственной деятельности оставляет существенный углеродный след, в частности по данным ФАО, в мировом масштабе на данную отрасль приходится около 14,5% всех антропогенных выбросов, что негативным образом сказывается на экологии, что, в свою очередь, накладывает определенные ограничения на страны – экспортеры мясной продукции, в том числе возможно введение в ближайшее время «углеродного налога», несмотря на то, что первоначально его планируют взимать с представителей топливно-энергетического комплекса. При этом о диверсификации топливно-энергетического комплекса и его переходе на экологически нейтральные источники энергии заявляют уже давно [7], а о современной трансформации мясного производства в сторону так называемого «растительного» мяса пока еще говорят осторожно, в связи с психологической неготовностью потребителей переходить на замену традиционного продукта. Данный факт может являться предпосылкой к тому, что, во-первых, возможное увеличение расходов необходимо учитывать на стадии планирования и прогнозирования процесса производства, а во-вторых, чтобы исключить в стратегическом целеполагании развития региональных производств единый подход к стратегии государственного развития мясной отрасли. Таким образом, при разработке стратегии развития отечественной мясной отрасли, учитывающей как внутренние национальные интересы, так и интересы на международном уровне, необходим учет региональных особенностей развития мясной промышленности субъектов РФ при определении производственного потенциала и разработке мер го-

сударственной поддержки производства и экспорта. При этом объемы и структуру производства и экспорта мяса и мясопродуктов необходимо прогнозировать исходя из региональных особенностей ведения производственной деятельности, а планирование потребления должно подчиняться единому подходу, основанному на медицинских нормах, что в целом подтверждено результатами проведенного исследования.

Список литературы

1. Рынок мяса России в 2022 году – ключевые тенденции и прогнозы // Агровестник от 31.08.22 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://agrovesti.net/lib/industries/beef-cattle/rynok-myasa-rossii-v-2022-godu-klyuchevye-tendentsii-i-prognozy.html?ysclid=l9skdx7phb461835576> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5). [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/> (дата обращения: 25.09.2022).
3. О продовольственной безопасности и потреблении основных продуктов питания в России. Обзор макроэкономической ситуации // Институт комплексных стратегических исследований, Москва. [Электронный ресурс]. URL: <https://icss.ru/images/macro/%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%D0%A1%D0%A5%20%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf?ysclid=l8ijgg0g3f917593153> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Ресурсы и использование мяса и мясопродуктов по Российской Федерации. Официальный сайт Росстата РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bal_2_cx.xls (дата обращения: 15.09.2022).
5. Баланс ресурсов и использования мяса и мясопродуктов за январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bal_2.xls (дата обращения: 10.09.2022).
6. Трифонова Е.Н. Оценка межрегиональных различий в развитии экспорта продовольствия РФ // Экономика сельского хозяйства России. (Региональная экономика). 2022. № 4. С. 32–38.
7. Марков А.К., Можаяев Е.Е. Повышение экспортного потенциала компаний агропромышленного комплекса путем цифровой трансформации сферы возобновляемых источников энергии на основе цифровой платформы // Фундаментальные исследования. 2020. № 7. С. 54–58.

УДК 338:658.5

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ЦИФРОВЫХ ФАБРИК ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПОЧЕК ТЕХНОЛОГИЙ

¹Часовских В.П., ¹Воронов М.П., ²Кох Е.В.

¹ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург,
e-mail: u2007u@yandex.ru, mstrk@yandex.ru;

²ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, e-mail: elenakox@mail.ru

Данная статья посвящена вопросам создания эффективных цифровых фабрик с точки зрения предприятий, занятых в различных видах отраслях промышленности. Под эффективностью понимается достаточный (но не избыточный) для конкретного предприятия функциональный уровень цифровой фабрики при минимально возможном уровне затрат на ее создание. Авторами определено, что цифровые фабрики позволяют сокращать число ошибок при проектировании, число переделок, производственные отходы, количество брака, время проектирования и срок вывода продуктов на рынок. Показано, что при построении цифровой фабрики важен подбор описанных технологий с учетом отраслевой и технологической специфики – так называемой цепочки технологий. В статье описаны основные компоненты и этапы формирования цифровой фабрики, а также сформулированы важнейшие показатели эффективности цепочки технологий как набора компонентов цифровой фабрики с учетом отраслевой и технологической специфики предприятия. На основе показателей эффективности предложены три способа формирования цепочек технологий, позволяющих формировать наиболее эффективную цепочку для конкретного предприятия (учитывая размер предприятия, специфику выполняемых задач и отраслевую специфику), а также спектр технологических цепочек в рамках определенной отрасли для предприятий, различных по размерам и технологической специфике.

Ключевые слова: цифровая фабрика, цепочка технологий, цифровое проектирование и моделирование, оценка эффективности

EFFICIENT DIGITAL FACTORIES CREATION BY THE MEANS OF TECHNOLOGY CHAINS FORMATION

¹Chasovskikh V.P., ¹Voronov M.P., ²Koch E.V.

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: u2007u@yandex.ru, mstrk@yandex.ru;

²Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
e-mail: elenakox@mail.ru

This article is devoted to the creation of effective digital factories from the point of view of enterprises engaged in various types of industries. Efficiency is understood as a sufficient (but not excessive) functional level of a digital factory for a particular enterprise with the lowest possible level of costs for its creation. The authors determined that digital factories can reduce the number of design errors, the number of reworks, production waste, the number of defects during design and the time to bring products to market. It is shown that when building a digital factory, it is important to select the described technologies, taking into account industry and technological specifics - the so-called. technology chains. The article describes the main components and stages of the formation of a digital factory, and also formulates the most important indicators of the efficiency of the technology chain as a set of components of a digital factory, taking into account the industry and technological specifics of the enterprise. On the basis of using performance indicators, three ways of forming technology chains are proposed, allowing to form as the most effective chain for a particular enterprise (taking into account the size of the enterprise, the specifics of the tasks performed and industry specifics), as well as to form a range of technological chains within a certain industry for enterprises of various sizes and technological specifics.

Keywords: digital factory, technology chain, digital design and modeling, efficiency assessment

Цифровые фабрики (Digital Factory) – системы комплексных технологических решений, обеспечивающие в кратчайшие сроки проектирование и производство глобально конкурентоспособной продукции нового поколения. Под конкурентоспособностью в современном мире понимается, прежде всего, привлекательность продукта для потребителя, которая, в свою очередь, включает множество показателей, в числе которых качество, экономичность, экологичность, эстетичность продукта, а также способность быстрой его модификации в соответствии с желаемыми свойствами,

которыми, по мнению потребителей, продукт должен обладать [1].

Цель исследования. Разработка методики оценки эффективности цифровых фабрик и способов формирования цепочек технологий, обеспечивающих желаемый для предприятия уровень эффективности цифровой фабрики.

Необходимость конкурировать с мировыми производителями в современных условиях определяет одну из важнейших задач современных технологий цифровой промышленности – это способность увидеть, спроектировать, испытать и оптимизиро-

вать продукт до момента его производства. Проведение экспериментов и технологической проработки с физическими моделями продукта может влиять в существенные финансовые и временные затраты. Соответственно, замена физических моделей на цифровые позволяет сокращать эти затраты.

Таким образом, встает необходимость детальной проработки продукта на этапах проектирования изделия, планирования изделия, планирование производства. Эти этапы подразумевают создание прототипов и вариантов продукта, проведение ряда экспериментов с ними, технологическую проработку продукта и т.д.

Цифровая фабрика создается на основе таких технологий, как цифровое проектирование и моделирование (CAD, CAE, CAO, CAM, PDM, PLM, HPC, DT); применение новых композиционных материалов и способов конструирования; аддитивные технологии (AM); числовое программное управление (CNC); управление большими данными (Big Data).

Ранее в процессе разработки продукта на основе реального объекта сначала строилась его физическая модель, которая затем трансформировалась в математическую модель, далее, в результате многочисленных экспериментов и изготовленных прототипов осуществлялись проверка и корректировка математической модели, и в конечном итоге – доводка конечного изделия. За счет парадигмы цифрового проектирования и моделирования стало возможным существенно упростить процесс создания продукта [2, с. 31]. Цифровое проектирование и моделирование основаны на использовании математических моделей, адекватных реальным материалам и конструкциям [3, с. 12].

*Методы, алгоритмы
и результаты исследований*

Цифровая фабрика включает следующие компоненты: компьютерное проектирование, компьютерный инжиниринг, компьютерная подготовка производства, компьютерная оптимизация, управление данными о продукте, управление жизненным циклом продукта, производительные вычисления, технология цифровых двойников, применение новых композиционных материалов, аддитивные технологии, числовое программное управление. Далее приведем краткое описание каждого из компонентов и рассмотрим, каким образом эти компоненты складываются в цифровую фабрику.

CAD (Computer-Aided-Design) – компьютерное проектирование

CAD-системы позволяют создавать чертежи продукта, экспериментировать с 2D- и 3D-моделями продукта, создавать технологическую документацию и т.д. CAD-системы различают по сфере применения, по степени проработки (2D-, 3D-системы) и по способу моделирования. CAD-системы предназначены для решения конструкторских задач и оформления конструкторской документации [4, с. 183].

Примерами таких систем являются системы CATIA, Siemens NX, SolidWorks, Autodesk, Creo Parametric, Компас 3D.

CAE (Computer-Aided Engineering) – компьютерный инжиниринг

Если компьютерное проектирование в CAD-системах позволяет только нарисовать геометрию изделий и подготовить конструкторскую документацию для производства, то компьютерный инжиниринг дает возможность провести моделирование поведения конструкций, машин, физико-механических и технологических процессов [5, с. 7].

Наиболее распространенные CAE-системы – ANSYS, Altair HyperWorks, LS-DYNA, Abaqus, ESAComp, EULER, Femap, CAE Fidesys и многие другие.

CAM (Computer-Aided Manufacturing) – компьютерная подготовка производства

Компьютерная подготовка производства (CAM) – средства технологической подготовки производства изделий, обеспечивают автоматизацию программирования и управления оборудования с числовым программным управлением.

Примеры CAM-систем – SprutCAM, PowerMill, NX CAM, Mastercam, FeatureCAM, EdgeCAM и многие другие.

CAO (Computer-Aided Optimization) – компьютерная оптимизация

Основное предназначение CAO-систем – многопараметрическая топологическая оптимизация конструкций, оптимизация формы и размера продукта при статических и динамических нагрузках. В результате их применения повышаются эффективность и надежность конструкций, сокращается время разработки [6, с. 67, 68].

К числу CAO-систем могут быть отнесены Altair OptiStruct, solidThinking Inspire, Tosca Fluid, Tosca Structure, CAESS, modeFRONTIER и др.

PDM (Product Data Management) – управление данными о продукте

PDM-системы включают такие функции, как управление документами; управление разработкой изделия; манипулиро-

вание структурой изделия; автоматизация поиска конкретных данных и числовых параметров изделия; подготовка отчетов в соответствии с требованиями предприятия или отрасли [7, с. 73].

Примеры PDM-систем – SWEPDM, ENOVIA, PDM StepSuite, BaanPDM.

PLM (Product Lifecycle Management) – управление жизненным циклом продукта

Характерная особенность PLM – обеспечение взаимодействия как средств автоматизации разных производителей, так и различных автоматизированных систем многих предприятий. Таким образом, технологии PLM являются основой, объединяющей информационное пространство, в котором функционируют САПР, ERP, PDM, SCM, CRM и другие автоматизированные системы многих предприятий.

HPC (High Performance Computing) – производительные вычисления

Новые классы производственных задач привели к необходимости хранить и обрабатывать большие массивы данных и также требовали более высокой скорости принятия решений и, как следствие, повышения вычислительных мощностей. В ответ на эти требования были разработаны технологии обработки больших данных и технологии высокопроизводительных вычислений (HPC).

Примеры облачных платформ, поддерживающих автоматизированное проектирование и моделирование: HP, IBM, Cray, NEC, Fujitsu, Azure и пр.

DT (Digital Twins) – технология цифровых двойников

Цифровой след – фиксация в цифровом пространстве совокупности информации о функционировании объекта. Совокупность цифровых следов ведет к формированию цифровой тени.

Цифровая тень — совокупность всей информации об объекте, собираемой определенной системой. Может быть использовано множество систем, которые «рассматривают» объект с различных сторон и формируют различные цифровые тени. Цифровые тени описывают поведение объекта в нормальных условиях при помощи промышленного интернета вещей IIoT [8, с. 34]. Комбинация данных из нескольких систем позволяет составить более точную модель объекта и в идеале получить цифрового двойника.

Цифровой двойник – единая модель, достоверно описывающая все характеристики, процессы и взаимосвязи отдельного объекта или всего производства [9, с. 236]. Цифровой двойник изделия позволяет реализовать и предиктивный анализ ресурса,

т.е. снижать затраты на ремонт, проводя необходимое обслуживание заранее и не доводя до серьезного ремонта.

Применение новых композиционных материалов

После построения цифрового двойника может быть получена его физическая копия посредством использования аддитивных технологий (3D-печати). Данная технология подразумевает использование композиционных (композитных) материалов – композиций полимерных, металлических, керамических порошков, углеродных нанотрубок и т.д.

Аддитивные технологии

Существует ряд технологий послойного наращивания объектов, в том числе послойное лазерное спекание – SLS, прямое лазерное спекание – DMLS, лазерная стереолитография – SLA, технология селективного лазерного сплавления – SLM и т.д. [10, с. 56].

CNC (computer numerical control) – числовое программное управление

При использовании CNC алгоритмы работы устройств задаются программно и могут изменяться при различных условиях. Применение CNC при управлении оборудованием также позволяет использовать самонастраивающиеся модели.

Таким образом, процесс создания продукта на цифровой фабрике можно представить следующим образом (рисунок).

1-й этап. Проектирование изделия (Product Design) – разработка идеи и концепции продукта, его внешнего вида и функционала. В результате получаем эскиз продукта.

2-й этап. Производится компьютерное проектирование продукта, т.е. создание его 3D-модели средствами CAD (Computer-Aided-Design).

Далее – компьютерный инжиниринг, т.е. производится моделирование поведения конструкций или создаваемого продукта, физико-механических и технологических процессов в них средствами CAE, осуществляется компьютерная оптимизация продукта посредством CAO-систем и производится компьютерная подготовка производства для создания продукта при помощи CAM-систем. Обозначенные 4 процесса принято объединять в понятие «инжиниринг продукта». В результате этапа получаем цифровую модель создаваемого продукта.

3-й этап. При использовании средств PDM- и PLM-систем, а также при необходимости – технологий обработки больших данных (BD, Big Data) и технологий высокопроизводительных вычислений (HPC) производится окончательное моделирование продукта. В результате мы получаем цифровой двойник продукта.

Создание продукта на цифровой фабрике

Инжиниринг (CAD, CAE, CAO, CAM) в сочетании с PDM- и PLM-системами и ERP-технологиями принято объединять в понятие «цифровое проектирование и моделирование».

4-й этап. При сочетании аддитивных технологий (AD), новых композитных материалов (NM) и числового программного управления (CNC) создается 3D-модель продукта. Цифровое проектирование и моделирование в сочетании с AD, NM, CNC объединяют в понятие «цифровая фабрика». Конечным результатом функционирования цифровой фабрики являются цифровой макет продукта (DMU, Digital Mock-Up) и опытный образец продукта.

Цифровые фабрики позволяют сокращать число ошибок при проектировании, число переделок, производственные отходы, количество брака, время проектирования и срок вывода продуктов на рынок. При построении цифровой фабрики важен подбор описанных технологий с учетом отраслевой и технологической специфики – так называемой цепочки технологий. К числу важнейших требований к формированию цепочки технологий относятся следующие.

1. Уровень автоматизации процессов проектирования в рамках цифровой фабрики. С одной стороны, чем выше уровень автоматизации, тем выше эффективность цифровой фабрики. С другой стороны, некоторые средства автоматизированного проектирования могут оказаться избыточными для организаций, обладающих сравнительно простыми технологическими процессами. Следовательно, возможности, предоставляемые тем или иным средством автоматизированного проектирования, должны быть адекватны управленческим задачам и производственным процессам конкретной организации. Скажем, приобретение мощной, дорогостоящей PDM-

системы для небольшой организации с численностью персонала в 30 человек, которая занимается проектированием небольших строительных объектов, нельзя назвать эффективным решением, поскольку она будет обладать избыточным функционалом и потребует вложения финансовых ресурсов, несоизмерных с решаемыми задачами.

2. Степень интеграции. Интеграция всех систем и технологий проектирования в рамках цифровой фабрики является необходимым условием.

3. Стоимость используемых технологий при требуемой степени точности и производительности вычислений. Стоимость каждого из компонентов цифровой фабрики должна быть наименьшей при одинаковых показателях функциональности средства и степени его интеграции с другими компонентами.

Таким образом, эффективность цифровой фабрики предлагаем оценивать на основе этих трех показателей. Поскольку набор технологий в рамках цепочки, по сути, определяет состав компонентов цифровой фабрики, можно утверждать, что эффективность цифровой фабрики напрямую зависит от эффективности формирования цепочки технологий. Принимая во внимание эти требования, можно предложить следующие способы формирования цепочек технологий.

Способ 1 (исходя из размеров организации и требуемых функциональных возможностей итоговой цифровой фабрики)

1-й этап. Формирование требований к функционалу каждого компонента цепочки технологий (каждой отдельной технологии цифровой фабрики – рис. 1).

2-й этап. Для отрасли, в которой занята организация, – формирование списка всех потенциально возможных компонентов цепочки технологий (CAD, CAE, CAO-систем

и т.д.), т.е. соответствующих требованиям к функционалу в порядке возрастания их стоимости.

3-й этап. Начиная с 1-го компонента (САД) – выбор системы, отвечающей сформированным к ее функционалу и обладающей наименьшей стоимостью.

4-й этап. Для 1-го и каждого последующего компонента в случае отсутствия интеграции со следующим компонентом цепочки замена его компонентом, следующим в списке, сформированном на 2-м этапе.

Способ 2 (исходя из степени интеграции систем)

1-й этап. Формирование списка всех систем для каждого компонента с указанием их стоимостей.

2-й этап. Построение всех возможных цепочек технологий для определенной отрасли по принципу интегрируемости соседних компонентов.

3-й этап. Подсчет итоговой стоимости каждой полученной цепочки технологий.

4-й этап. Описание функциональных возможностей каждой полученной цепочки технологий с указанием ее итоговой стоимости.

5-й этап. Составление рекомендаций для использования каждой цепочки для конкретных организаций в зависимости от их размера, решаемых задач и т.д.

Способ 3

Введем 2 дополнительных параметра – изменение функциональных возможностей системы в составе цепочки технологий (Δf_i) и изменение стоимости системы (Δc_i) на i -м шаге выбора компонента цепочки технологий (1-й шаг – выбор САД-системы, 2-й шаг – выбор САЕ-системы, и т.д.). Расчет значений этих показателей будем осуществлять по формулам:

$$\Delta f_i = f_i^r - f_i^f \quad (1),$$

где f_i^r – требуемые функциональные возможности системы на i -м шаге выбора компонента цепочки технологий;

f_i^f – фактические функциональные возможности на i -м шаге выбора компонента цепочки технологий при рассмотрении альтернативной системы.

$$\Delta c_i = c_i^0 - c_i^t \quad (2),$$

где c_i^0 – минимальная стоимость системы, обладающей требуемыми функциональными возможностями из всеобъемлющего списка систем на i -м шаге выбора компонента цепочки технологий;

c_i^t – стоимость альтернативной системы на i -м шаге выбора компонента цепочки технологий.

Для определения показателя «функциональные возможности системы» будем использовать формулу:

$$f_i = q_i / Q, \quad (3)$$

где q – количество функциональных характеристик в рассматриваемой системе на i -м шаге выбора компонента;

Q – количество всех характеристик, которыми обладают все системы из всеобъемлющего списка систем на i -м шаге выбора компонента.

На каждом i -м шаге в первую очередь осуществляется подсчет значения f_i^r по формуле (3). При подсчете значения f_i^t для альтернативной системы ее дополнительные функциональные характеристики учитываются только в том случае, если она обладает всеми характеристиками f_i^r .

Далее для каждого i -го шага выбора компонента цепочки технологий осуществляется расчет индекса эффективности:

$$I_i = \Delta f_i \cdot \Delta c_i, \quad (4).$$

Получаемое значение I_i будет принимать одно из 3 следующих значений:

1. $I_i > 0$. Наблюдается, когда $\Delta f_i > 0$ и $\Delta c_i > 0$ (что означает снижение функциональных возможностей системы при снижении стоимости системы), либо когда $\Delta f_i < 0$ и $\Delta c_i < 0$ (повышение функциональных возможностей системы при повышении стоимости системы). Показывает снижение эффективности системы и, как следствие, снижение эффективности цепочки технологий в целом.

2. $I_i < 0$. Наблюдается, когда $\Delta f_i < 0$ и $\Delta c_i > 0$ (повышение функциональных возможностей системы при снижении стоимости системы – идеальный вариант, ведущий к повышению эффективности системы и всей цепочки), либо когда $\Delta f_i > 0$ и $\Delta c_i < 0$ (снижение функциональных возможностей системы при повышении стоимости системы – наихудший вариант, ведущий к снижению эффективности).

3. $I_i = 0$. Наблюдается, когда $\Delta f_i = 0$ и $\Delta c_i > 0$ (функциональные возможности системы остаются на том же уровне, при снижении стоимости системы – повышение эффективности системы и цепочки технологий), либо когда $\Delta f_i = 0$ и $\Delta c_i < 0$ (функциональные возможности системы остаются на том же уровне, стоимость системы увеличивается – снижение эффективности), либо когда $\Delta f_i > 0$ и $\Delta c_i = 0$ (снижение функциональных возможностей системы при неизменной стоимости системы – снижение эффективности), либо когда $\Delta f_i < 0$ и $\Delta c_i = 0$ (повышение функциональных возможностей системы при неизменной стоимости системы).

системы – повышение эффективности), либо когда $\Delta f_i = 0$ и $\Delta c_i = 0$ (функциональные возможности системы остаются на том же уровне при неизменной стоимости системы – эффективность цепочки не меняется).

Общую эффективность j -й технологической цепочки можно подсчитать как:

$$E_j = \sum_{i=1}^n I_{ij} \quad (5).$$

Очевидно, что наименьшее значение общей эффективности E_j будет свидетельствовать о наибольшей эффективности технологической цепочки.

Таким образом, обобщая значения, которые принимает индекс эффективности I_{ij} , задачу нахождения наиболее эффективной цепочки технологий можно представить в виде:

$$E_j = \sum_{i=1}^n I_{ij} \rightarrow \min \quad (6),$$

при ограничениях:

$$\begin{cases} \Delta f_{ij} \leq 0 \\ \Delta c_{ij} \geq 0 \end{cases} \quad (7).$$

Выводы

Таким образом, используя комбинации предложенных 3 способов, можно формировать цепочки, различные по стоимости, уровню автоматизации для организаций различного размера и решаемым задачам. В качестве критерия сравнения эффективности цепочек технологий предлагается использовать общую эффективность цепочки технологий (E_j). Также, определив базовые требования к функциональным возможностям системы с помощью предложенной модели (формулы 6, 7), можно выявить наиболее эффективную цепочку, т.е. от-

вечающую функциональным требованиям к ней и при этом обладающую минимальной стоимостью.

Список литературы

1. Gartner's 2016 Hype Cycle for Emerging Technologies Identifies Three Key Trends That Organizations Must Track to Gain Competitive Advantage. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2016-08-16-gartners-2016-hype-cycle-for-emerging-technologies-identifies-three-key-trends-that-organizations-must-track-to-gain-competitive-advantage> (дата обращения: 12.09.2022).

2. Литовченко И.Л., Сотников Ю.Н., Рулинская О.В. Тренды трансформации рынка в условиях цифровой экономики // Цифровая трансформация экономики и промышленности: сборник трудов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 30-38.

3. Боровков А.И., Марусева В.М., Рябов Ю.А. «Умные» цифровые двойники – основа новой парадигмы цифрового проектирования и моделирования глобально конкурентоспособной продукции нового поколения // Трамплин к успеху. 2018. № 13. С. 12–16.

4. Доросинский Л.Г., Зверева О.М. Информационные технологии поддержки жизненного цикла изделия. Ульяновск: Зебра, 2016. 243 с.

5. Böhler P., Dittmann J., Michaelis D., Middendorf P. Process Simulation as Part of Industry 4.0. *Lightweight Design*. 2016. № 9(3). P. 6-11.

6. Муленко В.В. Компьютерные технологии и автоматизированные системы в машиностроении: учебное пособие. М.: РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина, 2015. 73 с.

7. Цифровое производство. Методы, экосистемы, технологии. Рабочий доклад Департамента Корпоративного обучения Московской школы управления СКОЛКОВО Ноябрь 2017 года. 86 с.

8. Боровков А.И., Рябов Ю.А., Гамзикова А.А. Цифровые двойники в нефтегазовом машиностроении // *Neftegaz. Ru*. 2020. № 6. С. 30–36.

9. Боровков А.И., Рябов Ю.А. Цифровые двойники: определение, подходы и методы разработки // Цифровая трансформация экономики и промышленности: сборник трудов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 234-245.

10. Прохоров А., Лысачев М. Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт / Научный редактор профессор А. Боровков. М.: ООО «АльянсПринт», 2020. 401 с.

УДК 338.242.4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Шульженко А.М.

*ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Омский филиал, Омск, e-mail: Push_here@mail.ru*

В настоящее время российская экономика, как и рынок образовательных услуг, находится в процессе трансформации. Произошедшие изменения за последние несколько лет значительно повлияли на конъюнктуру рынка. Изменились векторы развития, запросы участников сферы бизнес-образования, а также возможности рынка предложения. Значительно увеличилась доля программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий по сравнению с аналогичными периодами. Бизнес-образование стало более доступным для предпринимателей, действующих или потенциальных, как с финансовой стороны, так и с точки зрения временного ресурса. Однако наряду с положительными тенденциями наблюдаются и негативные, например такие, как смещение тем в сторону наиболее привлекательных для слушателей, при этом финансовые, юридические вопросы, темы, касающиеся взаимодействия с органами власти, остаются менее востребованными. Из-за увеличения предложения снижается общий уровень качества предоставляемых услуг. Отсутствуют единые обязательные требования к программам и преподавателям, вследствие чего субъекты предпринимательства могут получить некорректные или неактуальные знания и опыт, что может негативно отразиться на финансовых и производственных результатах бизнеса, снизить интерес к последующему обучению. Основу исследования составили общенаучные методы классификации, обобщения, сравнения, анализа. Целью исследования является анализ современных тенденций развития как инструмента развития малого и среднего предпринимательства, выявление основных проблем на рынке бизнес-образования в целом.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, молодежное предпринимательство, меры поддержки, бизнес-образование, тенденции развития

MODERN TRENDS IN BUSINESS EDUCATION AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Shulzhenko A.M.

*Financial University under Government of the Russian Federation,
Omsk branch, Omsk, e-mail: Push_here@mail.ru*

At present, the Russian economy, as well as the market of educational services, are in the process of transformation. The changes that have taken place over the past few years have significantly affected the market situation. The vectors of development, the demands of participants in the sphere of business education, as well as the possibilities of the supply market have changed. The share of programs using e-learning and distance learning technologies has significantly increased compared to the same periods. Business education has become more accessible to entrepreneurs, existing or potential, both financially and in terms of time resources. However, along with positive trends, there are also negative ones, such as a shift in topics towards the most attractive for listeners, while financial, legal issues, topics related to interaction with authorities remain less in demand. Due to the increase in the number of proposals, the overall level of quality of the services provided decreases. There are no uniform mandatory requirements for programs and teachers. As a result, business entities may receive incorrect or irrelevant knowledge and experience, which may adversely affect the financial and production results of the business, reduce interest in further training. The basis of the study was the general scientific methods of classification, generalization, comparison, analysis. The purpose of the study is to analyze current development trends as a tool for the development of small and medium-sized businesses, to identify the main problems in the business education market as a whole.

Keywords: small and medium-sized businesses, youth entrepreneurship, support measures, business education, development trends

В связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, в 2020 и 2021 гг. образовательная система была вынуждена модифицировать традиционные формы и методы. Согласно исследованию РБК, рынок онлайн-образования за 2020 г. сделал большой скачок в развитии. Заочная форма обучения с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий была усовершенствована и вне-

дрена практически во все образовательные программы. Выручка всего сегмента дистанционного бизнес-образования в 2020 г. составила примерно 4 млрд руб. Новые форматы позволили расширить продуктовую линейку бизнес-образования и временно снизили интерес к МВА [1, с. 64].

Конечно, онлайн-образование в настоящее время не сможет полностью заменить очное обучение, но обладает рядом преимуществ как для организаторов, так

и для конечного пользователя, будь это простое физическое лицо или же субъект предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и граждан, применяющих специальный налоговый режим на профессиональный доход.

Малый и средний бизнес в процессе своей деятельности сталкиваются с рядом проблем, основными из которых являются нехватка трудовых, финансовых, временных ресурсов. В связи с этим онлайн-образование становится особенно актуальным, так как позволяет сэкономить и деньги, и время.

Благодаря совершенствованию методической, информационной и технической базы бизнес-школы получили возможность снизить свои издержки и, как следствие, цену на услуги, увеличить охваты, выйти на новые рынки, а также несколько актуализировать предлагаемые направления подготовки под меняющиеся запросы бизнеса.

В свою очередь среди пользователей увеличился спрос на получение бизнес-образования, благодаря появлению возможности более комфортного совмещения работы и учебы, снижению стоимости на некоторые продукты, увеличению выбора актуального направления обучения. У слушателей в разы расширился список потенциальных бизнес-школ, так как теперь привязка к региону проживания или работы ослабла.

Вместе с тем из-за ограничений, вызванных пандемией, некоторые сферы бизнеса испытали кризис, произошла значительная перестройка рынка. Предприятия были вынуждены проводить сокращение персонала, тысячи людей остались без работы. По сведениям Федеральной службы по труду и занятости количество обращений по разделам трудового законодательства, в частности по вопросам увольнения и размера заработной платы, в 2020 г. составило 23213 и 20427 обращений соответственно,

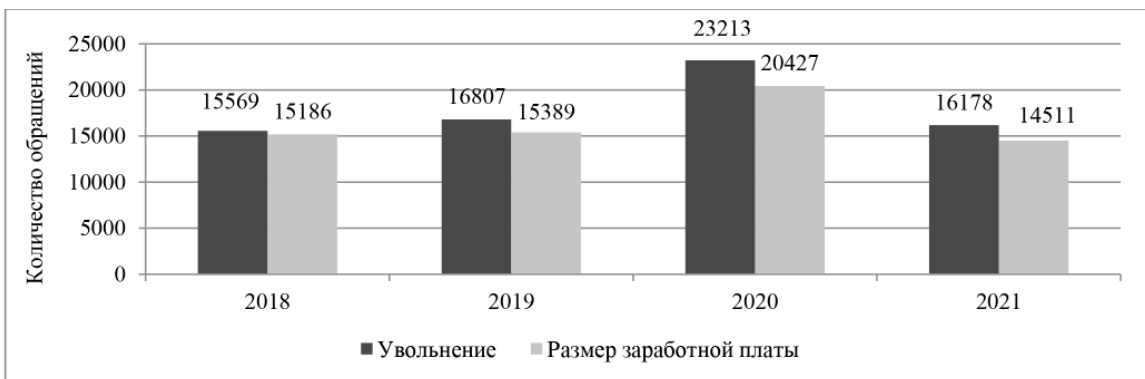
темп прироста оказался больше 20%, по отношению к аналогичным периодам (рисунок). При этом структура обращений и вопросов значительно не изменилась [2].

В этот период государством проводились мероприятия, целью которых являлось развитие малого, в том числе молодежного, предпринимательства. Косвенно к ним можно отнести распространение и популяризацию такого института предпринимательства, как самозанятость.

Эти изменения повлияли на рост интереса к различным бизнес-курсам. Люди, не имеющие экономического образования, получили удобные инструменты для развития своего дела и организации самозанятости. Ощутили необходимость в получении бизнес-образования для восполнения пробелов в знаниях, однако большая часть потенциальных слушателей оказалась не готова к длительным образовательным программам, а рынок бизнес-образования очень разнороден, поэтому далее предлагается разделить термин на два понятия:

– бизнес-образование – образовательный процесс, направленный на приобретение обучающимися в процессе освоения профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенций определенного уровня, позволяющих работать в различных сферах бизнеса или иных предпринимательских структурах;

– бизнес-эдвайз – совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению научных знаний и иных социально значимых сведений в сфере бизнеса, по итогам освоения которых у слушателя не появляется право заниматься профессиональной деятельностью по профилю пройденного курса или поступать в образовательные учреждения более высокого уровня [3, с. 157].

Количество обращений по вопросам трудового законодательства, в частности увольнения и размера заработной платы, за 2018–2021 гг.

На фоне повышения интереса слушателей к бизнес-образованию, можно отметить рост удельного веса бизнес-эдвайса в общей структуре. Бизнес-школы различного уровня и компетенций, начиная от образовательных учреждений, имеющих лицензию, заканчивая физическими лицами, являющимися экспертами в одной из сфер, разработали и предложили рынку большое количество краткосрочных курсов или же разовых семинаров, консультаций, преимущественно онлайн. Несмотря на смягчение мер, направленных на ограничение распространения коронавирусной инфекции COVID-19, в целом доля дистанционного бизнес-образования и бизнес-эдвайса осталась выше, чем в 2019 г.

Общее падение рынка онлайн-образования в 2022 г. может составить 35–40% в зависимости от сегментов. Такой прогноз приводит директор EdTech-кластера фонда «Сколково» Наталья Царевская-Дякина по итогам проведенного в начале апреля опроса среди стартапов, входящих в экосистему этого фонда (участвовали 200 компаний). Более 90% респондентов сказали о падении своих продаж в среднем на 20–40%.

«Больше всего пострадает дополнительное и профессиональное образование для взрослых, особенно в сегменте дорогих и эксклюзивных направлений, таких как MBA или обучение ораторскому искусству», – говорит Царевская-Дякина. Она объясняет, что за обучение на таких программах, которое может быть рассчитано на полтора года, зачастую приходится платить сразу и нет возможности, как в университете, разделить оплату по семестрам [4]. Так же негативно сказалась невозможность размещать рекламу на известных иностранных порталах и социальных сетях.

Введение запрета на использование с целью ведения бизнеса таких социальных сетей, как Instagram и Facebook (принадлежат Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ организации), отразилось на финансовых результатах некоторых отраслей бизнеса, особенно сферы красоты, чей рекламный бюджет более чем наполовину приходился на эти площадки. Такое изменение не могло не отразиться на рынке бизнес-образования и его влиянии на эффективность предпринимательской деятельности в целом.

В последние два года из-за роста пользователей онлайн-продуктов большое развитие получили смежные направления бизнес-эдвайса, которые находятся на границе бизнеса и психологии, например такие, как «развитие и продвижение личного бренда», «самоменеджер», «как управлять

своей жизнью и зарабатывать на своем деле». Несмотря на введенные ограничения, спрос на такие курсы сохраняется, хоть и в разы снизился.

На основании исследований, проведенных автором, самыми востребованными направлениями остаются: продакт-менеджмент, маркетинг, управление командой, дизайн, финансовая грамотность, юридическое право и т.д.

Стоит отметить, что часть информационных продуктов предоставляется для пользователей бесплатно, например за счет средств Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» или в качестве продвижения последующих собственных платных продуктов.

Повышение доступности и популяризация бизнес-образования и бизнес-эдвайса привлекло в бизнес большое количество молодежи, в том числе в возрасте от 14 до 17 лет, что тоже отразилось на конъюнктуре рынка.

По данным Минэкономразвития в РФ на первый квартал 2022 г. количество самозанятых граждан в возрасте до 18 лет составляло порядка 77 тыс. В Агентстве стратегических инициатив уточнили, что это почти в два раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. За весь период с начала регистрации несовершеннолетних самозанятых молодые люди заплатили налогов почти на 39 млн руб. [5].

Наряду со школьниками в сектор молодежного предпринимательства входит молодежь в возрасте до 35 лет. Стоит отметить, что предложение бизнес-образования и бизнес-эдвайса для данного целевого сегмента в большей степени представлено «бесплатными» программами, финансируемыми за счет федерального и региональных бюджетов или частных инвестиций, в связи с низкой платежеспособностью получателей услуг.

Важность бизнес-образования для молодежи отмечалась Правительством РФ и ранее. Содействие развитию молодежного предпринимательства было закреплено еще в подпрограмме 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 [6]. С 2016 г. согласно Постановлению Российской Федерации № 510 «О государственной программе Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» от 8 июня 2016 г. было введено основное

мероприятие 2.4 с ежегодным финансированием из федерального бюджета в размере 255041,7 тыс. руб.

В рамках реализации этого мероприятия предполагалось осуществление следующих направлений:

1. Популяризация предпринимательской деятельности и стимулирование предпринимательской активности среди лиц в возрасте от 14 до 30 лет.

2. Обучение, развитие кадрового потенциала субъектов молодежного предпринимательства.

3. Поддержка и сопровождение инновационных бизнес-проектов, инициируемых субъектами молодежного предпринимательства, лицами в возрасте от 14 до 30 лет [7].

Однако ранние программы все же основной целью ставили именно популяризацию и вовлечение молодежи в бизнес. Отсутствие удобных инструментов практического применения полученных знаний создавало значительный временной лаг между получением знаний и созданием своего дела, поэтому четко проследить эффективность вложенных инвестиций было затруднительно. Сейчас, во многом благодаря облегчению процедуры входа на рынок в качестве полноправного участника, вектор сместился в сторону бизнес-коучинга и менторства. Одним из самых крупных проектов является Программа развития молодежного предпринимательства «Я в деле», реализуемая Благотворительным фондом поддержки и развития программ «Капитаны» и РЭУ имени Г.В. Плеханова при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ и Агентством по делам молодежи «Росмолодежь». Эта программа направлена и на повышение бизнес-грамотности, и на развитие системы наставничества и нетворкинга среди молодежи, в том числе школьников и студентов.

В Омской области также реализуется образовательная наставническая программа «ScaleUp», предназначенная для действующих субъектов малого и среднего предпринимательства, действующая уже не первый год, она только набирает популярность среди предпринимателей.

Подводя итоги, можно выделить основные тенденции на рынке бизнес-образования:

– развитие дистанционных форм бизнес-образования и бизнес-эдвайса;

– увеличение доли бизнес-эдвайса на рынке образовательных и просветительских услуг;

– размытие границ бизнес-образования и бизнес-эдвайса, появление новых смежных направлений, находящихся на границе психологии и бизнеса;

– увеличение количества субъектов молодежного предпринимательства в возрасте 14–17 лет;

– популяризация бизнес-образования и бизнес-эдвайса среди субъектов молодежного предпринимательства;

– повышение востребованности и актуальности поддержки бизнес-менторов, развития системы наставничества среди субъектов малого и среднего бизнеса.

В целом наблюдаются позитивные тенденции изменения бизнес-образования в сторону развития практических компетенций, влияющих на повышение эффективности и результативности бизнеса, однако также имеется ряд проблем. Некоторые проблемы сохраняются уже долго, некоторые особенно ярко проявились в последние годы.

Проблемы в системе бизнес-образования:

1. Отсутствие стандартов бизнес-образования. Направление очень разнородно, к нему могут относиться и образовательные профессиональные программы, и краткосрочные курсы, и разовые семинары, лекции. Так как стандарты отсутствуют, нет единых требований, критериев эффективности. Потребители не получают гарантий качества получаемых услуг.

2. Отсутствие обязательных требований к бизнес-тренеру. 17 января 2022 г. был утвержден Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист в сфере бизнес-обучения (бизнес-тренер)”», но до сих пор нет обязательных требований соответствия преподавателей стандарту. Следовательно, нет гарантий компетентности педагога.

3. Двойственность профессии бизнес-тренер. Как и в любой сфере услуг, высокой значимостью обладают личность и профессиональные качества человека, который находится в непосредственном контакте с клиентом, то есть является передатчиком знаний. Особенность данной профессии заключается в том, что человек должен обладать навыками преподавательской деятельности, а также иметь опыт организации и реализации бизнес-процессов. Две эти стороны должны находиться в балансе, иначе либо знания и навыки будут переданы неэффективно, либо материал будет предоставляться в отрыве от практического опыта.

4. Большое количество программ бизнес-образования (в большей степени бизнес-эдвайса) низкого качества. В связи с популяризацией онлайн-продуктов порог входа на рынок снизился. Среди медийных личностей стало нормой монетизировать свою известность через продажу инфо-

продуктов, зачастую низкого качества. Их основная цель заключается не в передаче знаний, а в лучшем случае заряде слушателей на успех, но эффективность подобного предложения сомнительна, так как конкретные инструменты или хотя бы базовые знания в области экономики не даются.

5. Ориентация на так называемые «интересные» темы. Тематики программ можно соотнести с основными функциями бизнеса. Часть программ можно отнести к более сложным для преподавания и восприятия, например финансовый менеджмент, налогообложение, бухгалтерский учет, правовая грамотность, лицензирование и т.д. Несмотря на их важность в управлении бизнесом, слушатели в большей степени предпочитают выбирать темы более простые в понимании, такие как управление персоналом, маркетинг, продажи через интернет-площадки, дизайн и т.д. По мнению автора, именно знания финансового менеджмента, правовой грамотности и т.д. в большей степени способствуют повышению выживаемости бизнеса и его дальнейшего развития.

Бизнес-образование, как элемент инфраструктуры развития предпринимательства, очень подвижная сфера, активно реагирующая на малейшие изменения в жизни общества. С развитием информационных технологий скорость модернизации и актуализации только увеличивается. В дальнейшем необходимо четкое разделение на образовательную сферу, направленную на развитие предпринимательских компетенций, и информационную, которая позво-

лит ознакомить участников рынка с возможностями получения образования, а также популяризировать бизнес как вид профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Кондратьева Е.А. Бизнес-образование для малого бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5–2 (75). С. 63–66. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-5-2-63-66.
2. Статистика // Информационно-консультационный портал Федеральной службы по труду и занятости ОНЛАЙНСПЕКТРИЯ.РФ по вопросам защиты трудовых прав работников. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80akibcicpdbez7e2g.xn--plai/statistics> (дата обращения: 26.09.2022).
3. Шульженко А.М. Особенности бизнес-образования в контексте развития молодежного предпринимательства // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 155–162. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-155-162.
4. Ясакова Е. Дистанционная учеба уходит на перемену // Ежедневная деловая газета РБК. № 051 (3544) (1404). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/14/62557dda9a79474faea1badc> (дата обращения: 26.09.2022).
5. Елисеева Ю. С юных смет: несовершеннолетних самозанятых стало почти вдвое больше // Ежедневная общественно-политическая и деловая газета «Известия». 22 августа 2022 г. URL: <https://iz.ru/1382870/iuliiia-eliseeva/s-iunyh-smet-nesovershennoletnikh-samozaniatykh-stalopochti-vdvoe-bolshe> (дата обращения: 26.09.2022).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Государственная программа Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70644224/> (дата обращения: 26.09.2022).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2016 г. № 510 «О государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318984/> (дата обращения: 26.09.2022).